

**Оксана Кравченко
Наталя Побірченко**

**МИХАЙЛО МАКСИМОВИЧ І
ПАНТЕЛЕЙМОН КУЛІШ:**

до історії взаємин

Вид-во _____

Умань 2007

ББК _____
УДК _____

Укладачі:

Кравченко Оксана, Побірченко Наталя

_____ Михайло Максимович і Пантелеймон Куліш: до історії взаємин / Укл.:
Оксана Кравченко, Наталя Побірченко. – Умань: РВЦ „Софія”, 2007. – _____ с.

Рецензенти:

Золотухіна С.Т. – доктор педагогічних наук, професор;

Коляда Н.М. – кандидат педагогічних наук, доцент.

У 2007 році минає 110 літ з дня смерті видатного українського громадського діяча, письменника, етнографа, філолога, педагога, перекладача, новатора Пантелеймона Куліша. Він залишив по собі багату спадщину, яка вражає своєю різнобічністю і талановитістю. П. Куліш є автором першого українського історичного роману „Чорна Рада”, одного із перших підручників для української школи „ГраMATка”, першим біографом М. Гоголя, засновником першого українського журналу „Основа”. Крім того він є новатором сучасного українського правопису, що ввійшов в історію під назвою „Кулішівка”. Колосальною його працею став переклад Біблії українською мовою. Це далеко не повний перелік його подвижницьких справ для розвитку культури України.

Творчий шлях П. Куліша був тернистий та нелегкий. Він самостійно прокладав собі стежку до високих наукових і літературних вершин. Талановитий, натхнений працею – учений привертав до себе увагу широкого кола науковців, письменників. Деякі захоплювалися його творчою діяльністю, деякі критикували її.

У книзі подано невідомі і маловідомі першоджерела, які висвітлюють цікаві моменти взаємовідносин П. Куліша та М. Максимовича, що дозволить краще зрозуміти характер та зміст їхньої наукової праці.

Видання розраховане як на пересічного читача, так і для літературознавців, філологів, викладачів та студентів.

ISBN _____

© «_____», 2007

До історії взаємин Пантелеймона Куліша та Михайла Максимовича

Михайло Максимович – справжній вчений-енциклопедист широкого діапазону – від ботаніки до історії, фольклорист, літературознавець, перший ректор Київського університету, не маючи навіть усіх цих звань, увійшов би в історію України хоч би й тим, що він відіграв надзвичайно важливе значення в розвитку і становленні такої величної постаті на теренах нашої України, як Пантелеймон Куліш. Роль і значення останнього в історії України до сьогодення не оцінена належним чином. „Від часів Куліша й дотепер, – як зазначає сучасний дослідник М. Скрипник, – панує оцінка його творчості та світогляду як надзвичайно суперечлива” [Сучасність. – 2001. – № 5. – С. 87]. Цього лицаря українського духу, що своїми ідеями випередив добу, негативно сприймали сучасники, лишився він незрозумілим і для наступних поколінь. Ми сподіваємося, що постать М. Максимовича, можливо, хоч трішечки допоможе відкрити ще одну грань справедливого розуміння багатогранної особистості П. Куліша.

Навчаючись з 1833 року в Новгород-Сіверській гімназії, студент Пантелеймон Куліш захопився українською народною поезією. Цю юнацьку пристрасть запалив у нього збірник українських пісень М. Максимовича, який випадково попав до його рук. Про цей випадок П. Куліш писав у спогадах про М. Костомарова: „Николаша” [Костомаров – Н.П.], как мы все питомцы общерусских школ, в начале пренебрегал хохлатчиною и думал на языке Пушкина. Но с обоими нами, на двух отдаленных точках Малороссии, произошел замечательный случай. Ему в Харькове попал в руки сборник украинских песен Максимовича, 1827 г., а я в Новгород-Северском тоже случайно сделался обладателем украинских дум и песен того же Максимовича 1834 г. Мы в один день из великорусских народников сделались народниками малорусскими [Новь. – 1885. – № 13. – С. 63].

Взагалі, треба відзначити, що збірники М. Максимовича грали якусь фатальну роль, розкриваючи перед читачами поетичну співучу Україну, які жили в ній і її краси не добачали. Перший збірник Максимовича 1827 року притяг увагу такого рафінованого читача, як О. Пушкін („Я обирал песни Максимовича”); М. Гоголь пише з приводу нього відому статтю „О малороссийских песнях” (1833), Олександр Гроза власною рукою переписав в окремий зошит усі пісні з Максимовичевого збірника, П. Куліш ще гімназистом за останні гроші купує цей збірник у букініста в Новгороді-Сіверському [Записки історичного Відділу УАН 1929. – № 21-22. – С. 210].

Для П. Куліша збірка народних пісень М. Максимовича відкрила новий незвичайний світ поетичних народних образів: Богдан Хмельницький, Петро Сагайдачний, Петро Дорошенко, Михайло Коновченко оживали в його уяві і збуджували в його душі глибоку симпатію до українського народу, його історії, культури. Йому надзвичайно подобалися чарівні своєю задушевністю українські мелодії. Весь збірник він вивчив напам'ять і з великим натхненням співав улюблені українські пісні.

Крім того, нове захоплення відкрило пристрасному юнакові нове

відчуття українського слова. „Тут мы увидели, – писав пізніше П. Куліш, – посредством печати, яснее прежнего, как прекрасен язык, о котором ни слова не говорится в учебниках и над которыми наши наставники глумятся с кафедры” [Основа. – 1862. – № 1. – С. 78].

Збірка М. Максимовича відновлювала в душі юнака все те, що було закладено ще в дитячі роки в батьківському домі, де говорили українською мовою і шанували народні звичаї. Ця збірка відтворила, зазначав П. Куліш, „оставленную нами в селах и хуторах жизнь языком наших матерей,” і довершила наше „перерождение относительно украинского слова” [Там само].

Це було справді переродження, це було відкриття, це було захоплення на все життя. Ні загальна русифікація навчально-виховного процесу в гімназії, ні повна офіційна відраза до всього українського не могли вже нічого вдіяти. Стихія любові до всього українського сприяла пробудженню у Пантелеймона Куліша творчих сил і розвитку національної самосвідомості. „Нашей душе любо было в той стихии, – писав він, – которою продолжали жить не переделанные школою спутники нашего детства; мы радостно нисходили с училищных высот в простонародную толпу, и одна мысль, что мы говорим и чувствуем то, что говорят и чувствуют миллионы не захваченных учебниками людей, давала нашим умственным силам молодую свежесть” [Там само].

У 1837 році П. Куліш залишає гімназію після п'ятого року навчання і їде до Києва з метою вступити до університету, де працював тоді його люблений М. Максимович. Юнак почав готуватися до іспиту, а щоб було з чого жити (батько йому відмовив у матеріальній допомозі), почав працювати по селах у поміщиків домашнім учителем, готуючи дітей до вступу в училище. Разом з тим юнак захоплено збирав народні пісні і народні оповідки, а входячи таким способом у спілкування з народом, мав повну можливість глибокого вивчення народного життя і мови.

У вересні 1839 року він складає вступні екзамени до Київського університету на філософський факультет, а потім у 1840 році переводиться на юридичний факультет. Але через матеріальні та бюрократичні перешкоди був відрахований зі складу студентів 1840 р.

За той короткий час перебування в університеті Пантелеймон Куліш звернув на себе увагу професора М. Максимовича, який читав тут словесність і якому юнак сподобався своєю талановитою вдачею та цікавістю до українського фольклору.

М. Максимович запрошував студента до себе в гості. Вони часто разом співали українські пісні і читали Вальтер Скотта. Юнак жадібно ловив пояснення професора, а останній з великим задоволенням сприяв творчому становленню і розвитку студента.

У 1840 році за допомогою М. Максимовича П. Куліш надрукував свої творчі доробки в „Литературной газете” („Приключение с казаком Бордюгом на Зеленой неделе”) та в „Киевляне” („Малороссийские рассказы”), а його перший твір українською мовою „Циган”, написаний ще в гімназійні роки,

був надрукований в альманасі „Ластівка” (1841).

Через десять років, живучи на засланні у Тулі, П. Куліш у листі до свого наставника так згадував цей час: „С именем „Киевлянина” соединяется у меня незабвенное воспоминание о той поре жизни, „когда мне были новы все впечатления бытья”, и чем больше отдаляюсь я од этой поры, тем сильнее люблю все, что наполняло тогда мою жизнь. А вы знаете, сколько наполняли ее Вы” [Институту рукописів НБУ ім. В.І.Вернадського. – (ІР НБУ). – ф. 10. – № 17270. – Арк. 4].

Коли Пантелеймон Олександрович залишив університет, М. Максимович дуже близько пройнявся його подальшою долею. Він організує йому зустріч з помічником попечителя Київського учбового округу М. Юзефовичем, характеризуючи його як надзвичайно талановиту людину, і просить влаштувати його вчителем в одну із гімназій округу.

28 січня Пантелеймон Олександрович був призначений учителем російської мови в Луцьке повітове училище [Центральний державний історичний архів (ЦДІА) у м. Києві. – ф. 707. – оп. 7. – спр. 64. – Арк. 22].

Тут, як зазначав П. Куліш у листі до М. Максимовича від 25 березня 1841 року, його „любили и ласкали” [Киевская старина. – 1899. – № 7. – С. 8].

Побутові умови молодому вчителю були створені якнайкращі. „Я за бр. серебром в месяц, – писав П. Куліш, – имею квартиру прекрасную со столом: три комнаты на втором этаже; с балкона видны лавки и базар, как на ладони. Спокойствие всевозможное, потому что нижний этаж со сводами, сквозь которые ничего не слышно. В одной комнате моя спальня и кабинет, в другой я принимаю гостей, а в третий спальня для моего слуги и кладовая” [Там само. – С. 7].

За короткий час молодий учитель проявив свій педагогічний хист і завоював авторитет серед учнів. Про це він з великим задоволенням хвалився М. Максимовичу: „Меня больше всего радует то, что я перед учениками сумел повести себя так, что без всяких усилий заставил их повинаться мне безусловно: уроки выучивают отлично, а в классе во время моих лекций так тихо, как в университетской аудитории, чего другие учителя не могут добиться никакими строгостями” [Там само. – С. 8].

Серед місцевого „бомонду” молодий учитель також користувався увагою, але то вже, як зазначив він сам, завдяки покровительству М. Максимовича: „Особенно Ваше письмо к Зеновичу подняло меня в общем мнении целым аршином выше. Даже сам смотритель стал ко мне почтительней, так что дает мне работу, чего ни один подчиненный от него еще не удостоился. Ксензы же, между которыми Зенович стоит как бы главою и с которыми он меня познакомил, принимают меня со знаками величайшего уважения” [Киевская старина. – 1899. – № 7. – С. 8].

У Луцькому училищі увагу П. Куліша привернуло унікальне зібрання книг, так звана „Олізарівська бібліотека”, конфіскована свого часу у польських магнатів. Бібліотека мала надзвичайну цінність „с редкими изданиями и состоявшей из 1500 томов” [Центральний державний історичний архів (ЦДІА). – ф. 707. – оп. 6. – спр. 141. – Арк. 1]. „Между теми

книгами, – писав П. Куліш М. Максимовичу, – есть все польские историки и хроникары, много рукописей и что всего важнее – рукописное подробное описание Польских сеймов; сверх того много исторических книг разного рода, есть романы Вальтера Скотта” [Там само. – С. 7].

На жаль, фонд бібліотеки був закритий і користуватися ним нікому не дозволялося. П. Куліш звернувся до смотрителя училища з проханням дозволити йому в порядку виключення попрацювати у цій бібліотеці, але йому було відмовлено.

Тоді П. Куліш попросив М. Максимовича „устроить дело как-нибудь, чтоб – или Михаил Владимирович (В. Юзефович – Н.П.) написал смотрителю о свободном пропуске меня в Олезаровскую библиотеку, или что-нибудь иное Вы придумаете. Только покорнейше прошу Вас доставить мне право беспрепятственно рыться в тех книгах, сколько моей души будет угодно” [Там само].

М. Максимович, звичайно, використав свої зв’язки і незабаром надійшло розпорядження попечителя округу, за яким учителю П. Кулішу було доручено упорядкування конфіскованого фонду бібліотеки Луцького училища [ЦДІА. – ф. 707. – оп 6. – спр. 141. – Арк. 1].

Тепер П. Куліш мав вільний доступ до такого надзвичайного скарбу, який зіграв важливу роль у його самоосвіті. „Эта библиотека, – згадував пізніше колега по Луцькому училищі М. Чалый, – весьма много способствовала расширению умственного кругозора Кулиша, и дала ему возможность пополнить пробелы недостаточного образования. В библиотеке, между прочим, находилось полное собрание романов Вальтера Скотта на французском языке” [Чалый М. Юные годы П.А. Кулиша. – К., 1898. – С. 7-8].

Щоб прочитати Вальтера Скотта в оригіналі, Пантелеймон Олександрович поставив собі за мету вивчити французьку мову і добився цього за короткий час. Як писав М. Чалый: „Кулиш приехал в Луцк с весьма жалкими познаниями во французском языке, но с течением трех-четырех месяцев он стал свободно читать Вальтера Скотта” [Там само. – С. 8].

У серпні 1841 року П. Куліша було переведено на посаду вчителя російської мови і словесності до Києво-Печерського дворянського училища. Влітку 1843 року він одержує за допомогою М. Максимовича та М. Юзефовича можливість подорожувати Україною. Його було направлено оглянути всі архіви Київської губернії, що зберігалися при урядових містах і монастирях. Цю поїздку молодий дослідник активно використав для вивчення мови, фольклору, звичаїв, обрядів, традицій українського народу.

У 1845 р., через поганий стан здоров’я, М. Максимович залишив Київський університет і пішов у відставку. Він поселився на своєму хуторі Михайлова Гора над Дніпром біля с. Прохорівка Золотоніського повіту і жив там усамітнено.

Де б П. Куліш не перебував тоді чи тоді, він постійно підтримував зв’язки з М. Максимовичем, активно листувався з ним, радився з усіх своїх проблем.

У роки заслання, коли П. Куліш жив у Тулі, Михайло Олександрович

був одним із небагатьох, хто тоді листувався з ним.

Так само і П. Куліш підтримував М. Максимовича в його усамітненому житті на хуторі. Він писав 9 листопада 1850 р. Михайлу Олександровичу: „Как теснится зима в окна Вашего домика? И что Вы делаете или думаете под веселый треск топящихся печек? Воображаю, какая долгая и угрюмая вереница мыслей обвивает Вашу голову, когда с днепровской котловины налетает порывами зимний, дышащий снежною пылью ветер и стучит в стекла Ваших окон, а Вы сидите один вдаль от всех симпатичных, одинаково с Вами образованных людей! Вы мне представляетесь чем-то осиянованным в таком положении, и если б я был немножко более поэт, то я бы написал из Вашей Михайловской жизни поэму” [Там само. – С. 7].

Листи П. Куліша для М. Максимовича були справжньою відрадою. „Пишите мне почаще, – говорить останній в одному з листів, – если Вам эта заочная беседа приносит хоть половину такого удовольствия, какое мне от нее каждый раз, как привезут из Золотоноши Ваш конверт” [Чтения в историческом обществе Нестора летописца. – 1905. – кн. 18. – Вып. 3-4. – С. 124].

П. Куліш неодноразово відвідував М. Максимовича на Михайловій горі. Йому там дуже подобалося. Він навіть у першій половині жовтня 1852 р., перебуваючи в гостях у М. Максимовича, домовився купити у нього 8 десятин нагірної землі з тим, щоб навесні поселитися там. Він писав 29 листопада 1852 р. до М. Білозерського, родича своєї дружини: „Я теперь всего приятнее мечтаю об устройстве домика на берегу Днепра и о балясах, которые я буду в нем точить... Весной хотелось бы прямо ехать на Михайлову Гору (Баляс покамест не существует) и похозяйничавши там, посетить вечно для меня незабвенные места моей любви, а отсюда опять наведаться на свой хутор (к тому времени там будет уже нечто в этом роде)” [ІР НБУ. – ф. 1. – № 28991].

Бажання придбати хутір біля М. Максимовича заставило його навіть обмежити себе в багатьох побутових звичках і витратах. „Я теперь живу очень скромно, – писав він 12 січня 1853 р., – перестал даже покупать вино из английского магазина (а другим я не верю), не покупаю даже книг, – только недавно купил Байрона, не отдаю в переплеты и словом уменьшил свои расходы на половину. Мечты о малороссийской природе и Балясах спасают меня от многих искушений, расставленных на каждом шагу” [ІР НБУ. – ф. 1. – № 28998. – Арк. 2].

Правда, ці мрії не здійснилися, але в гості до М. Максимовича Пантелеймон Олександрович продовжував їздити.

Так, наприклад, влітку 1853 р. він разом з дружиною відвідав знову Михайлову Гору. Тут гостей радо зустрів М. Максимович зі своєю дружиною, з якою нещодавно одружився. Беручи участь у підготовці до весілля П. Куліш сам купляв за свої кошти у Петербурзі весільне вбрання для молоді Михайла Олександровича (шляпку, наколку, тощо) і відсилав на Михайлову Гору. Взагалі, П. Куліш часто допомагав матеріально своєму старшому другу. М. Максимович також допоміг П. Кулішу у виданні такої

важливої праці, як „Опыт биографии Гоголя”. Він передав йому свою переписку з М. Гоголем, його учнівські зошити, а також повідомив П. Кулішу цікаві факти, які надто збагатили біографічний опис життя письменника.

„Радуюсь, – писав М. Максимович П. Кулішу, – что письма посланные, послужили добрым запасом... для биографии Гоголя. Уверен, что она будет прекрасна” [Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. – 1905. – Кн. 18. – Вып. 3-4. – С. 129].

На прохання П. Куліша М. Максимович прочитав чорновий варіант „Опыта биографии Гоголя” і вніс багато суттєвих поправок і уточнень. „Многие из указанных Вами промахов, – писав Пантелеймон Олександрович, – заставили меня (нерозб.) над собой смеяться” [ІР НБУ. – ф. 10. – № 17270].

Очевидно і М. Максимович дорожив думкою П. Куліша стосовно своїх літературних творів. Саме йому Михайло Олександрович відправив на рецензію свої українські вірші. П. Куліш, прочитавши вірші, висловив захоплення літературною працею наставника. „От всей души поздравляю Вас, мой почтенный наставник, – писав він – с новым родом умственных занятий. Песни Ваши мне очень понравились. Дай Бог им успеха в читающем обществе! Так именно следует писать по-малороссийски, а то, забыв песенный склад и язык, выдумывают что-то новое, ровно чуждое для образованной и неграмотной братии. Не оскорбитесь, если я Вам скажу, что вы изумили меня Вашими малороссийскими стихами: я не предполагал в Вас поэтического таланта. Судя по этой неожиданной пробе пера и чернил, я ожидаю от Вас чего-нибудь эпического из нашей поднепровской старины. Благодарю Вас искренно за сообщение или за присылку на память Ваших черновых листков. Это первый поэтический цветок, попавший в мой январский гербарий” [ІР НБУ. – ф. 10. – № 17270. – Арк. 5-6].

Зовсім іншої думки був Пантелеймон Олександрович стосовно перекладу псалмів Михайлом Олександровичем. У коректній формі він радить М. Максимовичу не робити цього після Т. Шевченка. „Мне больше нравятся Ваши песни, – писав він, – нежели псалмы, и это потому, что в псалмах Вы имеете сильного соперника, который как будто спал пьяный на (неразб.) поле и подслушал, пробуркавшись, как напевал свои песни пастух Давид. Может быть, тут обманывает меня первенство авторитета; но я бы не советовал Вам подвергать себя сравнению, пиша на те же темы. Впрочем, мудрость поэтическая не извне к нам приходит, а развивается из собственного нашего зерна под более или менее благотворными внешними влияниями” [Там само].

Коли М. Максимович став робити переклад „Слова о полку Ігореві”, то також послав перші листи на рецензію П. Кулішу у серпні 1854 р. Останній назвав цей переклад „помислом дуже добрим”: „Кому й витолмачити ту узлувату прашчурівську мову, як не нашому братові? Та й речитативи ні в кого такої немає: тут аби попав на стежку, то іди та йди повагом, цуприкаючи... вивезе хоч яку вагу. Здається мені, що ви чоловік

непохитливий, попораєтесь коло тої ветоші хоч би й довгенько, поки таки обернете ж на нові словеса, щоб уже не дяки з архидяками, а всяк чоловік зрозумів, що то воно є та старосвіцька дума про храброго Ігоря. Більш од усіх радуватимусь, узявши в руки Вашу віршу про (нерозб.). Нехай Бог помагає ж зкінчати та й нам прочитати” [Там само. – Арк. 7].

М. Максимович у листах до П. Куліша писав не лише про свої літературні плани, а й ділився з ним, як з душевним другом, своїми особистими проблемами. Так, у листі від 20 січня 1854 р. він скаржився на свою відірваність від цивілізованого світу і розповідав про свій душевний дискомфорт від спілкування з новою ріднею. Весь лист проникнутий теплим почуттям автора до П. Куліша і свідчить про дружні і сердечні стосунки цих двох людей: „А у меня все неудовлетворенная жажда Москвы. Ее усилила до смаги на губах здешняя новая родня моя, от чего, вместе со всяким иным неудобством здешней жизни моей, напала такая неохота, чтобы не сказать хандра, к сообщению с миром... Еще раз скажу, что месяц если не дольше, духом моим был я совершенно отшельник, и все житейское и живущее не занимало меня; почему и все (внешнее) в великом запущении, начиная с переписки с друзьями – все они по праву могут назвать меня „Михайлом Молчаливым” [Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. – 1905. – Кн. 18. – Вып. 3-4. – С. 128].

П. Куліш також у тяжку хвилину звиряв М. Максимовичу як надійному другу свої душевні митарства. Не кожному він міг відкрити свою душу, свої настрої, свої „сокровенные мысли”. А М. Максимовичу він довіряв. У лютому 1854 р. Пантелеймон Олександрович писав останньому про своє бажання приїхати до нього, „чтобы можно было писать что-нибудь на Михайловой Горе, которой я уже обязан несколькими долго не дававшимися мне страницами. Повторяю, что местность Ваша повергает меня всякий раз в какой-то поэтический угар. Но как внутри меня не построены струны, на которых следовало бы играть, то и (неразб.) от меня только дисгармонию. Мне бывает в это время грустно за многое в моей жизни. Я чувствую в это время сильнее обыкновенного, людские мерзости, и чем сильнее пробуждается во мне порыв к чему-то прекрасному, тем отчаяннее томится душа моя в своем бессилии. Чем же поднять больное сердце до поэтического великолепия? И каким образом поступать так, чтобы истрачивая жизнь, приносить плоды новой жизни для будущего? Я из-за того только и хлопочу, чтобы привести себя в порядок, а, между тем, все вокруг меня выводят из моего внутреннего лада. Неужели же для меня нет никакой возможности поставить твердо ногу на землю посреди всеобщего смятения умов и сердец? Неужели только с рождением получаем мы дивное свойство „идти, куда влечет свободный ум”, не колеблясь никакими выгодами. Приятно веровать, что эта твердость стремления к цели приобретает долгими усилиями и многократными поправками.

Но, Боже мой! Сколько прошло времени в этих попытках, и все-таки я слаб, как ребенок. Так ли с каждым бывает? Не находят ли другие удовольствия носить перед ближними маску душевного величия, которого на

деле нет? Что касается меня, то я постоянно нахожусь между жизнью и смертью, и это все больше поглощает моей сердечной веселости” [ІР НБУ. – ф. 10. – № 17270. – Арк. 10].

У 1855 р. Пантелеймон Куліш починає готувати до друку свої етнографічні „Записки о Южной Руси”, які, на його думку, відкриють очі читачам на етнографію, „как на нечто живое, существующее в природе, а не в головах литераторов” [Киевская старина. – 1898. – № 4-6. – С. 113]. Він надавав цьому виданню великого значення „как памятнику жизни” і „духа народного, которому ... нет цены” [Русская старина. – 1904. – № 12. – С. 698]. „Спассти от забвения памятник жизни своего народа, – писав він у „Записках”, – есть истинный подвиг, который уже и теперь имеет полную важность в глазах каждого истинно просвещенного человека... В самом деле, сочувствовать песне, странствующей как сирота между людьми, и беречь ее от забвения – не то ли самое, что приютит живую душу, которая без нашей заботливости исчезла бы с лица земли? Расширить своими открытиями круг исторических сведений – не значит ли сделаться самому частью истории? Провести источник родного слова и духа к будущим писателям – не значит ли быть двигателем их успехов?” [Записки о Южной Руси. – СПб., 1856. – Т. 1. – С. 220-221].

У цьому збірнику було вміщено надзвичайно цінний і новий для тих часів український етнографічний матеріал: перекази, оповідання, думи, пісні з коментарями П. Куліша, історичні розвідки; а в другому томі „Записок”, що вийшов у 1857 р., уперше була надрукована поема Т. Шевченка „Наймичка”. „Записки о Южной Руси” справили велике враження на прогресивну громадськість. „Книга, – зазначав Б.Д. Грінченко, – производила впечатление на публику не только как ученый труд, но и как наглядное доказательство силы духовного творчества народа” [П.А. Кулиш. Биографический очерк. – Чернигов, 1899. – С. 12]. Довгий час „Записки” були настільною хрестоматією для тих, хто цікавився українством.

Проте зовсім іншої думки про „Записки” був М. Максимович, який повідомив П. Кулішу, що збирається виступити в пресі, зокрема в журналі „Русская Беседа” із запереченнями деяких його думок висловлених в „Записках” про історичні пісні. Це, безумовно, схвилювало Пантелеймона Олександровича. Адже він завжди знаходив порозуміння в приватному діалозі з другом і наставником.

1 грудня 1856 року він пише М. Максимовичу: „Що до бійки за Записки, то шкода Вам заводити із мною рубанину: чи Ви мене, чи я Вас подолаю, однаково буде негарно, і для почину нашого діла невжиточно. Глядіть, добродію, чи не пересолили Ви своїх листів у „Бесіду”? Самі знаєте, що буває людям за пересол. Мого діда прозвали „Гарячим Кулішем”, то й мені трудно буде вдержатися, щоб кого не обпарить, а найбільш, як часом убрали що-небудь не до шмиги, бо в Вас ангел не стояв за плечима, як Ви свої листи писали, а трохи чи не присусідився лисий дідько із Дніпрової ополонки. Як же скажете мені щиру правду з (нероб.) і розумом, то поклонюсь і подякую за науку” [ІР НБУ. – ф. 10. – № 17270. – Арк. 10].

Не зважаючи на це прохання, М. Максимович все-таки надрукував свої „Украинские письма к П.А. Кулишу от М.А. Максимовича” в журналі „Русская Беседа” на початку 1857 року, де, зокрема, саркастично оцінив „стародавние думы бандуристов и болтовню ... рассказчиков” та „историко-поэтические мысли и мечты” П. Куліша.

Аналіз „Записок” М. Максимовичем не був професійним і глибоким. Він більше зупинявся на несуттєвих дрібницях, що навряд чи можна було їх вважати серйозною критикою. Що стало причиною такого кроку М. Максимовича, ми не знаємо і нам важко тепер про це судити. Дослідник кінця ХІХ – початку ХХ ст. В. Данилов з цього приводу писав: „Нельзя также сказать, что „Письма” были написаны „с разумом” с точки зрения журнального интереса. Странно видеть их в журнале, которому словянофилы хотели придать значения боевого орудия за свои идеи, – настолько узки интересы этих „Писем”... Автор пользуется самым ненадежным историческим материалом, в роде рассказов старожил... Это беседа человека, наскучившего молчанием и довольного, что ему есть с кем поговорить” [ІР НБУ. – ф. 10. – № 17270. – Арк. 11].

П. Куліша, звичайно, цей публічний виступ М. Максимовича надзвичайно вразив, зачепив, як кажуть, за живе. Він відразу, 30 квітня 1857 року, написав листа М. Максимовичу. „Не гаразд вчинили Ви, взявшись за „Письма”, – прямо заявляє П. Куліш. Він не може зрозуміти, чому саме його друг-наставник, а не хто інший, виступив з такою претензійною критикою „Записок”, назвавши їх „поетичними мріями”. „Мечти мої нехай будуть, поки що мечтами, – пише П. Куліш, – а обернувшись в плоть і кров роду грядущого, будуть такою ж правдою, як весняне сонце. Одна ця думка уже вище мрії, бо щира прихильність до рідного краю, до рідного плем’я – така ж мрія, як і ребро, списом продовбане. Це моя релігія, котра спасла мене од смерті і спасе, може, тисячі інших людей” [Там само. – Арк. 12].

П. Куліш дуже емоційно висловлює своє обурення на критику М. Максимовича. „Коли не вкорочу собі віку, – заявляє він, – стоячи один на своєму поприщі, то побачать люди, яка мрія має слово об нашій історії і поезії! Я не побачу, а люди побачать, коли б тільки стерпіти усі муки, котрі завдає чоловікові мир, скоро почує царство його, не од мира, по завіту Христовому. Оце було перше ваше негарне слово, котре зразу показало мені, що не од вашого брата ждять мені, пільги в моїй трудній дорозі, не ви привітаєте щирим словом моє важке діло; од вас тільки мені затулити уші, одвернути очі, і йти, куди велить мені душа моя. Як трапиться коли довго не заснути в ночі на постелі, подумайте щиро самі з собою: ви скажете самі, що з висока поглянули на стезю мою, а про те й байдуже (бо з висока не видно) – да й тепер чи збагнете, що назад мені ця стезя покроплена кров’ю!” [Там само].

Особливо П. Куліша образило слово М. Максимовича „болтовня”, яким він назвав „Записки”. „Друге ваше негарне слово, – обурювався він, – що придання назвали болтовнею. Це болтовня? Коли що написав я по-своєму до ладу, то через цю болтовню, добродію! І не з ваших би уст треба чувати

землякам таке ганебне слово. Висока краса слова! Камені, на котрому відвигнеться наша не німецька словесність, – от що це за болтовня! Як іскри горіли в мене в душі слова Таранухи і Харка Цехмистера; як чари, наповняли вони мій розум, і здогадався я про такі речі, про котрі ні від кого не чув а ні півслова. Да що про те? Не так би вам рощать свої Українські листи, коли вже схотіли, щоб на весіллі в нас був і бас. Поправити мене всякий може; я ще й подякую, – тільки це інша річ: тут подають на сміх замість смоли – сала! Я не відповідатиму на ваші листи Українські і прошу Богом не зупинятися ради мене. Коли я справді мрію, а не діло роблю, то так мені й треба. Коли ж душа моя горить істиною, котру розуміють тільки перебуваючи в слові Христовому, то що зашкодять істині вашій, як падуть Ляхи, przusinki? Діло покаже, хто куди йшов і куди забрів, а всяке має свого царя в голові і свого суддю в серці – їх нехай і слухає. Ну, да Бог з ним! Я й не думав про це так довго розмовляти, бо кажуть: розумній голові досить два слова” [Там само. – Арк. 13].

Закінчив листа П. Куліш такими словами: „Прощайте, може, вже й навіки!” Весь зміст листа і ця фраза говорять, як боляче сприйняв П. Куліш виступ М. Максимовича у пресі. Очевидно, він вважав, що справжні друзі так не повинні чинити.

Після цього П. Куліш став уникати навіть випадкових зустрічей з М. Максимовичем.

Так, у листі до С.Т. Аксакова від 20 жовтня 1858 р. він писав: „Я исполнил свое обещание посетить Вас вечером, но, узнав от слуги, что у Вас сидит Максимович, воротился. Он написал против меня статью, совершенно его характеризующую, чтоб не сказать больше; а как у него, смеющего называть себя моим благодетелем, нахальства бездна, то я должен бы был или томить себя наружным спокойствием в Вашем присутствии, или высказать такие вещи, которые были бы для меня, по отношению к Вам, новым предметом горького раскаяния. Притом я думаю, что Вы, в благости Вашего сердца, готовы были сделать над собой усилие, чтобы беседовать со мной, не давая заметить физических страданий и некоторого неудовольствия, причиняемые присутствием человека, не познавшего цены прежним нашим отношениям” [Радянське літературознавство. – 1957. – № 19. – С. 100].

Та на цьому публічний диспут П. Куліша і М. Максимовича не закінчився. У 1857 р. П. Куліш у журналі „Русская Беседа” [7. – № 7. – С. 123-145] надрукував епілог до „Чорної Ради” під назвою „Об отношении малороссийской словесности к общерусской”, де, між іншим, зробив невелику спробу в загальних рисах критично схарактеризувати М. Гоголя як живописця минулого і сучасного життя України. Так, Пантелеймон Олександрович, віддавши належне талановитому письменнику за те, що той у свої творах звернув увагу самих українців на їхню національну гідність, непересічність, високу духовність, одночасно відкрив для росіян „своехарактерный и поэтический народ” [Повести П.А. Кулиша в четырех томах. Т. 1. „Черная Рада”. – СПб, 1960. – С. 2]. П. Куліш вважав, що твори М. Гоголя дали „новое, сильное побуждение к объяснению Украины” [Там

само].

Разом з тим, П. Куліш, відзначаючи позитивні сторони ранньої творчості письменника, звернув увагу на те, що ранні твори М. Гоголя не відповідають багато в чому історичній правді. На думку критика, у „Тарасі Бульбі” М. Гоголь „обнаружил крайнюю недостаточность сведений об украинской старине... Тарас Бульба... поражает знатока случайной верностью красок и блеском зиждущей фантазии, но далеко не удовлетворяет относительно исторической и художественной истины” [Там само].

На цю передмову відгукнувся М. Максимович (в „Русской Беседе” (1858) статтю „Об историческом романе г. Кулиша „Черная Рада”, яка була вже більш претензійна і образлива, ніж попередній його виступ.

Він, зокрема, зазначав, що П. Куліш „умалывает достоинства повестей М. Гоголя из желания возвысить этим значение „Черной Рады” в глазах читающего общества” [IP НБУ. – ф. 10. – № 17270. – Арк. 14]. Далі М. Максимович писав, що автор „Черной Рады”, по-перше, „слишком произвольно обходиться с историческими фактами”; а, по-друге „его олицетворенная история нередко обращается в маскарад” [Там само].

Така заява М. Максимовича, звичайно, була несправедливою і образливою для П. Куліша.

Треба завважити, що в поглядах Пантелеймона Олександровича не було зневажливого ставлення до М. Гоголя. Навпаки, він глибоко поважав і високо цинив геній письменника, особливо такі його твори, як „Ревізор”, „Мертві душі” та ін. Та й сам він, як ми знаємо, багато зробив цінного для вивчення життя і творчості М. Гоголя: у 1854 р. П. Куліш видає „Опыт биографии Н.В. Гоголя”; у 1856 р. „Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя в 2-х томах, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых, и из его собственных писем”; а у 1859 р. видає повне зібрання його творів. Він також обороняє М. Гоголя від різних пліток і брудних нападів у пресі. Так, в газеті „День” [25 листопада 1861 р., № 17, С. 18] Пантелеймон Олександрович виступив зі статтю „Несколько слов об обороне Гоголя и нападении его земляков”, а у 1862 р. в першому номері „Основи” з’явилася його стаття „Гоголь перед судом обличительной литературы” на захист М. Гоголя, коли російський критик М. Герсеванов виступив з брудними нападами на письменника.

Тому чути такі несправедливі зауваження з боку М. Максимовича П. Кулішу було дуже боляче. „По мнению Максимовича, – писав ображений Пантелеймон Олександрович, – личные вады могли заставить покривить истинным судом у Гоголя даже и того, кто употребил столько трудов на собиране материалов для биографии Гоголя, кто дважды составил опыт его биографии, кто, из опасения бросить какую-либо тень на память высоко ценимого им поэта, пересветлил местами его нравственный образ и подвергся за то справедливому порицанию со стороны других биографов, кто еще недавно издал, со всевозможно кропотливой проверкой по рукописям „Сочинения” и „Письма” этого поэта, и вменяет себе в особенную честь такое дело, радуясь, что холодная рука издателя-спекулянта не прикоснулась

к бумагам его земляка, умершего вдали от родины” [Основа. – 1861. – № 4. – С. 68].

„Следовательно, – пише далі П. Куліш, – собирая по листочку материалы для биографии Гоголя, заводя об этом переписку с разными лицами, в том числе и с самим г. Максимовичем, разъезжая по этому делу в разные места и мня в книгу всякую мелочь, относящую к Гоголю, с благоговением к его невозвратному существованию, – я был тем же автором „Черной Рады”, что и ныне и преклонялся перед его высоким талантам точно так же, как и теперь преклоняюсь” [Там само. – С. 69].

І, взагалі, П. Куліш, зазначав, що хоч він і звернув увагу в „Епілозі” на деякі недоліки українських повістей М. Гоголя, але це ніяк не може принизити достоїнств творів письменника, особливо такого талановитого, як Микола Васильович Гоголь. „Очень понятно для меня, – писав П. Куліш, – что заметки, подобные моим указаниям на недостатки Гоголя как автора украинских повестей, могли бы более или менее вредить литературной репутации какого-нибудь автора средней руки. Но ведь Гоголь богач, для которого ничего не значит – заплатить дань критике. Лучшие из его украинских повестей, как бы мы ни понизили их уровень, все-таки могут быть понижены только в отношении последовавшими за ними его произведениями; в сравнении же со всякими другими повестями, они до сих пор остаются, в своем роде единственными” [Там само. – С. 70].

А тому, Пантелеймон Куліш, як справжній літературний критик вищого гатунку, віддавши належне М. Гоголю, по-перше, не міг миритися з тим, що на його думку, не відповідало етнографічній і історичній правді в творчості великого письменника. А, по-друге, „підігрітий” критичними випадками М. Максимовича, він вирішив взятися до більш ґрунтового критичного аналізу творчості великого письменника.

З цього приводу П. Куліш писав: „Я полагаю, Максимович написал свою критику против меня не по каким-нибудь побуждениям вроде тех, которые предполагает он во мне. Я должен думать, что он писал ее искренно и прямодушно. Поэтому я прочел ее очень внимательно и, несмотря на то, что ее ревностный к истине автор присвоил себе право хозяйничать даже в моей душе, вижу из нее, что представленная мною характеристика Гоголя коснулась предмета слишком поверхностно, что, будучи очень сжата, она возбуждает вопросы, не давая на них ответов, и что, как ни ясна она для автора, имеющего специальные сведения о предмете, – в глазах читателей она, может быть, не более, как собрание афоризмов. Эти мысли приводят меня к заключению, что не следует мне останавливаться на том, что высказано мною в эпилоге в „Черной Раде”, а следует взяться за критическую работу вновь и внести в нее возможную полноту изложения, которая бы сама собой разрешала недоумения, могущая опять возникнуть в уме читателей [Там само].

І як результат у журналі „Основа” за 1861 р. (№№ 4, 5, 9, 11-12) з’являється цілий ряд статей П. Куліша, в яких він виступає як літературний критик ранніх романтичних оповідань М. Гоголя з циклу „Вечори на хуторі

біля Диканьки”. Треба відразу зазначити, що його погляд на ранню творчість М. Гоголя не вписувався в загальноприйнятий. „Это было дело смелое после лицензий Белинского и других великорусских критиков, назвавших повести верным отражением украинской прошедшей и настоящей жизни”, – писав П. Куліш [Основа. – 1861. – № 4. – С. 68]. На думку критика, М. Гоголь допустив так багато помилок в зображенні української дійсності, що він не може замовчувати цього. П. Куліш детально аналізує „Сорочинскую ярмарку”, „Майскую ночь”, „Ночь накануне Ивана Купала” та інші оповідання, відзначаючи невідповідність етнографічній правді зображених М. Гоголем українських звичаїв, традицій, вдачі українців тощо.

Так, наприклад, в „Сорочинській ярмарці” знайомство парубка з дівчиною, пиятика майбутнього зятя і майбутнього тестя, їхні грубі звернення один до одного, поведінка закоханих серед базару – все це на думку П. Куліша, не відповідало моральному обличчю українця.

Він вважає, що звернення парубка Голопупенка до батька Хіврі: „Ну, Солопий, вот, как видишь, я и дочка твоя полюбили друг друга так, что хоть и навеки жить вместе”, – не може існувати в природі українця. Молодий хлопець ніколи, переконаний П. Куліш, не звернеться так до батька своєї коханої.

„Сколько мы знаем наш народ, – зазначає критик, – таким тоном мог бы обратиться к Солопию только близкий к нему сверстник, присватываясь за своего сына, да и тот выбрал бы для этого иное время и иное место, а не площадь, на которой происходит ярмарочная шумная возня и толкотня, да и тот назвал бы его не Солопием, а по имени и пожалуй – еще по отчеству. Если бы и к самому последнему из простолюдинов обратился парубок таким образом с сватовством, то и тот обиделся бы неучтивостью, понятною для мужика, так же как и для каждого из нас” [Там само. – С. 78].

Та Солопій не ображається. Навпаки, він іде зі своїм майбутнім зятем у корчму, де парубок проявляє себе як досвідчений п’яниця, чим викликає захоплення у батька нареченої.

„Для наблюдающих простонародную жизнь с помещичьего крыльца, – пише П. Куліш, – я должен здесь заметить, что зажиточный поселянин, мозольным трудом содержащий свое семейство, никоим образом не может восхищается пьяным рекрутским молодецеством будущего зятя... народный повседневный толк может удостоверит каждого, что в ужас пришел бы отец, сделав открытие, что будущий зять его – опытный пьяница” [Там само. – С. 83].

Наводячи і далі приклади, які не відповідали правді українського життя, П. Куліш робить висновок, що М. Гоголь просто не знав простонародної України і зобразив її, як барин, який бачить в селянові тільки смішне.

„Гоголь, – пише П. Куліш, – не знал поселянина близко. Он не сиживал с ним рядом; он не бывал его обычным гостем; он не носил на его свадьбах какого-нибудь почетного звания, он даже не умел отличить свадебного термина „дружко□” от слова „дружка” [Там само. – С. 79].

На думку П. Куліша, сватання серед ярмарки, та ще й у піст, для українського парубка просто неможливе: „Сватовство у пахарей в такое время, когда идет уборка хлеба и вообще горячая работа – просто небылица; сватовство в Спасов пост просто – черт знает что такое. Отсутствие стыда у украинской девушки, которую Гоголь заставил стоять обнявшись с чужим парубком среди ярмарки... такое оскорбительное изображение, как если бы кто в нашем присутствии изобразил чистую и непорочную женщину в виде рыночной вакханки. Наконец, отзыв отца о публичных поцелуях, вlepенных его дочери кем-то среди многочисленного общества, должен быть возмутителен для каждого, кому понятны отеческие чувства” [Там само].

А образ української жінки, зображений М. Гоголем, взагалі, не відповідає дійсності. „Послушайте, – звертається він до читачів, – что пишет новейший наблюдатель украинских краев, объездивший все наши ярмарки, И.С. Аксаков, говоря о козаках, хуторянах и мещанах: „Женщины еще менее носят на себе отпечаток своего звания. Природная грация, вкус к изящному, художественный склад мыслей, донельзя доведенная в области чувства – равно присущи всем Малороссиянкам и заслоняют недостаток образования” [Там само. – С. 86].

Не може критик змиритися і з тим, як закохані висловлюють свої почуття: грубо, не по-українському: „В нашем украинском народе, – пише П. Куліш, – даже и между дворовою панскою челядью можно услышать еще очень много человеческих речей. Любить у нас до сих пор умеют, и формы выражений, предназначенных только для одной особы, да еще в ночной тишине, как у Гоголя, до сих пор у нас полны местной поэзии. Но спрашиваю, что за поэзия в следующих словах влюбленной Хиври: „Пойдемте же теперь в хату, там никого нет. А я думала было уже, Афанасий Иванович, что к вам болячка или соняшница пристала: нет да и нет!” [Там само. – С. 86].

П. Куліш обурений з того, що такі твори російська столична критика (зокрема, і В. Белінський) називає „живописью украинской простонародной критики” [Там само. – С. 89]. І все те, з чого усі сміялися, читаючи „Сорочинську ярмарку” можливо і було б смішно, вважав П. Куліш, та тільки не для тих, хто знає простонародну Україну і не бачить в селянинові стільки смішного, скільки це бачить М. Гоголь.

„Если, – пише далі П. Куліш, – искусство состоит в том, чтобы заметить в народе самое пошлое, самое безобразное, самое грубое и отвратительное и выставить все это выпукло и ярко на всенародные очи; (виділено в тексті – Н.П.) то не для того надобно это делать, чтобы необразованность и нравственный упадок наших меньших братьев сделать смешными в глазах тех людей, которые обязаны, с высоты своего положения, протянуть руку помощи к людям пресмыкающимся где-то глубоко у них под ногами. Если высокое искусство не допускает со стороны автора каких бы то ни было объяснительных сцен или лиц, и предоставляет самому читателю, имущему возраст, уразуметь весь ужас картины, на которую он смеясь, загляделся; то и тогда все-таки надобно изображать происходящее пред

глазами нашими действия таким образом, чтобы видно было, на какой почве оно происходит и чем обставлены действующие лица; надобно, чтобы поселянин в своих пороках и невежествах был действительно поселянином, а не горожанином; чтобы украинец действовал хоть и безумно, хоть и скотски, но все же под влиянием местных условий и всенародных его обычаев. Сватовство среди ярмарки для украинского парубка решительно неприемлемо [Там само. – С. 89].

П. Куліш вважав, що М. Гоголь дивився на український народ не по-українськи. Він зазначив, що „Гоголь, как живописец быта украинского был больше Москаль и горожанин, нежели Украинец, хорошо знающий жизнь изображаемого народа” [Там само. – С. 87].

Та критик Пантелеймон Куліш не засуджував письменника Миколу Гоголя. Він розумів, що в названих недоліках криються об’єктивні обставини. Просто М. Гоголь не міг писати інакше, тому що виховувався в іншому середовищі, тому що тоді не було умов і „моди для вивчення народу”. „Если бы Гоголю, – писав Куліш, – дать все те этнографические познания, какие имел Квитка, если бы Гоголь проникся духом своего народа, так как Шевченко, то, при его необъятном таланте воссоздавать действительность, его „Вечеров на хуторе” были бы столь же неизменно-многоценным творением, как многие из его последовавших созданий” [Там само. – С. 88].

П. Куліш надзвичайно високо цінував зрілу творчість М. Гоголя. Він вважав, що критика ранніх творів ніяк не може зашкодити такому літературному гіганту, як Микола Васильович Гоголь.

„Упреки, сделанные мною искусству Гоголя-Украинца, – писав він, – были бы слишком тяжки и уничижительны для всякого юного писателя с его недостатками; но Гоголю следовало сделать эти упреки, во славу его торжества над самим собою. Какая поразительная у него разница между изображением местных нравов и обычаев в „Вечерах на хуторе” и в „Мертвых душах”!.. Поэтому, если уже отстаивать неприкосновенность достоинств Гоголевого таланта, то следует разуметь под этими словами не непогрешительность Гоголя в искусстве, а гениальную работу его над искусством, освободившую его мало-помалу от прежних, слишком важных недостатков” [Там само. – С. 89-90].

Після опублікування Кулішевих статей про М. Гоголя М. Максимович негайно друкує у журналі „День” свою статтю „Оборона украинских повестей Гоголя” [1861 № 3, 5, 7, 9].

Він називає критику П. Куліша „шумною и грозною”, говорить, що він „судит и рядит неоглядно и самопроизвольно”, „со свойственною ему чрезмерностью”, що писання його – „суесловие”. Крім того, він зазначає, що в „Опыте биографии Гоголя” П. Куліш по-іншому оцінював „Тараса Бульбу”, називаючи його „живым, буйно-энергическим образом”. Як зазначає В. Данилов: „Максимович тепер не щадил Кулиша и не избегал резких полемических выходов, вроде цитаты из Основьяненка: „Дуже недобре брехати” [ІР НБУ. – ф. 10. – № 17270].

П. Куліш відповів М. Максимовичу статтею „Несколько слов об обороне Гоголя и нападении земляков” [День. – 1861. – № 7].

Тут він писав, що М. Максимович, виступаючи „под знаменем „обороны”, об’являє його ворогом М. Гоголя і розраховує, що його виступ відверне читачів „Дня” від критичних статей П. Куліша про М. Гоголя. „Что же это выходит?” – запитує П. Куліш. – Ни дать, ни взять – рыночная суета из повести Гоголя, где торговки отзываются одна о другой так: „Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная!” [IP НБУ. – ф. 10. – № 17270. – Арк. 13].

Редакція газети „День” зробила примітку до статті П. Куліша, в якій „высказывает скептическое отношение к мыслям о возможности развития художественной украинской литературы в тех размерах, как это представляет „Основа” (треба розуміти – Куліш – Н.П.); висловлюється про українську мову, як про місцеву, якою не можна перекладати творів загальнолюдського значення, таких, наприклад, як „Іліада” і вказує П. Кулішу, що внаслідок своєї запальності він постійно протирічить сам собі, відповідно до прислів’я: „Язык мій – ворог мій” [Там само].

Після цього П. Куліш виступив проти М. Максимовича в журналі „Основа” (1861, № 10) байкою „Гоголь і Ворона”, де в алегоричній формі зобразив себе Дощем, що очищає М. Гоголя, а М. Максимовича – Вороною, що марно турбується про „оборону” письменника. Остання стрічка байки, де згадується слово „оборона” розкриває смисл алегорії. М. Гоголь говорить Вороні:

„На що мені од дощику
Твоя оборона!
Сиділа б ти собі мовчки,
Химерна Ворона!”

До цієї байки П. Куліш зробив примітку, де зазначає, що українське слово з часом проявить себе в усіх видах і жанрах української літератури і докаже свою самодостатність: „Само дело убедит в этом наших антиподов, которых День для нас Ночь (підкреслено в тексті – Н.П.), которые пророчески решают вопросы жизни и смело утверждают, что наше слово способно к тому-то и неспособно к тому-то” [Основа. – 1861. – № 10].

Листок „Основи” з байкою П. Куліш сам надіслав М. Максимовичу. Останній не залишився у нього в боргу і написав відповідь:

„Брехня, що Гоголь в тебе
Із хмари дрібний дощик лине
На біле пір’ячко його.
Ти з хати льєш тільки помії.
Оттім і треба нам його
Дніпровою водою змити
І од твоїх нечистих рук
Його оборонити”

[IP НБУ. – ф. 10. – № 17270. – Арк. 14].

Цей вірш та й інші статті М. Максимовича, які він тоді ж написав проти

П. Куліша з цього приводу, не були надруковані. Його зупинив О. Бодянський, який написав йому: „Не пора ли кончить? С преподобным ведь преподобным будешь...” [Там само].

Іншим разом він писав: „С Палием (так між собою вони називали Куліша – Н.П.) бросьте препирания. Хорошо спорить, когда поддерживается охота к тому вниманием слушателей. Притом в споре необходимо прежде всего добрая совесть в противнике, без чего, пожалуй не далеко от позора: вот, мол, с кем связался!” [Там само].

На це М. Максимович відповів О. Бодянському: „За Гоголя необходимо было вступить кому-нибудь из нас, особенно, мне, ибо Кулишевы брехни производят немалый эффект между молодежью украинской, особенно полтавской: есть великие поклонники, верующие в его писание, даже и относительно Гоголя. Много виноват в том Костомаров напышающий самолюбивого Панька и называющий его златоустым” [Там само].

Проти П. Куліша виступив і журнал „Время” [1861. – № 31] зі статтею: „Критики-этнографы. Малороссийский писатель Гоголь по г.г. Кулишу и Максимовичу”, де засуджується взагалі етнографічна критика, з якої „и взятки не так берут, коли на то пошло”. „Нужны, – говорит автор статті, – особенная узость мысли, нужно запереть свою мысль в какой-нибудь тесный угол, уткнувшись в него с тупым упрямством фанатика, чтобы получить способность прицепиться к неопределенным словам деда и на основании их потребовать от автора фантастического рассказа – изображения известной исторической эпохи”.

Кулішеві прихильники обурювалися таким ставленням до їхнього патрона, писали про це П. Кулішеві, підтримували його. На що він так відповідав, зокрема, чернігівському громадівцю С. Носу: „Що се ви так турбуєтесь про тих людей, що мене ганять. Нехай собі ганять, коли охота. Діло само себе покаже. Все те забудеться скоро, а діло не на те робиться, щоб його занедбати, бо воно діло (виділено в тексті – Н.П.). Нехай ганять: може ганивши, яку й правду скажуть, а ми її й намотаємо на ус, та й порозумнішаємо на користь добрим людям” [Киевская старина – 1899. – № 4-6. – С. 216].

Після такої гострої полеміки між П. Кулішем і М. Максимовичем стосунки їхні майже перервалися. Дуже рідко хтось комусь надсилав листа в офіційному тоні з того чи того конкретного приводу, де П. Куліш, наприклад, називав М. Максимовича тільки „почтеннейшим” без будь-якого виявлення дружніх почуттів. У 1864 р. М. Максимович в одному з листів, ніби нічого й не сталося, запрошував П.Куліша з дружиною до себе в гості на Михайлову Гору, на що останній відповів, що це непогана думка і йому також „хочецця де-про-що позмагатися” з М. Максимовичем. Але так вони більше і не зустрічалися.

Вважаємо, що такі розходження між цими двома постатями були закономірними. Адже М. Максимович був представником офіційної суспільно-політичної ідеології того часу, тоді як П. Куліш був лицарем українського духу, що своїми ідеями випередив добу, якого негативно

сприймали сучасники і який лишився незрозумілим і для наступних поколінь.

Для того, аби читачі могли мати особисту думку, а також більш чітку уяву про взаємини цих двох постатей, та й взагалі, відчули дух тієї епохи, ми пропонуємо далі ознайомитись з маловідомими джерелами, які відображають стосунки П. Куліша та М. Максимовича.

Наталя ПОБІРЧЕНКО,

доктор педагогічних наук, професор, зав. кафедрою соціальної педагогіки та історії педагогіки, проректор з наукової роботи уманського державного педагогічного університету імені Павла Тичини.

Украинские письма к П.А. Кулишу от М.А. Максимовича

Письмо первое

О сотнике Харьке и запорожце Чуприне

Получил ваш новый гостинец, «Записки о Южной Руси», и сердечно благодарю за прекрасный подарок. Я читаю с наслаждением ваши Записки, встречая в них то старых знакомцев своих, новые новости, добытые вами из старой памяти народа. Хвала вам и сотрудникам вашим, Шишацкому-Ильичу, Неговскому и всем новым делателям на этом поприще Южно-Русской народности, также богатом и неистощимом, как и земли Южно-Русская. Не нарадуюсь довольно, в моей Надднепровской глуши, видя непрестанное приращение нашего народа збожъя в литературном и учёном мире.

Как всё живо свежо в ваших «Записках», и эти стародавние думы бандуристов, и болтовня ваших рассказчиков, и ваши собственные историко-поэтические мысли и мечты. Любуюсь вашею книгою, я поучаюсь многому из неё, чего не знал прежде; но во многом с нею не соглашусь; и если бы у меня было побольше писательной силы, я написал бы вам подробный отчёт о моём чтении. Не могу, однако же, совсем отказать себе в удовольствии беседовать с вами об этом; и потому буду иногда писать вам мой критический комментарий хоть на некоторые места ваших «Записок». Начну с тех двух мест, где вы прямо объявили своё несогласие со мной, и захотели переделать мою старую погудку на новый лад. И во первых – о сотнике Харьке. За что вы обратили его из исторического лица в загадочное?...

Вы говорите: «Сотник Харько представляет загадочное явление в истории Польской Украины. Н.А. Маркевич, в своей Истории Малороссии, упоминает о его восстании под 1765 годом, а его смерти под 1766 годом, ссылаясь на неизданную статью М.А. Максимовича «О Колиивщине...» и т.д. Что же? Историк Малороссии, имевший право извлечь из моего рукописного «Сказания» всё, что ему было угодно, но не ошибся в означении смерти Харька 1766 годом, т. е., за два года до Колиивщины. Но (продолжаете вы) в местечке Смелой я встретил старика, Кондрата Тарапуху, который знал его (Харька) лично, и по рассказу которого он предводил Жаботинскую сотнею, спустя лет десять после Колиивщины». Однако же, приведя рассказ Тарапухи, вы сами находите, что он приписал себе личное знакомство с Харьком, будучи под хмельком, и только «для большого эффекта!» что он от своего лица передал вам рассказ какогонибудь старожилы; и вы сами полагаете, что Харько «должен был процветать в Жаботине никак не после разрушения Сечи». Таким образом, вы от рассказа Тарапухи возвращаетесь почти к моему сказанию, на которое сослался историк Малороссии. В моём «Сказании» написано так: «Свежа была ещё память о восстании сотника Харька, и трогательна песня о нем и его молодой вдове была любимую песней в народе». Эту песню в первый раз я узнал в

Москве, от М.С. Щепкина, когда он, своим задушевым голосом, пропел мне, у себя в саду:

Ехал сотник через Уланик,
На выечко похилился:
«Ой чом же ты, пане сотнику,
Ой чом зажурился?»
«Як же мене, паны-молодцы,
Ой як не журиться,
Коли подо мною буланий коню
Ирже й становится...» и т. д.

Вскоре после того, я приобрел у вдовы Ходаковской рукописное собрание песен, доставшееся после её достопамятного мужа; там нашел я ту же песню сотника Харька, с следующим концом:

Ой летит крячок через байрачок
Да й жалобненько кряче:
Стоит сотничка з полковником,
Да й жалобненько плаче:
«Ой бодай же ты, полковнику,
Наложил головою,
Що ты меня молоденькую
Нарядыв вдовою!»

Пополнив список Ходаковского куплетами, слышанными от Щепкина, я напечатал эту песню во втором издании моем «Украинских народных песен», 1834 года. Любя издавать песни с пояснениями и примечаниями, я искал известия: когда и где убит сотник Харько? И я нашел это – в книге достопамятного трудолюбца, Н.Н. Батыша-Каменского, «Историческое известие об Унии» (1805 г.), и, в пояснении к песне, я сказал, что сотник Харько убит 1766 года в Жаботине, по приказанию рейментаря, и сослался на книгу Батыша-Каменского. Вы сами указываете, в «Записках», на 121 страницу моих «Украинских песен», где напечатана песня и ссылка на книгу Батыша. И так, если вам угодно было усомниться в достоверности известия о годе смерти Харьковой, то следовало бы опровергать оное не в «Истории Маркевича», а в самой книге истории Унии, на которую моя ссылка была пред вами на 121 странице. Но Н.Н. Батыш-Каменский (отец историка Малороссии) писал на основании подлинных актов, которых и был он блюстителем; опровергать его известия можно только на основании подлинных актов того времени, а не на рассказах современного нам селянина. Всякий подобный рассказ имеет своё достоинство; но как источник исторического сведения, он занимает последнее место, и редко обойдётся без ошибки, всегда требует проверки строгой. Вот, например, один из лучших у вас рассказов о Колиивщине, рассказ Ивана Бурдуна, «О вербовке в Гайдамаки и развязке Уманской трагедии 1768 года»: первая половина его (о вербовке) отменно занимательна и правдоподобна; но вторая половина, где

он говорит о расстрелянии Шелеста, Лусконога и Гниды за Монастырищем, решительно небелица. Из множества читанных мною показаний, снятых с Гайдамаков в Киеве и Переяславе, и в судилище Коденском 1770 года, я достоверно знаю, что Осип Шелест, бывший атаманом табора, собравшегося под Мотренинским монастырем, в Холодном овраге, весною 1768 года, там же и умер своею смертью, и в дальнейшем деле не участвовал; а на его место тогда стал старшим Запорожец Максим Железняк, провозглашенный там от казаков полковником.

Но от чего вы не обратили внимания на другое показание о годе смерти Харьковой, отходящего от вашего предложения более, чем принятое мною свидетельство историка Унии? В издании песен г. Метлинского, при новых вариантах песен о смерти сотника Харька, означен 1750-й год! Тут разницы даже больше, чем в рассказах Таранухи! Вы ссылаетесь на те песни, предпочитаете их старшему списку Ходаковского, а не обратил внимания на показание 1750-го года.

На основании тех песен о Харьке, записанных вами и черноморцем Вареником, и на основании рассказа Таранухи, вы говорите, что Харько убит в Паволочи. А я, не доверяя и старшему списку песни (Ходаковского), где означена Морозовка, принял свидетельство Батыша-Каменского, что сотник Харько убит в Жаботине. Песня, как вы знаете, не редко принимает в себя те места, где её поют. Так, в песне о Бондаровне, поют: в славном месте Немирове, и в Умани, и в Каневе, а верно только последнее. Так в песни о рыцаре Байде, по изданному мною списку – в Берестечку, а по списку Лукашевича – в Киеве, а ни то, ни другое неверно, если под именем Байды воспевается действительно наш знаменитый казацкий вождь, князь Дмитрий Иванович Вишневецкий. Имя Байда встречалось мне как фамильное имя у Южной Руси: по книге реестров войска Запорожского, 1649 года, значится козак Байда; по книге Коденского Судилища значиться дяк из Дубровицы Омелько Байда, sciety 1770 г., 1 Октября, по поводу Колиивщины. Народная песня, при первом своем сложении, определяет место события верно; но если произволом позднейших певцов произошло уже разногласие в вариантах песни, и если при этом есть указание документальное, то это последнее должно предпочесть; потому-то я и признаю местом смерти Харьковой, не Паволочь, а Жаботин.

Но вот еще одна, очень важная, подробность, которой нет в позднейших вариантах песни, записанных вами и черноморцем Вареником, но которою начинается у меня список этой песни, записанной Ходаковским:

Ехал, сотник через Уланик,
Горилки напился;
За ним, за ним – семьсот молодцов...

Этим числом, за неимение других показаний, я и воспользовался в моем «Сказании», для означения, с какою силою Харько предпринимал свое дело, за два года до Колиивщины, т.е., в 1764 году. Вы, в своих «Записках»,

привели весьма любопытный и новый для меня рассказ Звенигородского сотника Погорелого, что Ляхи могли умертвить Харька не иначе, как только его же саблею, и приковав коня его по всем четырем ногам. Но таким представлением народа о сотнике Харьке и подтверждается, что его предприятие и впечатление на народ было не маловажное, – как и подвиг Железняк; и потому-то насильственная смерть Харька тотчас облеклась в баснословное сказание о его сабле и коне, подобно тому, как сложилось баснословие о Железняке, подвизавшемся по горячему следу Харька, – что привязав Железняка за руки и за ноги к каменному столбу, двое суток в него из ружья стреляют, да только казну теряют; а как привели его под царские палаты, и он топнул ногою, махнул рукою, так и посыпались пули из него, как горох... Сотник Харько для меня такое же историческое лицо, как и Железняк, исполнивший, в 1768 году, то, что предпринимал Харько в 1764-м; кончина его, означенная в «Известии об Унии», 1766 года в Жаботине, для меня есть сведение положительное, какого я не доискался еще об Железняке; ибо последнее, какое имею о нем документальное сведение, есть то, что он, взятый под Уманем, Каргопольским полковником, Гурьевым, привезен в Киев, вместе с атаманом, Павлом Тараном, и другими 72-мя гайдамаками, 8-го Июля, 1768 года, и сдан в Печерскую крепость плац-майору, Василию Лбову. Там представляет его и песня:

Ступай, ступай, Зелезняку!
Го вже гулять;
Пойдем в Киев в Печерское
Богу роботати!
И говорит Максим казак,
Сидя в неволи:
«Не будуть мать вражи Ляхи
На Украине воли!»
Течуть речки з всего свету
До Чорного моря:
Минулась на Украине
Жидовская воля!

Отбившись добровольно от положительного известия о сотнике Харьке, пришедшем Железняку, вы не могли уже сладить с ним. То вы его слишком поднимаете, говоря, что «он обнаружил в своих поступках нечто, напоминавшее Полякам Хмельницкого» (разве по пословице: «Лях мудрый по шкоде!»); то вы слишком понижаете сотника Харька, ставя его чуть ли не ниже Чуприны и Чортоуса, таких гайдамаков, которых промыслы и молодечество не относятся к Колиивщине, и которое здесь, на Восточной Украине, назывались в народе сучаками. На этой степени можно будет с сотником Харьком смешать и того загадочного запорожца, «Харька Макогоненка, що був семь лет вовкулакою», и об котором еще в детстве моем я слышал скороговорку: «Харько Макогоненко-Калюбуренко-Демко, що матери око выколов». Вы говорите, что, кроме Железняка и Гонты, «остальные, известные нам по преданиям, как, на пример, Чуприна и Чортус,

оставлены во мраке забвения, и кровавая судьба их не почтена от народа ни одним рифмованным двустишием. За то на которые лица, не вписанные в историю, воспеты бандуристами с особенной любовью. Это уже каприз популярной славы, которая не всегда избирает в свои любимцы достойнейших. Так, сотник Жаботинский, Харько, о которого подвигах мы не знаем ровно ничего, воспет не хуже самого Железняк»...

Но вот это-то и свидетельствует, что Харько, также как и Железняк, выше толпы, которую они подвинули и подняли на дело общественное, и возбудили к себе сочувствие народа, означавшиеся песнотворческим одушевлением. Тоже должно сказать и об Уманском сотнике, Иване Гонте, лице весьма трагическом, как по тому стечению обстоятельств, при котором он, вышедший против Железняк, перекинулся на его сторону, так и по той мучительной казни, какую покарал его свирений Польский региментарь, Стамповский. И в народной песни (записанной Ходаковским), воспетой под впечатлением той казни Гонты, высказывалось задушевное чувство народа тогдашней Польской Украины:

О Боже мой несконченный!
Дивиться горе,
Що теперь на сем свете
Вера веру боре!

Историческое значение Колиивщины 1768 года, в моем сказании (написанном в Сентябре 1839 года), было означено так: «Кровавый подвиг Железняк был не простой гайдамацкий разбой, и не случайное нападение Запорожцев на Польские владения для грабежа и добычи. Нет, то было огнедышащее извержение народной мести и вражды, целый век копившееся под гнетом Унии; то была предсмертная, судорожная схватка двух враждебных стихий, в государственном теле (Польши), которое уже близилось к своему кону. Колиивщина была последним отзвуком тех восстаний, которыми некогда целая Украина ополчалась на Польшу, для спасения своей веры и своего народа, обреченного на гонение; последним отзвуком и тех мучительных казней, которыми судилище Варшавское думало обуздать Козаков и задушить их непреклонную, широкую волю».

Что же касается до тех гайдамаков, которые в прошлом столетии промышляли разбоем и в Польской или Западной, и в Русской или Восточной, Украине, к которым принадлежали и Чуприна, и Чортоус, и, всем им верх совершенства, – Запорожец Горкуша, то они и не могли внушить собою, и не стоили песен народных, разве кто сам про себя воспел бы, подобно Кармелюку. Но за то эти гайдамаки-сучаки остались гораздо памятнее в народных рассказах и в повестях литераторов, чем гайдамаки Железняковы, названные колиями. Иван Чуприна должно быть был не последний из гайдамаков-сучаком, когда и теперь, там, за Тясмином, есть большой дуб, который так и называется, – Чуприною, и в котором, говорят, заделаны червонцы его, да страшно доставать их! А между тем Запорожцы:

Трохим Чуприна, доставленный из-под Умани в Киев, вместе с Железняком, и Влас Чуприна, доставленный в Киев из-под Гранова, вспоминаются вот теперь только, под моим пером, и то для того только, чтобы показать, из-за какого богатства хлопотал, например, Запорожец Влас, который пришел еще к Шелесту, слышав, что собираются казаки под Мотренинский монастырь, – «для защиты одного, и прочих благочестивых монастырей» (Так прописано в деле, с его слов). Между тем, как Иван Чуприна заделал, или нет, свои червонцы в дубе, на долгую молву о себе в народе, Влас Чуприна, на допросе, Ноября 1-го, показал вот что: «По прибытии к местечку Умани, намерены были оное местечко разграбить; но за чинимую из того местечка Умани из пушек и из мелкого ружья по ним стрельбою, от того местечка отступя, стояли табором; и тем же днем, пришедший к нам, в табор Уманский, сотник Гонта с старшиною и до пятисот казаков пристал в сообщество к одному Железняку; а на другой день, сообщаясь с оными Польскими казаками, и учиня к Умани сильный приступ, оное местечко Умань отбили, и бывших в нем Поляков и жидов множественное число до смерти побили и покололи, а имение разграбили; при чем и он, Чуприна, по входе в Умань одного Жида застрелил. По разорении Умани, все пограбленное имение Польское: разное платье и вещи, и в поставках сукна, тож и деньги медные и серебряные, коих было многое число, а подлинно всего показать не упомянуть, сносили в имевшийся неподалеку от Умани табор, и складывали кучами, и чинили между собою дележ, при чем и ему, Чуприне, доставалось: кафтан суконный блакитный, семь локот василькового сукна, да денег четыре рубли пятьдесят копеек. После чего, погодя с неделю, по приказу одного Железняка, ездил он, Чуприна, с Польским Уманским сотником, прозываемым Тиликом, и з Запорожскими и Польскими казаками, человек до восьмидесяти, до Польского местечка Гранова, для защищения от Польского нападения бывшего там для закупки хлебного вина Новороссийской губернии капитана и комиссара Тройницкого; и по прибытии в Гранов на другой день забраны Донскими казаками под караул, и при том забрани все вышеописанное, доставшееся ему по разделу, – кафтан, сукно и деньги, да собственное его ружье и копье, оными Донскими казаками у него отобрано. И отвезены до Польского местечка Тулчина, где, по разобрании их Запорожцев особо, Польских особо ж, отведены одни они, Запорожцы, четырнадцать человек до Польского местечка Тренбовля, а из одного до Польского города Острога, а оттуда до местечка Полонного, а из онога присланы в Киев...» (А родом он был из села Стаек; от роду было ему тогда 30 лет; а потом он жил и работал в Нерчинске, получив пятьдесят, за Уманского Жида).

Что грабежом сопровождалась Колиивщина, как и войны Хмельницкого, и другие войны казацкие, это такое обыкновенное явление, без которого не обходится никакая война. Волынская летопись особенно указывает на обычай грабежа под 1281 годом, говоря о междоусобной войне Болеслава с братом Кондратом, когда Болеслав брал город Ездов. «Кондрата же не бывшу тогда в городе, и тако приступльше, взяша город. Закон же был в Ляхов

таков: Челяди не иметь, не бить, но лупяхуть. Городу же взяту, и поимаша в нем товара много и людей полупиша; и ятров свою облупи княгиню Кондратову; и сыновицу свою облупи; и учини сорому великую брату своему Кондратови».

Тоже говорится и в следующей Украинской песне, которую я полакомлю вас, как свежими полунищами (клубникой) с Уманской степи:

Ой вродили полуниці,
Аж степу не знати:
Намножила вражих Ляхів
Нечистая мати.
Ой шли Ляхи за три шляхи,
Да й стали гадати:
«Ой ходимо ми, панове,
Умань грабувати!»
Ой і входять вражі Ляхи
Ув Умань у місто,
Да й зачали дивитися,
Що й тут добре військо.
Ой як скочив сотник Юзько
На коня рябого:
«Бувай же ти здоровенька,
Юзичихо небого!»
Ой поїхав сотник Юзько
На річку Синюху,
Подав, подав Запорожцям
На там-той боку руку.
«Гей на коні, пани-братья,
На коні, на коні!
Гей поросли на тих Ляхах
Золотії роги!
Гей треба ж нам, пани-братья,
На коні сідати,
Гей треба ж нам от тим Ляхам
Роги позбивати!»
Ой заїхав сотник Юзько
В глибоку долину:
«Сюди, сюди, вражі Ляхи,
Я тут не загину!
Ой не так-то, пани Ляхи,
Вам було гадати:
Скоро виїхали в місто –
Зараз Юзька брати.»–
«Ой як же нам Юзька брати,
Що вын стережеться;
А як вийде в чисте поле,
По козацьки б'ється!»
Ой насипали могилу,
Трохи не до неба:
«От тут же вам, вражі Ляхи,
Погибати треба!»

Ведь эта песня от времен Хмельницкого, от весны 1648 года, и сотник

Уманский, Юзько, кажется, не кто другой, как известный Иосиф Глух, бывший полковником Уманским, с конца того же года, после полковника Ганжи, убитого под Пилявою (там и теперь есть две могилы Ганжовки, с местным преданием об удалом Ганже; см. мое «Известие о Летописи Грябянкиной»). Примите ее в ваше собрание песен!

1856 г., 7 Ноября.

Михайлова Гора.

ПРИПИСКА. Развязав для Чуприны давно насмотренную связку бумаг моих, относящихся к Гайдамаччине, я выпишу вам кстати следующий отрывок из автобиографии Запорожца Алексея Нагайца, которую надиктовал он в Киевской губернской канцелярии, 23 Октября, 1768 года, и в конце которой означено так: «Показал сущую правду, в чем своеручно и подписался».

«Подлинно Алексеем его зовут, по крестному отцу Фотиев сын, по прозванию Нагаец; от роду ему тридцать пять лет; родом он из Кубанских Татар; назад тому двадцать два года вышел он, Нагаец, с Татарской стороны в Запорожскую Сечь, и пристал к жившему близ урочища, называемого Лиман, в Зимовнике, Запорожскому казаку, Григорию Глинному, который едуци в Киевский Межигорский монастырь для богомолья, и его, Нагайца, с собою взял, и в том Межигорском монастыре он, Нагаец, в православную Греческого исповедания веру приведен, а при крещении восприемником ему был того же монастыря иеромонах Фотий. По прибытию же обратно в Запорожскую Сечь, записан он, Нагаец, в Дядчковский курень в казаки, и был в разных дачах войска Запорожского для рыбного промыслу. А сего года, перед Спасовым постом, увидев он, что многие Запорожские казаки шли за границу в Польшу, что, яко бы по Указу велено Запорожцам собираться к находящимся в Польше Россским воскам против Поляков, для защищения живущих в Польше Греческого исповедания людей, то и он, Нагаец, с шедшими тогда за границу двумя Запорожскими казаками, Константином Шерстюком да Кузьмою, а прозвание его не знает, без ведома Кошевого атамана и Войсковой старшины, пошел в Польшу»... и т. д.

Письмо второе

Объяснение некоторых украинских песен

Обаятельный рассказчик ваш, Тарануха, пропел вам песню про Гайдамацкого атамана, Швачку, да, вместо настоящего ее конца, пропел к ней переделку другой позднейшей песни о Запорожцах (которая мною издана 1834 года под заглавием «Галка»). Это пение Таранухи, состоящие из двух песен, вы приняли в «Записках» за одну цельную песню про атамана Швачку, да к тому припечатали следующее примечание: «Отрывок этой песни, напечатанный во втором сборнике г. Максимовича, ошибочно отнесен к разрушению Сечи. Издатель был введен в заблуждение, вероятно, тем, что здесь упоминается Кошевой. Но откуда и куда Запорожцы посылали

галку?...Здесь эта посылка имеет важное значение: она показывает тесную связь между Гайдамацкими набегами и Кошем».

Что Гайдамацкие набеги на Польскую Украину, как и Колиивщина 1768 года, имели тесную связь с Запорожьем, об том я напечатал, в «Москвитянине» 1845 года, нарочитую статью «О Гайдамаках», написанную мною против книги г. Скальковского: «Наезды Гайдамак на Западную Украину», 1845 г. Все Запорожцы, выходявшие 1768 года в Польскую Украину ратовать за Украинский православный народ, единогласно показывали на допросах, что они вышли из Запорожья, без ведома Кошевого атамана, и это не подлежит сомнению; ибо хотя у Запорожского Коша и было замышдение на Заподную Украину, чтобы присоединить ее к Запорожью из-под власти Польской, но во время Колиивщины Кошевой атаман (Кальниш) и вся войсковая старшина держала себя совершенно в стороне и от Запорожцев, и от казаков Западной Украины, которые там подвизались. Там, независимо от Коша, верховодою был Запорожец Железняк, который, после Уманской удачи, распорядился самовластно на всю Западную Украину, посылал в разные места отряды с есаулом своим, Фомою Буркою, и разными другими атаманами, давал пособие Российским чинам, паспорта проезжим, словом, действовал в Западной Украине, как в стране, уже отвоеванной им у Поляков. Если бы песня о посылке галки относилась к атаману Швачке, тогда галка была бы послана за вестями в Умань к Железняку, которого называли они Казацким батькой своим, а не Кошевому, который и знать их не хотел, и отпирался от них, что называется руками и ногами, так, что и в самой Сечи было против него возмущение. А потому посылка галки к Кошевому, от пойманного атамана, Швачки, не только не имеет важного значения, как вы говорите, но, по моему, она и совсем не имеет значения, и показывает, что песня «Галка» сложена была не про Швачку, а притулена к нему уже в позднейшее время певцами Заднепровской Украины. Здесь, на Восточной Украине, именно, на Супое и на Суле, я слышал эту Галку всегда как особую, самостоятельную песню, в каком виде она и была мною создана. Да и как можно было назвать отрывком песню цельную, полную и dokonченную! Вот она на лицо:

Ой полети, полети, да чорна галко,
Да на Дон рыбы ести!
Ой принеси, принеси, да черна галко
Од Кошевого вести!
Да вже ж мене не летати
На Дон рыбы ести!
Да вже ж мене не носить
Од Кошевого вести!
Ой вы Запорожцы, ой вы Запорожцы.
Ой вы молодые!
Повдавались дын в одного
Як братья родные.
Ой вы Запорожцы, ой вы молодые,
Де ж ваши кони?

«– Наши кони в пана на припоне,
 Сами мы ж в неволе!»–
 Ой вы Запорожцы, ой вы молодые,
 Де ж ваши узды?
 «– Наши узды в коней на занузде,
 Сами ж мы у нужде!»–
 Ой вы Запорожцы, ой вы молодые,
 Де ж ваши Списы?
 «– Наши списы у пана у стресе,
 Сами ж мы у лесе!»–
 Ой вы Запорожцы, ой вы молодые,
 Де ж ваши ручницы?
 «– Наши ручницы у пана в светлице,
 Сами ж мы в темнице!» –
 Ой вы Запорожцы, ой вы молодые,
 Де ж ваши луки?
 «– Наши луки побрали Гайдуки,
 Сами ж мы в разлуке!» –
 Ой вы Запорожцы, ой вы молодые,
 Де ж ваши жупаны?
 «– Наши жупаны поносили паны,
 Сами ж мы пропали!»...
 Ой полети, полети, да чорна галко,
 Да на Дон рыбы есть!
 Оф принеси, принеси, да черна галко
 Од Кошевого вести!
 « – Да вже ж мене не летать
 На Дон рыбы ести!
 Да вже ж мене не носить
 Од Кошевого вести!» –

Я и теперь полагаю по прежнему, что эта песня сложена на разрушение Сечи, следственно, никак не ранние 1775 года. Вы говорите, что я «был введен в заблуждение, вероятно, тем, что здесь упоминается Кошевой». Конечно, и Кошевой служил мне приметой, что песня относится к разрушению Сечи. Но не один Кошевой, и Запорожцы подтверждают мне тоже. Весь этот перечень имущества, доставшегося в чужие руки: и вороных коней, и серебряных узд, и тугих луков, и громких ручниц, и голубых жупанов (беру эпитеты из вашего варианта), ясно показывает, что здесь идет речь о владельцах своего добра, о богатырях Запорожских, а не о той Гайдамацкой Голоте, которая не надолго поживилась чужим добром, во время Колиивщины. «Наши жупаны носили паны!» это говорят в песни, конечно, Сечовики, а не Колии, которым, по словам вашего же рассказчика, Железняка в Умани говорил: «А что, хлопцы! бачте, паны у яких хороших жупанах ходят; а вы – беда, часом и сорочки не маете!»

На слова песни: «сами ж мы пропали», – я приведу в комментарий, следующий анекдот, слышанный мною с детства не один раз: По разрушению Сечи несколько Запорожцев явилось к Потемкину: «Пропали мы с тобой, пане Грицько, – и ты пропав!» – «Як я пропав?» – «А вже ж

пропав; бо й ты Запорожец!»

Вы говорите мне в возражение: «Не откуда и куда Запорожцы посылали галку? ...»

«Куда посылали?» об этом ясно сказано в песне: «На Дон рыбы ести!» – куда и казачество ходило чумаковать и бурлаковать: «Ой ходил чумак семь рок по Дону...» – «Да й шов казак з Дону, да й з Дону до дому...» Но эту посылку галки на Дон не следует принимать в буквальном смысле, как поступил историк последнего Запорожского Коша, заключив ошибочно, по этой песни, будто последний Кошевой (Кальниш) скрылся на Дону! Эта посылка галки не то, что аист, пущенный некогда на зиму из Польши с привязанной к нему на медной бляшке надписью: «*Naes ciconia de Polonia!*»; а весной воротился тот аист с золотой бляхой, на которой была надпись: «*India cum donis remittit ciconiam Polonis!*»! Тут посылка галки на Дон не более, как привычный народно-поэтический образ, тоже, что в женских песнях – на Дунай:

Ой гиля, гиля, вы серые гуси,
А на тихий Дунай!
Ой завязала свою головоньку,
Сиди да й думай!

Так и в Игорева песне, Ярославна, тоскующая по своем князе на высотах Путивля, говорит: «Полечу зегзицею по Дунаеви, омочю бобрень рукав в Каяле реце». Галка, в народно-украинском песнопении, есть символ разлуки (как я замечал в лекциях моих об Игорева песне, 1835 года):

Ой галочки-чернявочки
Крату гору вкрыли:
Молодые казаченьки
Жалю наробили.
Ой галочки-чернявочки
Подымайтесь в гору!
Молодые казаченьки
Вертайте до дому! и т.д.

Или:

Ой полетели, галко, де мой родной батько,
Нехай мене одведае, коли мене жалко!
Галочки не мае, батеньки не буде,
Ой десь мене, несчастную, на веки забули...

Для истории полета галки на Дон в нашей поэзии я привел бы Бояново двустишие:

Не буря сокола занесе через поле широкое:
Галиции стады бежать к Дону Великому.

Но у Бояна, как мне кажется, означен действительный побег галок-Половцев к Дону, где они побиты были нашими соколоми-князями, Мономахом и другими, 1111-го года. В нашей песне галка посылается на Дон для того только, чтобы сказать за нее, что уже не летать ей на Дон и не носить уже вестей от Кошевого, и тем выразить разлуку Запорожского товариства с Кошевым навеки.

Вы спрашиваете у меня: «Откуда Запорожцы посылали галку?» Она могла быть послана отовсюду— с берегов Днепра, Буга, Дуная, Кубани, Иртыша, Белого моря. Вы знаете, что Запорожцы, по разрушению Сечи, разошлись во все стороны, как разлетаются пчелы из улья, потерявшего матку:

Ой буде вас, детки, по горах, долинах;
Ой буде вас, детки, по всех Украинах!

Когда вы будете в Бутурине, зайдите там в церковь, и посмотрите на одно из евангелий, но то на котором надписано, что надано от казака Запорожской Сечи, Павла Флоровича Головатого, 1775 года, 1 Сентября. Откуда оно, спрошу вас, послано в Бутуринскую церковь 1-го Сентября? Запорожский судья, Павел Головатый, взят был Текеллием 5-го Июня, вместе с Кошевым, Петром Кальнишем, и писарем, Иваном Глобою, и «отправлены, Кошевой атаман в Соловецкий, судья в Тобольский, писарь в Белозерский монастыри».

Другой Головатый (Антон), бывший тогда депутатом от Запорожской Сечи, впоследствии со славой подвизался, вместе с собранными остатками Сечевиков, и в Турецкую войну Потемкинскую, и потом в Черноморьи, где он был Кошевым, после первого Черноморского Кошевого, Харька Чепиги. Украшенный Георгиевским крестом за Березинское дело, этот Головатый прославился и как сочинитель песен о Запорожцах: не он ли сложил и «Галку»? Но ее мог сложить и сам Кошевой Кальниш, строитель Петропавловской церкви в Межигорьи: была же молва о сочинении им народной песни, переданная историку Малой России, Батышу-Каменскому, от знаменитого стихотворца нашего, Котляревского. Впрочем, народных песен на разрушение Сечи так много было сложено, что и Галка могла быть произведением одного из безименных певцов казацких:

Похилилися все до купочки
Калиновы вети
Ой заплакали славны Запорожцы,
Як по матери дети.

Обращаюсь теперь к песням про атамана Швачку. Я знаю их две. Первая, представляющая этого атамана действующим в г. Фастове, начинается запевом из песни, относящейся к времени победы Зборовской (1649 г.). Этот стародавний запев очень мог прильнуть к песне 1768 года, когда мгновенный успех Железняка напомнил Западной Украине времена

Богдановы, и особенно прильнуть к песне про того атамана, который так строго и буквально исполнял слова Зборовского напева, и вероятно пел его не один раз:

Да не буде краще, да не буде лепше,
Як на той Україні,
Що не буде Жидов, що не буде Ляхов,
А третей Унії!—
Ой не звить мене да Швачкою,
А зовить мене Кийло!
Позаганяв Жидов, Позаганяв Ляхов
В Белу Церкву на стойло.
Ой вже ж тая та Беля Церква,
Да обитая китаяками;
Ой теперь вона да завойована
Да славными казаками!
Ой хвалився батько Швачка,
Да до Фастова идучи:
«Ой будемо дроти, панове-молодцы,
Из китаяки онучи!»
Да ходит Швачка да по Фастови,
Да у жовтых чоботях;
Ой вивешав Жидов, ой вивешав Ляхов,
Да на панських воротах.
Да ходит Швачка да по Фастови,
Да й став соби в кутку:
«Ой нема Жидов, ой нема Ляхов,
Ох мой тяжкий смутку!...»
Да пошли старци-торбишники,
Да стали Ляшков бити:
«Ой не подобае, Панове-молодцы,
З неживого глумити!»

Но такие подвиги Швачки прекратились скоро: он был разбит и пойман посланным за Днепр от графа Румянцева полковником Московского карабинерного полка, Протасьевым. И вот об этом другая песня, которую пел вам Смелянский рассказчик, Тарануха, но не всю, а, вместо ее настоящего конца, причитал (разумеется, не он первый) переделку из песни «Галки», приноровленную к Гайдамакам. Песню на взятие Швачки я знаю в таком виде:

Ой на казаченьков на молоденьких
Пригодонька стала,
Що у середу да у обед
Их Москва забрала.
Ой як крикнул батько Швачка:
Гей, из коней до долу!
Гей не даймося, панове-молодцы,
Да у тяжку неволю!
А Москалики да не дурные,

До разуму добрали:
На самперед батька Швачку
И з осаулою звязали.
Ой извязали да попаровали,
Да на возы поклали,
Из Богуслава до Белой Церкви
Их у неволю забрали.
Ой извязали да попаровали,
Ой як голубцы а парце!
Ой засмутилась уся Украина,
А як сонечко в хмарце.
Ой повезли да батька Швачку
Да густими лозами;
Ой оглянувся батько Швачка,
Да й умывся слезами.
Ой вывезли да батьку Швачку
Да у чистее поле;
Ой оглянувся батько Швачка:
«От тут мене горе!»

Последние три куплета, пропущенные вашим певцом, и составляют конец этой песни. Видите ли, из этого, что Тарануха пропел вам только ее отрывок, и что вариант, вами записанный от него, есть позднейшая амальгама из других разновременных песен. Решайте же сами, кто из нас прав, и чья тут ошибка. Переделка из песни «Галки», приставленная, вместо конца, к песне о Швачке, очень интересна; но все же это переделка из песни особой и самостоятельной, сложенной не ранние, как через семь лет после Колиивщины, на разрушение Сечи. Я знаю тоже, что Заднепровцы, не довольствуясь настоящим, вышеприведенным, концом песни о Швачке, притуляют к нему еще начальные стихи из «Галки», в такой переделке:

Ой летит галка, ой летит чорна,
Да на Дон рыбы есть:
Ой пише, пише, да батько Швачка
До Кошевого Листы.

Но тут нет уже никакого вероятия, чтобы связанный под стражею атаман писал листы до Кошевого! Между тем замечу вам, что в рассказе Таранухи есть противоречие с собственным его мнением: в песне он пел, что Швачку повезли из Богуслава, и это верно; а в собственном рассказе он говорил (конечно, тоже «для большого эффекта!»): «тогда стойчики, що замок стерегли, и застукали их оттут у лозах... Швачка ими доводил. Есть про его и песня...» и вы пояснили, что «те гайдамаки, приводимые Швачкою, пойманы в болоте близ Смелы». А в книге г. Скальковского совсем неопределенно сказано: «Железняк и Швачка схвачены первые». Где же и кем? Я окончательно решу вам это обстоятельство следующей выпиской из реляции графа Румянцева, от 15-го Июля, 1768 года: «От 9-го числа текущего месяца, тот полковник Протасьев прислал ко мне рапорт, что он, вступя в Польшу,

разведавши, что собрание таковых разбойников, одно в числе трех сот человек, в селе Блощинцах, в расстоянии от Белой Церкви в пятнадцати верстах, а другое в близости местечка Богуслава, также в нескольких стах человек, и руководствуют оными атаманы, в первом Журба, во втором Швачка, – учинил на них нападение в обоих местечках и разбил сии обе партии. В упомянутом селе Блощинцах, хотя сии разбойники покусились было воспротивляться оборонительно, однако ж не имели в том успеха и ни одного не повредили человека; на месте их убито до 30-ти, да поймано 64 человека, прочие же разбежались; при чем взято четыре знамя, две медных пушки и одну чугунную, да гаковниц железных пять. Тоже, не доезжая местечка Богуслава, настигнутых другой партией злодеев взято 68 человек с двумя знаменами, при упомянутом атамане Швачке, который, после допросов, показывал, что они будто от Запорожского полковника, Максима Железняка, с атаманом Неживым, посланы по всей Польской Украине для истребления Поляков и Жидов, которых они во многих местах истребили; а Железник сию посылку якобы чинил по Указу; в ватагу же их приставали Польские разного звания люди и казаки; третья же партия, по показанию сего пойманного атамана, с атаманом Неживым, ныне находится в Чигиринщине, а сам полковник с большой партией в Умани, куда реченный полковник, Протасьев, с отправлением ко мне рапорта, и взял поход».

Представив вам подробный отчет о вышеприведенных песнях я обращаю внимание ваше еще на одну, относящуюся к разрушению Сечи, которой начало особенно показывает, как произвольно иногда переменяется в народ одна и таже песня, – точно, как одна и таже тема превращается во многие вариации композиторами. Эта песня о «Васюринском», по варианту, вами записанному и помещенному на стр. 321:

Да встань, батьку, с того свиту,
Великий Гетмане,
Як поедем до Царицы –
По прежнему стане! и т.д.

Вы говорите в примечании: «Не помню, где-то замечено, что этот стих относится к Потемкину. Но Потемкин умер, спустя много лет по разорению Сечи, которое, по свойству народного вдохновения, не могло быть воспето так поздно. Здесь разумеется Богдан Хмельницкий». Я с вами в этом не согласен. Я нахожу, что ваш вариант есть песня, сложенная 1775 года, но первая половина ее переделана по смерти Потемкина, которому 1790 года дан был титул Великого Гетмана Казацких войск; прежде того ни один из казацких Малороссийских гетманов, от Ланцкоронского и до графа Разумовского, не именовался Великим, ни официально, ни простословесно. Совершенно не втон казацкой песни 1775 года было бы назвать Богдана «Великим Гетманом», – титулом гетманов Литовских и Польских. Напротив в казацкой песне, названной Пугачем, Богдан Хмельницкий зовется запросто – уменьшительным именем:

Хмельниченка уже не згадаем!–

и в этом простосердечном выражении отозвалась великая любовь казацкая к приснопамятному Гетману. Во второй половине вашего варианта уцелела песня 1775 года; но первая половина переделана через 16 лет, т. е., после смерти Потемкина, с воззванием к нему, как Великому Гетману Черноморского войска, «собранного им из верных казаков Сечи Запорожской» (выражение Указа 1792 г., 30 Июня). Это очевидно из самого содержания первой половины песни, где говорится о разрушении Сечи, как уже о прошедшем деле. Переделка эта относится к тому же времени, в которое сложена и известная песня Антона Головатого: «О Боже ж, наш Боже, Боже милостивый!» т. е., перед переводом Черноморцев на Тавань. Что воззвание к Великому Гетману именно значит здесь Потемкина, то ясно видно из других, не менее известных, вариантов этой песни:

«Да встань, Грицько, да втань, батьку,
Прсят тебя люде» и т. д.

В моем издании (1834 г., стр. 127.) напечатана эта песня в том виде, в каком она сложена была первоначально, с упованием о том посольстве к Царице Запорожских депутатов, которое было еще до разрушения Сечи:

Да встань, Харьку, да встань, батьку,
Годи вже нам спати;
Ой ходимо до Царицы
Милорсти прохаты.
Ой Царице, наша Мати,
Змилуйся над нами:
Ой оддай нам Црежни степи
С темными лугами! и т. д.

Но что за имя тут Харько? – Сказать бы это Харько Чепига; но он тогда не был еще так значителен, как был после. Я полагаю, что здесь имя Жаботинского сотника, Харька, установленное в песню Заднепровскими певцами, для которых это имя было так памятно и любимо. (Подобные произвольные замены собственных личных имен встречаются очень часто, как видно, на примере, из песни о Даниле Нечае, из думы о Хвеське Дендебере или Андыбере и других). Подлинное имя и тут в песни было, конечно, Грицко, т. е., Потемкин, еще живой, на которого так много уповал Запорожский Кош в своем деле о землях. Приписавшийся к Запорожскому товариству великолепный Потемкин, писался Сиромахою Грицком; но в своих видах о Новороссийском крае он вертел, как хотел, своим Сечевым товариством; наконец и сам – пропав Грицко, в бездомной степи, как сиромаха Запорожский... Что песня, относящаяся своим содержанием к разрушению Сечи, может вмещать в себе подробности позднейшие, то можно видеть и на другой песне, где воспеты обложение Сечи Текеллием и

побег Сечевиков на Дунай, следственно, событие 1775 года; между тем в ней говорится:

Не встергся Кальнишенко
Од Черного моря;
Да вже ж ему на столице
Шестый год неволя!
Не встергся Кальнишенко
Од Чистого Ставу;
Да вже втерав Запороже
Й казацкую славу!

Ясно, что это или сложено вновь 1781 года, или переделано на этот год из песни, сложенной пятью или шестью годами ранее. Вообще я не могу согласиться на ваше теоретическое положение, будто народная Украинская песня воспевала только современное ей событие и неспособна была воодушевляться прошедшим. Я того мнения, что как Великороссийская, так и Малороссийская, народная поэзия способны были воодушевляться творчески не только современностью, но и воспоминанием прошедшей жизни – как в общем ее объеме, так и в событиях частных. В пример первого приведу запев известной думы на победу Чигиринскую 1596 года, – запев, стоящий целой песни:

Ой у нашей славной Украины
Бували колись прстрашныи злыгодни, бездолни години,
Бували й моря,
Й войсковы чвары;
Нихто Украинцев не рятував,
Нихто за их Богови молитвы не посылав;
Только Бог Святыи наших не забував:
На велики зусилья, на одновеद्या держав!
Только Бог Святой знав,
Що вин думав, гадав, зымышляв,
Як незгодыны на Украинску землю посылав!...
От же пройшлы, изыйшлы злые незгодыны:
Немае никого, щоб нас подолели!
Только Бог Святыи знав,
Що вин думав, гадав, замышляв!

А в пример песнотворческого воодушевления давнопрошедшими событиями частными, я припомню вам песню о Лободинском Чуре, вспоминающем так подробно о подвигах своего храброго пана, уже при походе Сулимы. Мольба старого Чуры об отместии за его пана обращена к сподвижникам Сулимы, и песня сложена, без сомнения, в тот поход; а между тем в ней воспеты, по живому воспоминанию, Любодинские подвиги, бывшие лет за сорок.

Хочу сказать вам теперь нечто об издании «Народных Южно-Русских песен» г. профессором Метлинском. Что это за мистификация там? На

стр. 437 напечатана песня «про Волюночку», и поставлено под нею: «Записал П.К. в Киевской г.» А вы хорошо знаете, что П.К. выписал эту песню из принадлежащей мне рукописи Ходаковского, который записал «про Волюночку» не в Киевской губернии, а в Клевани. Да и зачем поставлена она у г. Метлинского в разряд песен исторических «неизвестных времен»? Она принадлежит к разряду свадебных:

Татарове едут, Волюночку везуть...

Здесь Татарами названы свадебные поезда, увозящие молодую из дому отцовского, названы также, как о брате молодой, когда он берет за нее выкуп, поют:

Татарин братик, Татарин,
Продав сестрицу за таляр.

А вот Волюночка потому тут, что песня Волинская; у народа Киевской стороны была бы скорее тут Кияночка. Очевидно, как необходимы пояснения к песням; но г. Метлинский, объясняясь о недостатке в его издании примечаний и пояснений, говорить: «Иные, правда, любят умничать о поэзии более самой поэзии; но о таких народ выразился бы своей пословицей: «Глухому песню спивать!». Но от кого же бы читателю и услышать умное слово о народных песнях, если не от профессора Русской Словесности, издающего «Народные Южнорусские песни»!

На стр. 374 напечатан отрывок «про Венцеслава», а под ним означено: «Левой стороны Днепра; записано до 1845 года». Конечно, записано до 1845 г., когда было уже напечатано 1834 года, на 82-й странице «Украинских народных песен». А записано было не на левой, а на правой стороне Днепра, на Волини, тоже Ходаковским! У меня там было сказано «Может быть, относится к Венцеславу Хмельницкому»; а у г. Метлинского сказано уже: «без сомнения – к Венцеславу Хмельницкому». А сомнение-то здесь большее: Заднепровские знатоки литературы говорят, что здесь имя Венцеслава принадлежит герою нынешнего века «Золотой Борде!»

На стр. 122, под песней «Пани моя, пани влюбленная», не означено откуда она? А мы с вами хорошо знаем, что она слово в слово из тетради, написанной для меня рукой незабвенного Гоголя (тоже самое вступление и тоже окончание этой песни, куплетами о вороне и галке!).

Мое собрание песен, некогда принимавшее в себя вклады от стольких лиц (в том числе и от вас), было всегда открыто для всех любителей и собирателей песен; народные песни – общее достояние. Г. Метлинский, незнакомый мне ни лично, ни письменно, имел полное право брать из моих изданий все, что угодно, в свое издание, как это сделал и Жигота Паули, 1839 года, но он мог бы, по примеру Паули, и упомянуть о своем заимствовании, хоть раз, хоть бы, на пример, при Заживной песни про Коваленка, переписанной слово в слово с моего Волинского списка этой песни,

напечатанного в Киевлянине кн. 2. стр. 180 (в письме моем к Основьяненко «О правописании Малороссического языка»). – На стр. 79 напечатанная песня «В огороде Хмелинонька» взята слово в слово из «Малороссических песен», и под ней поставлено «Глухов»; но в 1827 году я получил эту песню от князя Н.А. Цертелева, совсем не из Глухова! Так же точно несколько прекраснейших песен, записанных мною самим здесь, при Днепре, на Михайловой Горе (вам первому я читал их в Киеве, до 1840 года), очутились в издании г. Метлинского, под тою же фирмою: «Глухов!»... Как хозяйка познает и отлучает своих овечек, прибудившихся к чужой ватаге, так и я тотчас узнаю все песни из моего собрания, зашедшие, без моего ведома, в издание г. Метлинского. Я и рад бы тому был, что они поспешили явиться в свет из моего деревенского затвора; но я не рад только потому, что они явились теперь в свет, как беглецы, с фальшивыми паспортами. По моему, лучше бы совсем не означать под песнями мест, чем означать не верно: это может будущего исследователя приводить к ошибочным соображениям и выводам.

ПРИПИСКА.– Мне вспомнулось, что в 1852 году, когда мы с вами ехали до Переяслава, вам очень понравилась косовицкая песня, петая моим погоняйлом, и вы желели иметь ее. Препроваждаю вам эту песню, для вашего собрания, жалея очень, что я не музыкант и не могу переложить с прекрасного напева; а народная песня, которая и родится и живет в словах и напевах, совместно и неразлучно, неудовлетворительная вполне одним своими словами без напева:

Ой косит хозяин да на луце свое сено,
Аж из его пот ильется;
Ой сидит чумак да под своим возом,
Да з хозяина смеется.
«Ой смейся, смейся, чумаче-бурлаче,
А за смех тоби буде!
Ой прийде зима, лихая година,
В тебе сена не буде!
Ой пришла зима, лихая година,–
Нечем волам зимовать...
Бере чумак пугу й налыгач у руки,
Да йде сена купуваты.
Ой иде чумак вповоджь слободою,
Аж и устелка волочится;
Сидит хозяин край свого виконця,
Да з чумака смеется.
«Ой здоров, здоров, наше хозяину,
А продай вязку сена!
Ох и велику худобоньку маю,
Да либонь теперь села!»–
–«Ой здоров, здоров, чумаче-бурлаче!
Не продам же я сена;
Ой навяжи ты да вязку соломы,
Да принеси полпуда соли!»–

1856 г., 14 Ноября.

*Украинские письма к П.А. Кулишу от
М.А. Максимовича // Русская Беседа. –
1857. – № 1. – С. 38-64.*

М. Максимович. Письмо к П.А. Кулишу

О Григории Николаевиче и его записке «О непорядках Малороссии»

Я обещал вам писать по временам замечания на ваши «Записки о Южной Руси». Избираю на этот раз «Записку Теплова» с вашим к ней предисловием. Меня весьма удивляло, как эта статья, писанная желчью (по выражению о ней достопамятного мужа Трошинского), для вас – «дышит желанием общей пользы»; и вам показалось видным из неё, будто «Теплов любил Малороссию!» – и вы вступили в резкое о нем противоречие с общим мнением, особенно с сказанием преосвященного Георгия Кониского!... Как бы ни была ошибочна История Кониского, в разных подробностях своих о делах давно минувших лет; но о Теплове написал он, как современник. Мы верим же писанию Француза Боплана о современной ему Украине; мы вообще даем веру сказаниям современников, и принимаем их в основание нашего знания о прошедшем: какое же право имеем не поверить сказанию Кониского (такого доблестного и заслуженного мужа) о свойствах и действиях современного ему Теплова? Не знать их не мог Кониский; и, конечно, было то действительно, если то написал он, еще при жизни Разумовского и Теплова, и написал в огласку, в Истории, переданной от него знатоку современных дел, депутату Политике. Он говорит, на пример, что, когда Разумовский, отказавшись от гетманства, явился во дворец, и любимец его, Теплов, встретил его там с приветственными объятиями, то граф Григорий Григорьевич Орлов, стоявший в дверях, аплодируя сказал: «и лобзал, его же прадеде!» – Это живая, очевидная быль, что за человек Теплов, и что он был орудием в прекращении гетманства Разумовского. А просьбы матери Разумовского к своему ясновельможному сыну, чтобы он отдалил от себя своего советника и любимца, и ее предсказания, вполне оправдавшиеся! Они красноречивы для нас, вместе с общим голосом Малороссиян об нее недоброжелателе. Но и в Академии Наук, которой президентом был гетман Разумовский, Теплов действовал не безукоризненно. Ломоносов, в одном письме к Шувалову, называет Теплова «коварником». В другом письме, к нему самому (1762), Ломоносов попрекает его в личной к себе несправедливости, за то, де, «что не удовольствовал бесстыдных требований вашего свата» – и, вступаясь за честь академии, продолжает он: «сколько раз вы были друг и недруг Шумахеру, Тауберту, Миллеру, и что удивительно – мне? В том больше вы следовали стремлению своей страсти, нежели общей академической пользе; и через таковые повседневные перемены колебали как трость все академическое здание. Тот сегодня в честь

и милость, завтра в позоре и в упадке» и т. д. Этим свидетельством великого Ломоносова подкрепляется для нас общее мнение о характере Теплова, дошедшее к нам по живому преданию (ведь знаменитый Трощинский скончался на нашей памяти, 1829 года, в своем Украинском селе, Кибинцах). А для вас – Теплов лучше всех тогдашних Малороссиян был для Малороссии, и – любил Малороссию! Любил... разве в том смысл, что ему тепло было жить в ней, и Батуриным подсосудком своего ясновельможного питомца-покровителя, и «помещиком» недалеко Яготина Тепловки.

Вы говорите: «Теплов, напротив, любил Малороссию: иначе – он не старался бы выставить перед Государынею Елесаветою Петровною злоупотреблений Малороссийских старшин и вообще панов, от которых страдало большинство населения края». Но выставление злоупотреблений, само по себе, не есть еще примета любви, особенно в том, кто обвинен уже общим голосом в нелюбви. Оно бывает и без участия любви, по одному долгу звания, но особенным личным свойствам и отношениям, по злобе, из угодливости, и т. п. По какому именно побуждению и поводу сочинена записка Теплова, это не известно; но уж, конечно, не из любви к Малороссии! Скорее можно предположить, что ему хотелось поколебать в Государыне Елесавете великую любовь ее к народу Малороссийскому. Выставляя злоупотребления Малороссийских панов Теплов мог бы тогда – из любви к Малороссии, когда бы сам он был чист и не причастен к тем злоупотреблениям; а у него как у помещика Малороссийского, был тот же «пушок на рыльце!» Вы этого за ним, кажется, не знали? – Но если уже, почему бы то ни было, он предпринял выставить перед Государыней злоупотребления старшин и прочие непорядки Малороссийские, то он обязан был по крайней мере – не лгать, если не по строгому долгу гражданина, то хоть из уважения к исторической истине (так как он был членом Академии Наук, и собирал материалы для истории Малороссии). А его записка – полна лжи умышленной и недобросовестной. Нежели вы этого не заметили в ней?... Взгляните же пристальней на эту канву, но которой он выводил свои благовидные узоры! Вот, на примере, в § 5-м, он говорит: «таковым образом и казаков число весьма умалилось; ибо о семь заподлинно можно удостоверить, что ныне Малороссия прямо вооруженных списков едва ли 15, а по крайней мере 20 тысяч выставить может; а выборных и никогда такого числа не выставит; по статьям же должно списковых им иметь 60,000 казаков, кроме отошедших в Заднепровскую сторону; а всех казаков около 150,000 иметь бы должно».

Какая тут путаница и ложь!

Когда Богдан Хмельницкий вступил под державу Русскую, со всею Малороссией, обеих сторон Днепра (состоявшего тогда в 17-ти полках), тогда в договорных статьях 1654 года (во 2-й) положено было: «Войско Запорожское в числе 60,000 чтоб всегда полно было». Так и в Переяславских статьях 1659 года, Юрия Хмельницкого, положено (в 6-й): «А быти реестровым казаком 60-ти тысячам», то есть, во всей Малороссии, обеих сторон Днепра. Когда же, по Андрусовскому договору 1667 года, Россия

уступила Польше Заднепровскою сторону Малороссии, тогда в Восточной ее половине, оставшейся за Россией, число реестровых казаков, по договорным статьям, полагалась уже вдвое и даже втрое меньше против прежнего. В Глуховских статьях 1667 года с гетманом Многогрешным – 30,000; в Переяславских статьях 1677 г. С гетманом Самойловичем – 20,000; в Коломацких статьях 1686 г. с гетманом Мазепою – 30,000. – В каких же гетманских статьях полагалось «60,000 казаков, кроме отошедших в Заднепровскою сторону»!.. И за чем было «таковым образом» припутывать к винам Малороссии умаление числа казаков, которое было естественным и справедливым, при умалении самой Малороссии, целою половиною, по силе Андрусовского договора, при заключении которого и не было никого со стороны Малороссии!

Когда Теплов говорит о наличном в его время числе списковых казаков: «15, а по крайней мере 20 тысяч», – то явно, что он или не знает, или не хочет сказать настоящего числа. Но, когда он вслед за тем говорит: «а выборных и никогда такого числа не выставит», – то явно, что он говорит ложь. Записку свою сочинял он, как видно, уже после 1757 года; а по ревизии 1764 года оказалось в Малороссии:

а) по счету душ мужского пола:	
казаков – выборных	163,889
казаков – подпомощников	199,99
	<hr/>
И того всех казаков	363,887
в) по счету хат (с дворами и бездворных)	
казаков – выборных	72,585
казаков – подпомощников	91,403
	<hr/>
И того всех казаков	163,988

т. е. оказалось даже более, чем требовал Теплов, назначая 150,000 (при чем он, конечно, имел в виду положительное сведение о тогдашнем числе казаков).

Против того же числа «весьма умалилось» число казаков? По офицерской ревизии, 1723 года, на которую так упирает Теплов, во всех 10-ти полках Малороссии было казаков грунтовых и безгрунтовых – 66,415 (не включая в сие число стариков и малолетних). Удвойте, утройте это число: и все еще далеко до 363,887, — оказавшихся чрез 40 лет после 1723 года. И так, удостоверят бы следовало Теплову, что число казаков – весьма увеличилось. Он говорит, будто старшины – «все почти грунты казацкие скупили», и выводит, будто бы злоупотребление старшин – «почти всех казаков истребило, и перевело их старшинам, яко помещикам, в крестьяне». И то и другое – наглая ложь. Чтобы судить о действительно бывшем тогда числе Казаков грунтовых и безгрунтовых, я вам приведу его тоже по ревизии 1761 года:

а) Казаков грунтовых (или по счету хат с дворами): выборных 19,750, подпомощников 22,469; и того всех 42,219.

б) Казаков безгрунтовых (или по счету хат бездворных): выборных 52,815,

подпомощников 08,931; и того всех 121,709.

Вот что значит у Теплова выражение «почти все!» Что касается до относительного числа казаков и посполитых (крестьян), то в 1764 году сочтено казаков 303,887, а посполитых (с прочими окладными) 585,909, а в 1723 году считалось казаков 66,415, а посполитых (с прочими окладными) 136,311. И так относительное число казаков в 40 лет тоже увеличилось! Тут, кстати можно припомнить удостоверение гетмана Скоропадского (из его челобитной, писанной в Москвы 1722 гота 2 Мая), что «казаки, которых деды и отцы в казацком чину были, те и теперь суг казаками, а в подданство никого из них не принуждено».

В § 11-мъ Теплов говорит: «от сего-то большая часть казаков претворилась уже в мужики помещикам». Здесь у него причиною претворения полагается то неудобство, – «что казаки с его помещичьими мужиками в одних селах, деревнях и местечках живут». И выше: «ущерб Вашего Императорского Величества есть главной тот, что казаки живут в великом непорядке, яко разбросанные по разным местам от своего сотника и находящееся в руках у разных помещиков, яко крестьяне; почему сотник, имея их поселение на великом расстоянии, и в порядке содержать их не может».

Но ведь Малороссийское Казачество было не военным поселением на отведенной для него казенной земли; оно было особым сословием Малороссийского народа, которое состояло из давних владельцев разными участками Малороссийской земли, находившимися среди других участков общественных и частных, и составляющими полную и неотъемлемую их собственность.

Рассеянность казаков по лицу земли Малороссийской, освобожденной ими от Поляков, и, так сказать, приобретенной ими вновь ценою своей крови, – перемешанность их с другими сословиями, в городах, селах, – были неизбежными следствием постепенного исторического хода жизни Малороссийской. Эта разбросанность казаков не представляла такого великого неудобства, как представляет Теплов; ибо и расстояние казаков от своих сотников было не велико, по малой величине сотен, на которые разделялись полки, особенно в последнее время гетманщины (в 10 полках было в 1723 году 128 сотен, а в 1764 году 164 сотни). Разобщение казацкого сословия с другими было бы дело и несправедливое и невозможное.

Способ претворения или перерождения казаков в помещичьих крестьян, описанный здесь Тепловым – т. е. через отдачу помещиками горелки на шинкование казакам, спивающимся с кругу, никак не мог относиться к большей части казаков и помещиков; он мог иметь место в самой малой и, разумеется, в самой плохой части их, где предполагаются с одной стороны – казак нетяга, потерявший всю волю над собой от чрезмерной склонности к пьянству; а с другой стороны – не пан, а полупанок с жидовски-безсовестным расчетом на слабость своего ближнего. Распространять это на большинство – есть напраслина равно оскорбительная для Малороссийского панства и для казачества.

Другой способ о котором сказано у Теплова: «почти всех казаков

истребило» – означен так: «достаточный казак всегда от службы откупался, а недостаточный, бегая от оной, лучше желает под именем крестьянина жить, нежели выйти в поход, и сверх того, бывши казаком по имению своему, должен, как грунтовый, платить иногда на конситентов целую рацию и порцию». – Чтобы достаточные казаки всегда от службы откупались, это есть лож голословная, против которой говорят не только летописные свидетельства, но и множество старинных казацких абшитов или аттестатов, мною самим виденных. А что казацкая служба после; «несчастливого Шведского року» – когда казак стал отбывать ее уже без жалованья, на собственном иждивении, лет по пятидесяти – была очень тяжела: то дело давно известное. Еще в Статьях гетмана Скоропадского (с собственно-ручным решением на них Петра 1-го, Апреля 29, 1722 года) написано в первой статье: «Малую Россию, чрез тринадцать лет, от станций и переходов войск армейских, в людей и в пожитки ныне оскудевшую, благоволи Ваше Императорское Величество, по своем высокому милосердию, ради всемирной радости, в оной станции помиловать, обще со всеми Малороссиянами рабски молю; ибо так казаки, яко и посполитые, остались малочисленны, с которых казаки знести того не могут, чтобы и драгун кормить, и по званию своему Вашему Величеству служить; как и ныне под Ладогу и до Царицына двадцать тысяч казаков с Малой Росси вышло, а дома их от кормления драгун не свободны суть».

В записке; Теплова сказано: «а в военное время, или во время какой-либо службы, сами казаки плачивали помещикам, чтобы помещики купчие от них на их земли приняли, дабы тем избавиться от походов». – Однако же и в двадцатых и в тридцатых годах прошлого столетия были непрестанные выходы казаков, десятками тысяч – и в военные походы (в которых находились и казаки самые достаточные), и в походы на работы каналов, крепостей, линий, – и при всем том, в 1764 году было в наличности казаков: до 164 тысяч по счету хат, и до 364 тысяч по счету душ, мужского пола. За чем же было Теплому говорить, будто почти все казаки истребились и перешли к своим старшинам в крестьяне? будто достаточный казак всегда от службы откупался? Такие гиперболы могут еще иметь место в учено-литературной статье, как заблуждение писателя, более или менее извинительное; но в докладной записки Государыне они составляют нечестное и непростительное дело гражданина!

Что касается до вышеупомянутых злоупотреблений, которыми, как частыми случаями, не следовало, обвинят большинство, то в объяснение их можем заметить, что для каждого помещика покупать землю и продавать ее, кому захочет, было естественно и законно – по праву собственности; а казаки имели стародавнее и полное право на свои наследствия и благоприобретаемые земли, наравне с дворянством, подобно которому казаки держали у себя и подданных, ровно, как и судились они в земских делах по тем же Статутовым законам. Право на владение землею постоянно было утверждаемо за казаками, со времени поступления Малороссии под Русскую державу. Ограничение этого права на продажу, указом 1739 года Января 8 дня, было единственное и притом временное, только до окончания тогдашней войны; и это отменено было как указом 1741 года, так и последующими грамотами Елисаветы. Другое:

добровольный переход из казачества в посольство, как видно, было в те поры весьма дозволительны, если он и был и после гетманства Разумовского, в правленные Румянцева, строгого блюстителя порядка и казенной пользы. Живое предание ведется о том, как в ревизии 1782 года множество казаков с своими землями «подошли под панов», да и остались за ними, по прекращении вольного перехода в следующем 1783 году. А это похождение вольного казачества под панов, бывшее в прошлом столетии, само собою уже говорит, что посольству, находившемуся в подданстве Малороссийских панов XVIII века, не было еще так тягостно и страдательной, как-то, представляется в увеличительное стекло воображения. При определении степени этой тяготы и виновности в ней Малороссийского панства, надо иметь в виду то положение Украинского посольства, в каком оно находилось до половины XVIII-го века, под властью тогдашних Польскоукраинских панов, – положение, на которое вы сами справедливо указываете (в замечании на статью г. Грабовского), говоря: «какая жалкая картина порабощения!». Надо иметь в виду и то, что Малороссийское панство XVIII-го века возникло на половину и даже больше – из самого казачества, и только меньшая половина его была из стародавнего шляхетства Малороссийского. Это панство не могло же отделиться от понятий, обычаев и образцов предшедшего века; не могло же оно стать и выше понятий, обычаев, образцов своего века! И если оно не привело своего посольства в новое и цветущее состояние (какого можно бы желать ему, по понятиям нынешнего времени), то не надо же взводит на него и упадок посольства, остававшегося, по прежнему, с своим стародавним правом на вольный переход; не надо представлять и этот упадок в преувеличенном виде. Ибо положение Малороссийского посольства со времени Богдана все-таки было лучше, чем оно было передать тем; и лучше, чем было положение современного посольства Заднепровского. Вам, для удостоверения в том, будет достаточно и слов Теплова: «по достоверным известиям, мужикам весьма труднее Малороссийского жить в подданстве у господ Польских». Вы ведь говори, что фактам, которые приводятся в записке; Теплова «нельзя не верит!»

Благая воля Елесаветы была на то, чтобы возобновит гетманство в Малороссии (после второго междугетманства); чтобы, вместе с утверждением графа Разумовского в гетманстве, подтвердить и Малороссии все прежние права ее, как об этом выражено в грамоте 22 мая 1751 года: «в Малой России управлять по войсковым правам, по прежним обычаям и постановленным пунктам, на которых, приступил под державу Деда нашего, блаженный памяти Великого Государя и Великого князя Алексея Михайловича, всея Великой и Малой и Белой России Самодержца, Его Царского Величества, гетмана Богдан Хмельницкий со всем войском Запорожским и народом Малороссийским, и по Нашим Императорского Величества указом, определенным и впредь определяемым и к нему посылаемым, без нарушения прав и вольностей стародавних народа Малороссийского».

Но любимец гетмана, Теплов, покусился, опорочит перед Государынею Малороссийское право, заподозрить всех Малороссийских земледельцев – в неправильном, и незаконном владении землею Малороссийской!

«Право Малороссийское – говорит он – почитать надлежит как главный непорядок в Малороссии». Или: «главный непорядок в нынешних временах право их Малороссийское, которое есть Статут Лиговский, данный вновь Литовскому княжеству от короля Стефана в 1570 году». И в самом начале: «а притом заключение Статей Богдану Хмельницкому в 1654 году, по неизвестным ныне тогдашним военных подвигов обстоятельствам, последовало в подтверждение тех Польских, т. е. Литовских законов, которыми, как по истории видно, тогдашний народ, яко по большей части неграмотный, управлялся паче по натуральному праву: два третьего судили. То справедливо и беспристрастно, по довольном примечании Малороссийским дел, можно сказать, что право Польское осталось у них тщанием только одних грамотных старшин, о котором простой народ никакого тогда попечения, ниже сведения не имел. Сие доказательство явственно и тем, что прежде 1720 года почти во всей Малороссии никаких канцелярий не было; ибо и самую гетманскую канцелярию, случайным образом гетману Скоропадскому в 1720 году... особенной грамотой велено учредить» и т. д.

Мы с вами не юристы; и нам не для чего входит в подробное рассуждение о том, в какой мере прав или не прав Теплов, полагая главным непорядком Малороссии – Литовский Статут (которому основанием послужили стародавние права и обычаи Юго-западной Руси; которого два первых издания были еще до соединения Киевской Руси и Литовского княжества с короною Польскою; которого постановления, взятые из жизни народа, весьма были известны народу; из которого многие статьи приняты были и в Уложение Царя Алексея Михайловича, для Великой России; из которого, наконец, многие статьи удержаны и в Свод Законов, исключительно для двух губерний, составляющих Малороссию). Я обращаю внимание ваше только на способ, каким подходит Теплов к своему делу, – способ, вполне достойный тех Малороссийских юристов, которые и в его записке зовутся «людьми с оборотом!» Вот он ввернул крючок: «по неизвестным ныне тогдашних военных подвигов обстоятельствам!» – а о судопроизводства там же молвил: «как по истории видно!» Как будто по истории виднее было судопроизводство, чем обстоятельства военных подвигов! Как будто те обстоятельства 1654 года сделались уже неизвестными в 1754-году! Нет, они очень хорошо были известны тогда всем,— конечно, и самому Теплову. А каково у него явственное доказательство: «тем, что прежде 1720 года почти во всей Малороссии никаких канцелярий не было»?... «Ибо – говорит – и самую гетманскую канцелярию – в 1720 году – особенной грамотою велено учредить!» Но учреждение той гетманской или Войсковой канцелярии, в 1720 году, по новому, ни как еще не отрицает исторического бытия прежней войсковой генеральной канцелярии. А что она, равно как и полковая и сотенная уряды или канцелярии существовали в Малороссии прежде 1720 года, то достоверно известно; и мне, вам – не для чего и приводить на то ни летописных свидетельств, ни доказательств документальных. И тогда Теплов говорит, что тех канцелярий до 1720 года «отнюдь не было, хотя притом некоторые дела и посменно производились; а все тогда в самоволие превращенное, не правом и законами управлялись, ни силою

и кредитом старшин, в простом народе действующих или лучше сказать обманом грамотных людей» – когда он там же говорит: «почти все прежде бывшие времена перед 1720 годом, яко никаких урядов не имея»: тогда – не ужели он дышит духом правды, и любви, и блага общественного?... Нет, Теплов подвел эту канцелярскую мину – под купчия крепости Малороссийских владельцев, для того, чтобы вдруг сказать: «почему и все бывшие владельцы, как духовные, так мирские, на купленные свои земли и грунты и на разные поселения никаких урядовых купчих старше тридцати или сорока лет не имеют!» А вслед за тем он выводит еще то: «что множественное число деревень, собственно принадлежащих в казну Ее Императорского Величества, разобрано самовольно; а которые владеют правильно, у тех должны быть не только гетманские универсалы, но и государевы посольского приказа грамоты; ибо с 1656 года уже все по статьям Хмельницкого и Государя было...» В заключение он прибавляет: «но все сие есть противно статьям Хмельницкого и указам Государевым, в тех же статьях изображенным».

Посмотрите нарочно на Статьи Хмельницкого, и вы удостоверитесь, что Теплов и здесь ссылается на них так же недобросовестно и неверно, как ссылается он на Статьи – о числе казаков! А между тем он и в приложении записки говорит, что жители всех Малороссийских городов, местечек, сел, деревень и хуторов – «живут старинными будто займами и фальшивыми по большей части крепостями», – что Малороссийские помещики – изобилуют землями или «грабленые государевыми, пли за долг шинковой себе приговоренными» от казаков. Из этого очевидно, кажется, что записка Теплова дышит – скорее духом ябеды и клеветы, чем духом любви к Малороссии и желанием общей пользы!

В последние 20 лет моего занятия Малороссийскою стариною и народностью, в самой Малороссии, – я пересмотрел не менее тысячи подлинных купчих листов, писанных до 1720 года, и более ста подлинных гетманских универсалов и царских грамот, данных на разные владения прежде того года. На тех купчих листах, конечно, не означено, что они выданы из такой-то канцелярии полковой или сотенной. Но это нисколько не опровергало и не опровергает их законности. Не требовалось тогда этой формы! Тогда купчие листы подписывались обыкновенно так: «а для лепшой веры дал той вечисто продажный лист за подписью пана полковника и других товариств; и за притеснением печати полковой»; или же: «за подписью пана сотника, и притеснением печати сотенной». Следя переход какого-нибудь малого лоскутка земли от одного владельца к другому продолжение двух столетий и более, вы нередко встречаете, в ряду продажных листов, небольшие записочки, на которых нет даже и подписи сотника, а только «веры годные свидетели крестом подписались». Однако и эти листки в старину всегда принимались, как настоящие купчие листы, и упрочивали правильное и спокойное владение не менее, чем вводчий лист, данный от станового пристава по указу уездного суда. На таком же основании и сотники прошлого столетия приобретали не редко у казаков малые лоскутки земли – по листам, из которых многие свидетельствованы только соседними «веры годными людьми» и не были

заносимы ни в полковую, ни войсковую канцелярию. (Овчинка не стоила бы выделки!) А каким порядком занимаемы были до 1720 года «вольные места», для образца тому, я в 1848 году, в моей «Бубновской Сотне» поместил запись сотника Дениса Деркача, 1700 года. Кредит и обычай в народе: вещь не маловажная; право давности есть право законное; новопоставленные формы и узаконение обратного действия не имеют, так же, как понятий нашего 1857 года не вложишь в поколение 1757-го или 1657-го.

Вы, в предисловии к записке, говорите: «Рассказ Теплова о том, как Малороссийские паны, занимая разные правительственные места в гетманщине, присвоили себе обманом и насилием казачьи земли, ни мало не преувеличен». – Напротив: так преувеличен, что всю записку его, по истине, можно назвать омутом, в котором и самая истина является нечистою и лжеподобною! – Вы продолжаете: «Из Материалов для отечественной историй, изданных в Киеве г. Суденком, видно, как гетманы наши, пользуются своею властью и безмолвием хищников – старшин, набрали себе «на булаву» земель по всей Малороссии. В таком то полку гетману принадлежат целые села, в такой то сотне владеет он многочисленными хуторами, в таких то городах, местечках и селах есть у него доходные мельницы, рыбная ловля, пасеки, верхолазные борти, леса и сенокосы, и всего этого так много, что целые книги наполнялись описями гетманского имущества».

На это я скажу вам: большому кораблю – большое и плаванье! Гетману, как правителю и представителю Малороссии, и надо было так много имения. Для того то ранговые имения на гетманскую булаву, было гораздо больше, чем для прочих старшин. Но гетманские ранговые имения были законоотделяемые из общественных или Войсковых земель Малороссии, – утверждаемые царскими грамотами, и не составлявшими потомственной собственности гетмана – до конца гетманщины (1764 года). Так и гетману Даниилу Апостолу, избранного после второго междугетманства, в которое столько разных переворотов произошло с ранговыми владениями на гетманскую булаву, они были утверждены ему сперва грамотою Петра II-го, 1728 года; а потом, с новыми дополнениями, грамотою Анны Иоанновны 1730 года 26 мая. У вас идет речь об описанной книге гетманских имений, составленной по смерти Даниила Апостола (одного из самых заслуженных и доблестных мужей кончавшейся гетманщины); а вы продолжаете так: «Не упускали гетманы и старшины Малороссийские никакого случая к обогащению на счет смиренных земляков своих. Часто, между их владениями даже небольшие, далеко отброшенные лоскутки земли, и мельницы об одном поставе, которыми Гетман владеет пополам с простым казаком. Этот мелкий набор по всей гетманщине сам за себя говорит, из каких рук и какими путями перешла недвижимая собственность во владение всемогущих панов XVIII века». Вот такая гипербола вышла у вас, под влиянием записки Теплова! Вы не разобрали, что то была законная повинность с млинов (мельниц), находившихся на гетманских ранговых землях, – продолжение стародавней млиновой (мельничной) повинности, которая налагалась на все мельницы, и сбиралась в пользу общественного войскового скарба (казны); а с находившихся на

гетманских землях – в доход гетманский. Взгляните на «универсалы поборовые» XVI века, – на пример, на универсал 1577 года (Voll. legg. т. II), которым назначался побор от кола вального по 24 гроша, а подарочного по 12-ти, от ветряков дедичных по 10 грошей, а дорочных по 5-ти. (В 1573 году даже попы Русские платили от каждой Русской церкви по копе Польской, а протопопы по две; копы!). Третья мера помолу с каждой мельницы велась и тогда, и выкупалась старостами, с дозволения королевского. Так в позднейшее время делибертация (увольнение) от мельничной дани была по гетманским универсалам, или же, но грамотам царским. И посмотрите, в помянутой Описи гетманских владений: сколько там значится мельниц, которые до 1728 года «за Малороссийской Коллегией» вносили дань; а от гетмана Апостола, получили «делибиртацию» – и, разумеется, не в прибыток, а в ущерб его гетманскому доходу!

Теперь сообщу вам следующие известия о самом Теплове, как помещике Малороссийском.

1) Когда он устроил свою Тепловку, на благодатном берегу р. Оржицы, тогда он, как известно по преданию, навозил себе кирпичу из Киева, сколько ему надо было – соседними казаками. Положим, что то был староказацкий обычай толоки; и нельзя же было не послушать – для любимца гетманского, на его новоселье, хотя до Киева и далеченько! Но за чем же Теплов пишет в осуждение: «Как возможно, чтоб казак бедный и беспомощный воспротивился сотнику в сотне, а сильному помещику в том селе или деревне, где он казачествует? Всякий сотник, не успеет только на сотню свою приехать, то казаки первые строители дому бывают, первые сенокосцы для его скота, и первые подводчики; не упоминая о прочих разорениях!».

2) В число тех прочих разорений казакам, можно включить следующее, о котором тоже ведется местное предание. Именитый устроитель и владелец Тепловки, не уважая на казацкую возку ему кирпичу из Киева, примежевал к своей земле смежные с нею кусочки земли, принадлежавшее Малютинским и другим соседним казакам. И ему обошлось это – по Украинской пословице: «нехай лихо буде тихо!» – не так, как в 1741 году Неженским старшинам, по жалобе казаков, за притяжение их земель...

3) Когда внук памятного в Малороссии представителя ее, Якова Ефимовича Лизогуба, Григорий Григорьевич, остался в сиротстве и малолетстве, тогда Григорий Николаевич Теплов не упустил примежевать к своей земле смежный с нею кусок земли Лизогубовской, верст на десять, в окружности – «не известно почему, а больше дознавать, что самоуправно» (так выражено в протесте, поданном от Лизогубовского приказчика, по случаю предполагавшегося размежевания земель, вследствие сенатского о том указе из межевой экспедиции, 1766 года). Примежевать к себе чужую землю, владелец Тепловки немедленно слободку Лизогубовщину (населенную Григорием Яковлевичем) переименовал во имя сына своего – Алексеевкою. Наследники Лизогубовы вели долгую тяжбу с Алексеем Григорьевичем Тепловым; но сей добрый человек, продал свою отцовскую Тепловку графу П.В. Завадовскому, который и покончил то дело мировыми сделками. Письменные следы тяжбы

остались в архивах судовых и домашних. – Теперь видите ли, что Малороссийские паны, обличаемые Тепловым, имели полное право сказать ему: врачу, исцелись сам!

Вы (в Эпилог к Черной Раде) объявили, будто с Кониского уже «снята священная мантия историка»; и – ухватились за кафтан Теплова, и говорите: «взгляд на тогдашнее состояние Малороссии приводит наблюдателя в горестное изумление. Видишь повсеместное отсутствие идеи добра и справедливости в высшем классе ее населения, видишь какое-то добродушное, совершенно спокойное и как бы узаконенное обычаем грабительство над беззащитною массою простолюдинов; народ беднеет, подпадает материальной зависимости от пройдох и богачей, падает в своем безнадежном положении, и никто о нем не жалеет. Только один человек возвысил свой голос в пользу большинства Малороссийского населения и старался, по мере своего разумения, раскрыть причины его материального упадка, но и того слепая история нашего края записала в число врагов его».

И так – вот человек, Теплов! И так – История была доселе слепа на счет его, и прозрела только во 2-м томе ваших Записок! Но я полагаю, что тут-то и напала на нее слепота... Теплов признан недругом Малороссиян, за его очевидное нелюбие к Малороссиянам; за его ложные и оскорбительные о них писания; особенно же, за его лукаво-соблазнительный проэкт о испрошении потомственного гетманства графу Кириллу Григорьевиче Разумовскому, отвергнутый Малороссиянами и наделавший тогда такой кутерьмы. Опорочить всю Малороссийскую старшину и шляхетство преувеличенным показанием их темной стороны, не значит еще принести пользу Малороссийскому простонародью. И какой же голос возвысил Теплов в пользу большинства населения Малороссийского? О казачестве он налгал Государыне, будто оно почти все истребилось и претворилось в крестьян, злоупотреблением старшин. О посольстве, в конце своей Записки, он возвысил такой голос, что «есть вред ближайший Малороссийскому народу вольный переход с места на место, который причиною, что бедные помещики час от часу в большую бедность приходят, а богатые паче усиливаются; а мужики, не чувствуя своей гибели, делаютя пьяницами, ленивцами и нищими». – Но богатые помещики наипаче усилились в Малороссии не от вольного перехода посольства, и даже по прекращении его. Не от него собственно беднели бедные помещики; не от него и посольство Малороссийское подвергалось такой нравственной порче, как представляет Теплов; ибо и по прекращении вольного перехода в 1783 году, крестьяне нередко делаютя пьяницами, ленивцами и нищими.

«Мужик, имя власть переменяет свое селение, всеконечно ищет прежде всего как бы ему найти удобства свой хлеб жевать без труда...» – Но без труда не мог и быть у крестьянина свой хлеб, разумеется, честный. «Делая землю вознесет стог свой».

«Сего ради не допускает обременят себя никакою излишнею работою.» – Да обременение излишнею работою от кого-либо есть дело неприятное и нежеланное, для самого трудолюбивого человека, во всяком звании.

«Между тем мужики празднопдельные и лентяи о том не оставляют

наведываться, где и сколько временными свободами крест выставлен на поселение слободы, и проведая выбирают место, которое им льготнее покажется». – Но такое место, которое льготнее, естественно избирают для себя не только, «праздноделному и лентяю», но и самону усердному трудолюбцу.

«Таким образом вылеживает мужик урочные годы в крайнем ленивстве, а к концу срока проведывает о новой кличке на слободку и нового креста ищет, и сим образом весь свой век нигде не заводит никакого хозяйства, а таскаете» от одного к другому кресту, перевоза свою семью и переменяя свое селение. Для сих причин они по большей части и никакого у себя не заводят домоводства, дабы удобнее было с места на место подняться, тем больше, что он тот переход тайком от помещика учинить должен; ибо помещик под претекстом темъ, яко бы мужик все, что ни имеет, нажил на его помещичьих грунтах, как скоро проведает о его предприятии, грабит все его имение на которое он, по силе Статута, право имеет. Так поступают помещики безкредитные в нации; а сильные кредитом, заманивши единожды на свою землю мужика, много и иных способов имеют не выпустит от себя переселиться к другому».

При таком представлении – в ком же вина хозяйской неурядицы и материального упадка простолюдина: в помещике ли, на чьей земле водворяется он, или в самом простолюдине, который норовит пользоваться землею помещика только в льготные дня себя годы, а к концу срока, когда должна начаться уже от его труда выгода землевладельцу, он уклоняется от труда и бежит тайком? Очевидно, что корень такому злу – в нравственном упадке самого простолюдина, в его нечестном и «крайнем ленивстве»! В этом обвинят панов было бы несправедливо, так же, как несправедливо представлять большинство тогдашнего Малороссийского посольства состоящим из таких нечестных лентяев и лежебок. Тут под пером Теплова опять преувеличение частных случаев в господствующий характер, столь же оскорбительно для посольства, как в вышеприведенных случаях было оно оскорбительно для казначества и старшины. – И глядя на эту картину его неурядков Малороссии, я невольно спрашиваю вас: где же то «сознание своей человечности и чувство своего человеческого достоинства», которое у Малороссийского простонародья, по-вашему – «было развито в необыкновенной степени» в половине XVII века? Как это «единомышленное гражданское общество,» которым, по вашему – явилась Малороссия при Богдане, и показала «присутствие в Малороссийском народе высших гражданских понятий», как оно в XVIII столетии является уже в такой «совершенной безурядице», с таким «повсеместным отсутствием идеи добра и справедливости, в высшем классе ее населения», который и возник большею частью из того самого «единомышленного гражданского общества?» Ведь дерево от плода познается! – Но утешимся: как Малороссию, обновившуюся в гетманство Богдана, вы представили себе в преувеличенной гражданской красоте; так и Малороссию, бывшую в гетманство Разумовского, вы представили себе в преувеличенном гражданском безобразии. На самом же деле, как Малороссия, возникшая при Богдане, не была вместилищем одного новорожденного добра и

благоустройства народного, так и Малороссия XVIII века, при всех злоупотреблениях и непорядках, бывших в ней на исходе ее гетманства и старого казачества и вольноперехожего посольства, содержала в себе еще много добра и правды – во всех сословиях народа своего, и послужила ими с честью и славою, как сама для себя, так и для всего Русского мира. И сколько славных имен украшают ее Историю в XVIII веке – от святителя Димитрия и гетмана Апостола, до Георгия Конисаго включительно! А Григорий Николаевич Теплов, хоть он и питомец Феофана Прокоповича, и наставник гетмана Разумовского, – он должен и в памяти потомства остаться тем же, чем был в общем мнении современников, чтобы сбылась над ним народная пословица Украинская: «брехнею свит пройдешь, да назад не вернешься»!

М. Максимович.

Москва.
1837 г. 8 Октября.

*М. Максимович. Письмо к П.А. Кулишу
// Русская Беседа. – 1857. – № 4. – С. 61-78.*

П. Кулиш. Об отношении малороссийской словесности к общерусской

Эпилог к „Черной Раде”

„Черная Рада” написана на южно-русском или малороссийском языке. Здесь напечатан вольный перевод этого сочинения. В переводе есть места, которых нет в подлиннике, а в подлиннике осталось многое, не вошедшее в перевод. Это произошло, как от различия духа обеих словесностей, так и от того, что, сочиняя подлинник, я стоял на иной точке воззрения, а в переводе я смотрел на предмет, как человек известной литературной среды. Там я по возможности подчинялся тону и вкусу наших народных рапсодов и рассказчиков; здесь я оставался писателем установившегося литературного вкуса. Думаю, что от этого подлинник и перевод, изображая одно и то же, представляют, по тону и духу, два различные произведения. Как бы то ни было, только считаю не лишним объяснить, почему русский писатель нашего времени, для изображения малороссийских преданий, нравов и обычаев, обратился к языку, неизвестному в Северной России и мало распространенному в читающей южно-русской публике.

Книга моя, появясь в свет не на общепринятом литературном языке, может ввести многих в заблуждение на счет понятий и цели автора. Воображать, пожалуй, что и пишу под влиянием узкого местного патриотизма, и что мною управляет желание образовать отдельную словесность, в ущерб словесности общерусской. Для меня были бы крайне обидны подобные заключения, и потому я решился предупредить их объяснением причин, заставивших меня избрать язык южно-русский для

художественного воздания летописных наших преданий.

Когда Южная Русь, или, как обыкновенно ее называют, Малороссия, присоединилась к Северной или Великой России, умственная жизнь на Севере тот час оживилась притоком новых сил с юга, и потом Южная Русь постоянно уже принимала самое деятельное участие в развитии севернорусской литературы. Известно каждому, сколько малороссийских имен записано в старых летописях русской словесности. Люди, носившие эти имена, явились на север с собственным языком, каков бы он ни был – чистый южно-русский, или, как утверждают некоторые, полу-польский, живой народный, или черствый академический, – и ввели этот язык в тогдашнюю русскую словесность, как речь образованную, освоенную с обще-европейскою наукою и способную выражать ученые и отвлеченные понятия. Природные Москвичи оставили язык своих разрядных книг и грамот для этой речи, и в Российском государстве, мимо народного северно и народного южно-русского языков, образовался язык, составляющий между ними средину и равно понятный обоим русским племенам. Дойдя до известной степени ясности и полноты, он начал очищаться от старых, выкованных в школах и чуждых народному вкусу, слов и оборотов, заменяя их словами и оборотами языка живого, которым говорит народ, – и тут приток севернорусского элемента в литературный язык сделался почти исключительным. В свою очередь Малороссияне отрелись от природного языка своего, и, вместе с просвещением, разливавшимся по империи из двух великих жерл, Москвы и Петербурга, усвоили себе формы и дух языка севернорусского.

Казалось бы, этим поворотом взаимных племенных влияний должно было завершиться развитие литературного языка в России; но на деле вышло, что силы творящего русского духа еще далеко не все пришли с соприкосновением. В то время, когда Пушкин довел русский стих до высочайшей степени совершенства, до *plus ultra* пластики и гармонии, – из глубины степей Полтавских является на севере писатель, с поверхностным школьным образованием, с неправильною речью, с отклонениями от общепринятых законов литературного языка, явно происходящими от недостаточного знакомства с ним, является, и поклонники изящного, отчетливого, гармонического Пушкина заслушались степенных речей его... Что это значит? Это значит, что Пушкин владел еще не всеми сокровищами русского языка, что у Гоголя слышалось русскому уху что-то родное и как бы позабытое от времен детства; что вновь открылся на земле русский источник слова, из которого наши северные писатели давно уже перестали черпать...

Судя по сходству древних обычаев у Великороссов и Малороссиян, надобно думать, что в глубокую старину вся Русь говорила одним и тем же языком, или очень сходными между собою наречиями; и, вероятно, русское слово было развито до лучших своих форм преимущественно в той стране, которая была тогда средоточием силы народной, – в земле Киевской. Чем дальше от этой страны, тем резче должны были быть областные отличия и уклонения от собственно южно-русского слова, что и отразилось частью в

северно-русских летописях. Тем не менее, однако, язык Киевский должен был служить образцом для всего первобытного русского мира. Но, в следствии политических переворотов, гражданственность мало по малу ослабела в пределах древнего Киевского княжества, и Русский народ развил свои государственные силы преимущественно на севере – сперва во Владимире на Клязме, а потом в Москве. Здесь древний русский язык, каков бы он ни был во времена Владимира и Ярослава, пошел к развитию особенным путем, так как он начал вбирать в себя пищу из особенной народной почвы, при особенных государственных и общественных обстоятельствах. Московская земля является сильным, все к себе притягивающим царством, и, создавая новые формы жизни, создает язык, выражающий эти формы. Так он достигает той степени развития, на которой застали его, присоединяясь к северно-русскому народу, разрозненные с ним Татарами южные-Русичи.

Что же делали они с языком своим во все время разлуки с Русью Северною? Некоторые из наших ученых, не обвиняясь, утверждали, что они позабыли настоящую русскую речь, поддавшись влиянию польского языка, который, смешавшись с языком южных Русичей, произвел смесь, называющуюся ныне языком малороссийским. Выходит так, как будто малороссийский язык произошел от польского. Но памятники южно-русской народной словесности, беспрестанно открываемые этнографами, приводят к важному в этом случае вопросу – который из двух языков мог быть отцом другого: тот ли, который имеет богатые красотами песни народные, захватившие в себя этнографические и религиозные факты из глубочайшей языческой древности, или тот, который таких песен не имеет? Польский язык не только беднее народными произведениями, но и моложе южно-русского; и, если мы находим в нынешнем малороссийском языке слова польские, то это значит, что они были заимствованы самими Поляками у южных Руссов и сделались общими обоим племенам. Не позабыл южно-русский народ того языка, на котором говорили князья и дружины их; ибо он продолжал жить собственною жизнью мимо ханских баскаков и Литвинов, которым не было никакого дела до его нравов и языка. Заимствованное одним народом от другого носит признаки своего первообраза и непременно уступает ему в силе и красоте; а здесь случилось напротив. Польская народная словесность, даже во мнении самых горячих ее приверженцев, далеко отстает от малороссийской в силе, разнообразии, блеске и пластической красоте созданий. Как же у нас на Руси может существовать мнение, что эта бедная словесность родила богатую? Много есть этому причин; но я укажу только на одну: что ученые наши – и именно историки и филологи – по большей части удалены своею жизнью от непосредственного изучения народа, и особенно южно-русского, что они по необходимости повторяют один другого, и что – ко вреду науки – есть между ними такие, которые думают играть роль русских патриотов, унижая одно русское племя перед другим. Какие же последствия такой недостаточности живых наблюдений, и к чему ведет эта племенная неисклнучительность воззрения на Русь? С одной стороны, это

поселяет в доверчивом к авторитетам юношестве пренебрежение к предмету, достойному самого прилежного, специального изучения, с другой – питает чувство племенного отчуждения, выражающееся у Малороссиян или равнодушием ко всему, что не-малороссийское, или безобразными карикатурами действительности. Может быть, кто-нибудь и выигрывает от такого положения дел, только не общество. Для общества нужна любовь, а где нет любви, там нет и успехов жизни. Поэтому те из наших ученых, которые, из простодушного или притворного патриотизма, ограничивают круг специального изучения народа и его речи так называемым настоящим русским человеком, отчуждая, в слепоте своей, от участия в деле самопознания и самовыражения многие миллионы южного русского племени, – действуют против успехов нравственного развития России.

К счастью природа русского человека сильнее заблуждений ученых и неученых фанатиков, и как бы ни подавляли ее мертвящие влияния людей без сердца и без истинного разума, при благоприятных обстоятельствах она снова получает свою жизненность. С некоторого времени в южно-русском образованном обществе начала пробуждаться любовь к родной поэзии и родному языку, – не отнюдь не в следствии общего движения Славянских племен к своенародности, как полагают некоторые, движения, сравнительно очень недавнего. Эта любовь выразилась произведениями, которые не имеют большой цены на нынешний наш взгляд, но которых влияние на общерусскую литературу оказалось благотворным. Гоголь от своего отца, автора и актера нескольких драматических пьес на малороссийском языке, получил первое побуждение к изображению малороссийской жизни в повестях. Круг людей, в который он попал по своим житейским обстоятельствам, и влияние окружавших его личностей указали ему формы речи, в которых его создания могли быть доступны обществу: он начал писать по-великорусски. Многие из Малороссиян сожалеют, что он не писал на родном языке; но я нахожу это обстоятельство одною из счастливейших случайностей. По своему воспитанию и по времени, с которым совпало его детство, он не мог владеть малороссийским языком в такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждом шагу в своем творчестве, за недостатком форм и красок. Каков бы ни был его талант, но, при этом условии, он имел бы слабое влияние на своих соплеменников, а на великорусское общество никакого. Но, заговорить о Малороссии на обще-доступном для обоих племен языке, он, с одной стороны, показал своему родному племени, что у него есть и было прекрасного, а с другой – открыл для Великороссиян своеобразный и поэтический народ, известный им дотоле в литературе только по карикатурам. Судя строго, малороссийские повести Гоголя мало заключают в себе этнографической и исторической истины, но в них чувствуется общий поэтический тон Малороссии. Они подходят ближе к нашим народным песням, нежели к самой натуре, которую отражают в себе эти песни. Нельзя сказать, чтобы произведения Гоголя объяснили Малороссию, но они дали новое, сильное побуждение к ее объяснению. Гоголь не в состоянии был исследовать родное племя в его прошедшем и настоящем. Он брался за

историю Малороссии, за исторический роман в Вальтер-Скоттовском вкусе, и кончил все это „Тарасом Бульбою”, в котором обнаружил крайнюю недостаточность сведений о малороссийской старине и необыкновенный дар пророчества в прошедшем. Перечитывая теперь „Тараса Бульбу”, мы очень часто находим автора в потемках; но где только песня, летопись, или предание бросают ему искру света, – с непостижимой зоркостью пользуется он слабым ее мерцанием, чтоб распознать соседние предметы. И при всем том „Тарас Бульба” только поражает знатока случайной верностью красок и блеском зияющей фантазии, но далеко не удовлетворяет относительно исторической и художественной истины. Здесь опять многие из Малороссиян сожалеют, что Гоголь не продолжал изучать Малороссии и не посвятил себя художественному воспроизведению ее прошедшего и настоящего; и опять я в его стремлении к великорусским элементам жизни вижу счастливейший инстинкт гения. В его время не было возможности знать Малороссию больше, нежели он знал. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее с тех сторон, с каких мы, преемники Гоголя в самопознании, стремимся уяснить себе ее прошедшую и настоящую жизнь. Но если предположить, что Гоголь вдавался бы в разработку малороссийских архивов и летописей, в собрание песен и преданий, в разъезды по Малороссии, с целью видеть собственными глазами жизнь настоящую, по которой можно заключать о прошедшей, – наконец, в изучение политических и частных международных связей Польши, России и Малороссии; то приготовление к художественному труду поглотили бы всю его деятельность, и, может быть, мы ничего бы от него не дождались. Напротив, обращаясь к современной великорусской жизни, ондохнул свободнее; материалы у него были всегда под рукою, и только сознание недостаточности собственного саморазвития останавливало его творчество. Все таки он оставил нам памятник своего таланта в нескольких повестях, комедиях и, наконец, в „Мертвых Душах”, этой великопопытке произвести нечто колоссальное. Приверженцы развития малороссийских начал в литературе ничего в нем не потеряли, а все Русские вообще выиграли. Да разве мало малороссийского вошло в „Мертвые Души”? „Сами Москвичи признают, что, не будь Гоголь Малороссиянин, он не произвел бы ничего подобного” Но создание „Мертвых Душ”, или, лучше сказать, стремление к созданию (выраженное Гоголем в „Авторской Исповеди” и во множестве писем), имеет другое, высшее значение. Гоголь, уроженец Полтавской губернии, той губернии, которая была поприщем последнего усилия известной партии Малороссиян (приверженец Мазепы) разорвать государственную связь с народом Великорусским, поэт, воспитанный украинскими народными песнями, пламенный до заблуждений барде казацкой старины, возвышается над исключительною привязанностью к родине и загорается такой пламенной любовью к нераздельному Русскому народу, какой только может желать от Малоросса уроженец северной России. Может быть, это самое великое дело Гоголя, по своим последствиям, может быть, в этом-то душевном подвиге более, нежели в чем-либо, оправдывается зародившееся в нем еще с детства предчувствие, что он сделает что-то для

общего добра. Со времен Гоголя взгляд Великороссов на природу Малороссиянина переменился: почуяли в этой природе способности ума и сердца необыкновенные, поразительные; увидели, что народ, среди которого явился такой человек, живет сильною жизнью, и, может быть, назначается судьбою к восполнению духовной природы северно-русского человека. Поселив это убеждение в русском обществе, Гоголь совершил подвиг, более патриотический, нежели те люди, которые славят в своих книгах одну северную Русь и чуждаются южной. С другой стороны Малороссияне, призванные им к сознанию своей национальности, им же самим устремлены к любовной связи ее с национальностью северно-русскою, которой величии он почувствовал всей глубинной души своей и заставил нас также почувствовать. Назначение Гоголя было внести начало глубокого и всеобщего сочувствия между двух племен, связанных материально и духовно, но разрозненных старыми недоразумениями и недостатком взаимной оценки.

Я сказал, что малороссийские произведения Гоголя дали побуждение к объяснению Малороссии, и сказал это не без основания. Все, что было до него писано о Малороссии на обоих языках, северно- и южно-русском, без него, не могло бы произвести того движения в умах, какое произвел он своими повестями из малороссийских нравов и истории. „Тарас Бульба”, построенный на сказаниях Кониского и Боплана, сообщил этим писателям новый интерес. В них начали искать того, что осталось не захваченным казацкою поэмою Гоголя, и сохраненные ими предания старины получили для ума и воображения прелесть волшебной сказки. Это очарование разлилось и на другие летописи, которых до тех пор не замечали за Кониским. Приведение их в известность повело к сличению; открытые противоречия родили потребность узнать истину. Наступил момент исторической разработки, до которого далеко еще было автору „Тараса Бульбы”, как это всего лучше доказывает современная этому произведению статья Пушкина о Кониском (в „Современнике,” 1836 год), в которой нет и намека на его недостатки со стороны фактической верности. Открыта мною и издана профессором Бодянским „Летопись Самовидца”, имеющая ничего себе равного между малороссийскими летописями. Новый взгляд на историю казацкой Малороссии начал проявляться в печатных и рукописных сочинениях. Недоверчивость к собственным источникам, возбужденная всего больше упомянутой летописью, заставила нас обратиться к источникам польским. Живые сношения знатоков родных преданий с беспристрастными польскими учеными, и преимущественно с покойным графом Свидзинским и Михаилом Грабовским, утвердили в южно-русских писателях здравые понятия об исторических явлениях на Украине обеих сторон Днепра. С другой стороны, профессор Бодянский издал знаменитую летопись Кониского, или „История Руссов”, которая составляла настольную рукопись каждого почитателя памяти предков в Малороссии, и то, что было уж решено и обсуждено на счет ее между южно-русскими учеными, но не было еще высказано печатно, по случайным обстоятельствам, – высказано московским

профессором Соловьевым в „Очерке Истории Малороссии.” С Кониского снята священная мантия историка. Он оказался, во-первых, фанатиком-патриотом южной Руси, из любви к ней, не щадившим, наперекор истине, ни Польши, ни государства Московского, – во вторых, человеком необыкновенно талантливым, поэтом летописных сказаний и верным живописцем событий только в тех случаях, когда у него не было заданной себе наперед мысли. Заслуга г. Соловьева, как критика летописи Кониского, велика, хотя до сих пор не оценена Малороссиянами, которые унижение своего Тита Ливия приняли, по старой памяти, за недоброжелательство к их родине. Но уже прошли времена умышленного недоброжелательства: оно остается теперь только при тех писателях, которые, как люди, равно чужды северно- и южно-русскому обществу, и которых имена не достойны быть упомянуты там, где говорится о высоком стремлении к истине. Лучшим заступником г. Соловьева против простодушных неудовольствий некоторых Малороссиян будет их родной писатель, Н.И. Костомаров, которого труды слишком долго для науки оставались в неизвестности, но за то, без сомнения, примутся теперь обществом тем с большим сочувствием и уважением.

Это одна сторона движения, которое усилил Гоголь своим прикосновением к малороссийской народности. Но в то время, когда отвлеченная наука делала свое дело в области историко-этнографического исследования южной Руси, в обществе почувствовалось сознательнее прежнего желание допросить свой народ на его родном языке. Перестали искать в нем смешного, простодушного и даже хитро-наивного. Взгляд на простолюдина сделался глубже и симпатичнее. Мы сначала внимательнее прежнего вслушиваться в его песни. Внутренний образ Малороссиянина сказался нам в красоте, нежности и мрачной энергии языка и музыки этих песен. Появились новые сборники эпических и лирических произведений народного ума и чувства. Этнография перешагнула с затверделой почвы летописей на живую, производящую почву национальной поэзии; история с удивлением увидела себя в цветистой и сияющей одежде народной песни. Мы пожелали войти в хату мирных потомков того казачества, которое, по собственным его словам, „подем и морем славы у всего света добыло”; мы пожелали слышать их речи без переводчика, каким явился в русской литературе Гоголь; мы уже подросли до того, что в состоянии были понять все нежное и гармоническое в подлиннике. И нас ввел в мужичью хату Григорий Квитка, писавший под именем Основьяненка. Повесть его „Маруся” до сих пор не оценена по достоинству. Видели в ней пленительную живопись простонародных обычаев, теплое чувство и много сцен, истинно-патетических; но упустили из виду, что еще ни в одном литературном произведении простолюдин Малороссиянин, лишенный всякого иного общения с людьми просвещенными, кроме Слова Божего, не являлся в столь величественной простоте нравов, как в этой повести. Это не чернорабочий пахарь, а человек, в полном значении слова. Его не усовершенствовала современная образованность. Он ничего не видал, кроме своего села. Он не грамотен; он занят только полевыми и домашними работами. Слово Боже,

которое он слышит в Церкви, внедряется в нем одними только явлениями природы, которые он любит бессознательно, как младенец свою кормилицу. Но во всех его понятиях и действиях, от взгляда на самого себя до обращения с соседями, поражает нас именно какое-то величие, в котором чувствуешь естественное благородство натуры человеческой. Никто не скажет, чтоб это была аффектация. Тогда бы Квиткин поселянин не возбуждал к себе такого сочувствия; он не впечатлился в душе и не сделался бы ее любимым приобретением. Сердца обмануть не возможно, и слезы, пролитые в Малороссии над чтением „Маруси”, составляют факт, которым не должна пренебречь эстетическая критика. Квитка написал на малороссийском языке несколько повестей, в которых много равного „Марусе” по частям, но в целом ни одна с нею сравниться не может. И однако ж, везде у него проходит, в более или менее выразительных чертах, величавый образ малороссийского простолюдина, это глубоко нравственное лицо, которое ведет свое происхождение от неизвестного нам общества... Пораженный этим явлением, ум читает в нем деяние истории, гораздо серьезнейшей, нежели казачество, гайдамачество и все, чем наполнены наши исторические сочинения. Душа чувствует здесь сильное начало народной жизни, развитое при неизвестных нам счастливых обстоятельствах и, мимо войн, мимо искусственных возбуждений нравственности, усвоенных гражданскими обществами, продолжающее жить само в себе и само для себя. Оно-то сообщает украинской народной поэзии, в новом ее развитии, у писателей, подобных Квитке, достоинство выражения, которому далеко не соответствуют материальные обстоятельства племени; оно придает ей эту мягкость оборотов, это тонкое чувство приличия в соотношениях людей между собой, это сознание благородства нравственной своей природы, которое у других народов является только следствием долгого пребывания общества в положении избранного, лучшего, всеми почтенного и независимого класса людей. Я не сделаю преувеличения, если скажу, что малороссийские простолюдины – разумеется, лучшие из них, подобные некоторым лицам повестей Квитки, – в своих установленных обычаях сношениях между собою, как кум с кумом, зять с тестем, дочь с крестной матерью, невестка с новой семьей, в которую она вступает, или просто хозяин с праздничным своим гостем, в своих свадьбах, крестинах, поминовениях усопших и земледельческих празднествах, ведут себя с каким-то гордым, внушающим невольное уважение, величием и достоинством. Мы мало знаем народ и смотрим на него больше с точки зрения хозяйственной; мы держим себя в стороне от него, никоим образом не принадлежа к его обществу. Но мне случалось попадать в такие отношения, когда забывалась разность сословий и образованности, когда мое присутствие не замечалось; и тогда я бывал поражаем сделанными мною наблюдениями...

Повести Квитки представляют теплую, простосердечную живопись нравов наших поселян, и очарование, производимое ими на читателя, заключается не только в содержании, но и в самом языке, которым они писаны. На русский язык они почти не переводимы, потому что в нем не

откуда было образоваться соответствующему тону речей. Великорусские простолюдины, не имея в своей натуре свойств народа Малороссийского, слишком резко отличаются от него характером языка своего; а литературный русский язык, даже у Гоголя, плохо служил для выражения семейных бесед нашего простонародья, его ласок, его огорчений, его насмешек и сарказмов. Всего лучше доказал это сам Квитка, когда, по просьбе журналистов, перевел „Марусю” и еще несколько повестей своих. Малороссияни не в состоянии читать их, – до такой степени они не похожи на подлинники. Один из русских писателей, имевший на него влияние великого авторитета, убедил было его совсем оставить язык, доступный небольшому кругу читателей и, по примеру Гоголя, писать на общепринятом литературном языке. Квитка написал несколько больших повестей и напечатал в журналах; но – странное дело! – тот самый писатель, который смешил и заставлял плакать своих земляков малороссийскими рассказами, сделался для них так же скучен, как и для Великороссиян. Что это значит? Отчего автор очаровательной „Маруси” не имел на русском языке успеха автор „Вечеров на Хуторе”? От того, что он думал на малороссийском языке, и, заговорив на великорусском, был так не ловок в каждой своей фразе, как молодцоватый малороссийский парубок, который бы вздумал играть роль русского добра молодца. Журнальная критика справедливо причислила его к посредственным раскащикам, и публика перестала читать его, предпочтя ему писателей-говорунов, которых и имена странно было бы упомянуть рядом с Квиткою. Но Малороссия не позабыла первых повестей его, и, не смотря на малоизвестность его в России, ставит его на ряду с величайшими живописцами нравов и страстей человеческих, каковы Вальтер-Скотт, Диккенс и наш Гоголь. Он уступает им в разнообразии предметов творчества, но за то в своем роде, который составляет самую трудную задачу для современного писателя, далеко превосходит каждого.

Замечателен этот факт, и нам нельзя на нем не остановиться: что один и тот же писатель, производя на читателей неотразимое впечатление малороссийским языком, оставлен ими без внимания на великорусском. Здесь мы видим доказательство, какая тесная связь существует между языком и творящею фантазией писателя, и в какой слабой степени передает язык другого народа понятия, которые выработались не у него и составляют чужую собственность. Как в песне музыка, так в книге язык есть существенная часть изящного произведения, без которой поэт не вполне действует на душу читателя. Я слышал от нескольких уроженцев великорусских губерний, научившихся от-части языку малороссийскому, что для них легче понимать наши народные думы в подлиннике, нежели в переводе. Это значит, что там сохранена гармоническая связь между языком и предметом, которая в переводе беспрестанно нарушается. По этому-то закону, во всех литературах, каждый самостоятельный поэт имеет свой особенный язык, который только и хорош для того взгляда на жизнь, для того склада ума, для тех движений сердца, которые одному ему свойственны. Переложит его речь на язык другого поэта, и она потеряет много своей

прелести. Но у нас в Малороссии Квитка представляет не единственный пример бессилия передать свои малороссийские концепции на языке великорусском. Гулак Артемовский, составляющий переход к нему от Котляревского, написал несколько превосходных комических и сатирических стихотворений, которые мы знаем наизусть, и остался совершенно неизвестным писателем в русской литературе, хотя положил несравненно больше труда на русские стихи и прозу. Гребенка, современник Квитки, оставил нам дышащие свежестью и истиною картины из малороссийской природы и жизни в своих „Приказках”, и тот же Гребинка писал по-русски нескладные повести из родных преданий и безвкусные стихи в роде следующих:

Невыразимо хороша,
Сидит жена Барабаша.

Наконец, величайший талант южно-русской литературы, певец людских неправд и собственных горячих слез, напечатав небольшую поэму на великорусском языке, изумил своих почитателей не только бесцветностью стиха, но и вялостью мысли и чувства, тогда как в языке малороссийском он образовал, или, лучше сказать, отыскал формы, которых до него никто и не предчувствовал, а из местных явлений жизни создал целый мир новой, никем до него неосознанной, поэзии. В его стихах язык наш сделал тот великий шаг, который делается только совокупными усилиями целого народа, в течении долгого времени, или волшебным могуществом гения, заключающего в своей единице всю прожденную художественность родного племени. Они, как песня, пронеслись из конца в конец по всей южной Руси; они пришлись по душе каждому званию, возрасту и полу, и издание их в свете сделалось почти ненужным. Нет человека в Малороссии, скольконибудь грамотного и расположенного к поэзии, который бы не повторял их наизусть и не хранил в душе, как драгоценное достояние.

Но всего удивительнее и всего важнее в этих стихах то, что они ближе наших народных песен и ближе всего, что писано по-малороссийски, подходят к языку великорусскому, не переставая в то же время носить чистый характер украинской речи. Тайна этого явления заключается, может быть, в том, что поэт, неизъяснимым откровением прошедшего, которое сказывается вещей душе в настоящем, угадал ту счастливую средину между двух разрознившихся языков, которая была главным условием развития каждого из них. Малороссияне, читая его стихи и удивляясь необыкновенно смелому пересозданию в них своего языка и близости его форм к стиху пушкинскому, не чувствуют однако ж того неприятного разлада, каким поражает их у всякого другого писателя заимствование слов, оборотов или конструкции из языка иноплеменного. Напротив, здесь чувствуется прелесть, в которой не можешь дать себе отчета, но которая не имеет ничего себе подобного ни в одной славянской литературе. Как бы то ни было, но несомненно то, что поэт наш, черная одной рукой содержание своих плачей,

песнопений и пророчеств из духа и слова своего племени, другую простирает к сокровищнице духа и слова северно-русского; только у него свой доступ к ней и свой путь к ее тайнам. Для него не существуют иноземные формы речи, усвоенные русскими писателями с самого начала сближения их с Европой. Он так силен родными началами, что его не останавливает искусственная оболочка литературных произведений русских поэтов. Сквозь бесчисленные вариации слова, порожденные ненародными влияниями, он видит слово русское в его родном складе речи и овладевает им по праву кровного родства с северно-русским племенем. Но в то же время чудесный инстинкт, свойственный только великим поэтам, заставляет его брать из другого языка только то, что составляет общую собственность того и другого племени. Вот почему язык его стихотворений богаче, нежели у всех его предшественников; вот почему этот язык выражает понятия общечеловеческие и, будучи совершеннейшим органом малороссийского ума, чувства и вкуса, больше понятен для Великороссиян, нежели наши народные песни и сочинения других писателей.

Ошибаются те, которые в его произведениях видят какую-то безусловную неприязнь к северно-русскому племени. Он восставал только против людских неправд, кем бы они ни совершались, Великороссами или Малороссиянами; он увлекался за пределы исторической истины, изображая ожесточение сердец человеческих. Но что им не управляла племенная неприязнь, доказательством служит то, что никто так горько не насмеялся над славой малороссийского казачества, никто не поколебал до такой степени авторитетов племенного нашего патриотизма, никто, подобно ему, не предал на позор и посмеяние всему свету того, чем мы так долго величались. Называют его безумным патриотом; а между тем он-то понес первый удар тому вредному местному патриотизму, который поднимает на ходули своих аттестованных историею героев и отворачивает глаза от доблестей соседнего народа, – тому патриотизму, который полагает славу свою не в успехах благоденствия целой страны, а в торжестве какойнибудь партии, или даже нескольких лиц, иногда очевидно во вред всему народонаселению... Так, он доходил до безумия в излишнии своего гнева на беззаконие людской; он был неистов, когда призывал небо и землю против тех, кого считал он виновниками страданий ближнего. Но кто же осудит поэта, который, поддавшись невыносимой боли сердца, не соблюдал меры своим воплям?... Обязанный одному себе духовным воспитанием, не имеет предшественников и образцов на своем литературном поприще, появясь внезапно, точно с неба, посреди застоя нравственной жизни в Малороссии, с своим горячим плачем, с своими новыми для слуха песнями, с своими врожденными, ни от кого незаимствованными стремлениями, он не мог быть тотчас оценен по достоинству критикой. Заплакали от его нежных и горьких речей не одна женщина. Кто позабыл давно уже юношеские стремления к правде и добродетели, кто погрузился в равнодушие ко всякому недостойному делу и признал случайные формы жизни за непреложный закон для своих чувств и мыслей, – и тот был потрясен ими до глубины

души, и неудержимые ничем слезы показали ему самому далеко заброшенный в засоренной душе юношеский его образ... Но какова бы ни была оценка нашему поэту от современников, как бы ни мало было людей, способных возстонать его стопами и понять высший, безотносительный смысл его творений, – а придет время, когда северная и южная Русь включат его в число благодетельных гениев, положивших конец племенному отчуждению, которого ничто не в силах уничтожить, кроме взаимного стремления к тому, что для одной и другой стороны равно драгоценно.

Из краткой характеристики трех поэтов, чуждых друг другу по судьбе, но родственных по стремлению возвеличить внутренний образ южно-русского племени читатель видит, что южная Русь со времен Гоголя не переставала выражать себя в более и более определенных формах и сделала великий шаг в искусстве самовыражения; ибо велико расстояние между полу-великорусскими жартами сельской молодежи в „Вечерах на Хуторе”, или переведенным из народной песни обращением влюбленного парубка к красавице и выражением душевной борьбы отца Маруси, или поэтическими речами осиротелой матери; велико расстояние между эффектным, потешающим воображение, но мало объясняющим народную жизнь, „Тарасом Бульбою” и потрясающими душу воплями нашего вещего поэта, который весь проникнут духом своего народа и выражает свои чувства истинно народным словом. Южная Русь не отстала от северной в успехах самопознания, и, живя одной с нею гражданской жизнью, разрабатывала начала, из которых создается своеобразная национальность. Какими бы глазами ни смотрели на его литературную деятельность те патриоты, которые ограничивают полет русского духа пределами древнего государства московского: но сама она явно стремится к обобщению с литературой северно-русской. Она не чуждается того, что в этой литературе есть чисто славянского, одинаково родственного каждому племени; но, чувствуя в ней односторонность развития и недостаточность своенародных, чисто-русских форм, усиливается выработать из своей нравственной почвы слово полное, сильное, истинно самобытное, способное выразить южно-русского человека в глубоких и тончайших чертах его характера. Не наша вина, если уроженцы северных губерний не включают нашего языка в число разнообразных предметов своей любознательности. Мы, напротив, не уступаем Великороссиянам ни в чем относительно звания родной их речи, и пускай беспристрастный судья решит, на чьей стороне преимущество основательного суда о предмете. Нам очень добродушно советуют оставить разработку малороссийского языка посредством художественных созданий; но это советуют люди, не имеющие понятия о том, какое влияние имеет высоко развитая сила и красота родного слова на нравственное, а вместе с тем и на вещественное благосостояние целого племени. Нам объясняют вовсе не для шуток, что это даже не язык, а такое же наречие, как новгородское, владимирское и проч.; но странно, как эти проповедники забывают, что народная поэзия в губерниях Новгородской и Владимирской не отличается ни чем от народной поэзии в губернии Московской, ни в духе, ни в

содержании, ни в форме, – тогда как южно-русская народная поэзия не имеет ничего себе подобного по свойствам, ни равно по достоинствам во всех великорусских губерниях! Нам, наконец, доказывают неоспоримыми фактами, что Малороссиянин, присоединяясь к писателям великорусским, имеет обширный круг читателей, следовательно более достигает цели каждого деятельного ума разливать в обществе свои убеждения. Правда, оно заманчиво; но только ни один из малороссийских поэтов – в том числе даже и Гоголь – не был удовлетворен своими сочинениями на языке северно-русском. У каждого из них всегда оставалось на душе томительное сознание, что он не исполнил своего назначения принести пользу ближнему, и действительно не принес ее в той мере, в какой родное слово приносит пользу родному сердцу. Положим, что поэту, среди иноплеменников, внимает много умов, что его голос проникает во множество сердец; но то ли он производит на них впечатление, какое произвел бы на своих земляков, когда б обратился к ним на незаменимом языке детства, – на том священном языке, посредством которого мать внушала ему правила честности и добродетели. Я знаю, что друзья, сошедшиеся на позднем пути жизни, могут нежно и горячо любить друг друга; но будет ли беседа их так жива, как тех друзей, которых детство связано общими воспоминаниями, общими порывами сердец, общими муками и радостями? И заговоришь ли так понятно, так увлекательно, без искусства красноречия, с человеком, хоть и любимым, и уважаемым, но воспитанным под другими влияниями, как с тем, чье сердце издавна привыкло бить один такт с твоим собственным? Что же тут говорить о числе людей, которые подвергнутся нашему нравственному влиянию? Не в количестве дело, когда речь идет о высоких преданиях души человеческой; дело в качестве почвы, на которую падает наше слово, дело в той силе, с которою оно поражает умы и сердца слушателей. Успокой всепобеждающим вдохновением речи одного человека в тяжких сомнениях о бессмертии души человеческой, подними одного ближнего из разврата чувств и понятий, – и ты сделаешь больше заслуги перед Богом и перед людьми, нежели если б доставил легкое и приятное, но бесплодное чтение многочисленному обществу. Как же не дико называть нелепостью потребность души, которая только этим, а не другим путем может сообщить другой душе свою животворную силу? Резонерством ничего с этим стремлением не сделаешь: оно зарождается глубже в душе, нежели самые здоровые и основательные рассуждения. Дело тут не в одной разности языков; дело в особенностях внутренней природы, которая на каждом шагу оказываются в способе выражения мыслей, чувств, движений души, и которые на языке, не природном автору, выразиться не могут. По крайней мере, пишущий эти строки, предприняв верное изображение старинного казачества в „Черной Раде”, на пользу своим ближним, напрасно усиливался заменить южно-русскую речь языком литературным, общепринятым в России. Перечитывая написанные главы, я чувствовал, что читатели не получают из моей книги верного понятия о том, как отразилось былое в моей душе, а потому не воспримут вполне и моих исторических и христианских

убеждений. Волею и неволею, я должен был оставить общий литературный путь и сделал поворот на дорогу, едва проложенную, и для такого произведения, как исторический роман, представляющую множество ужасающих трудностей. Я был приведен к ней томительным чувством художника и человека, напрасно борющегося с невозможностью выразить свои душевные речи. Не скрою, что этот поворот стоил мне великих усилий и жертвований. Я должен был отказаться от удовольствия быть читаемым теми из писателей великорусских, которых судом я дорожу, и которых дружба возбуждала во мне живейшее желание доставить им чтение серьезное и удовлетворительное. Я должен был ограничиться небольшим кругом читателей, ибо немногие из земляков моих в настоящее время способны оценить мои труды по предмету разработки южно-русского языка и возведения его в достоинство исторического повествования. Я должен выдержать порицания людей, которые все то считают пустяками, чего не знают, но которые своим авторитетом имеют влияние на умы неопытные и неутвердившиеся. И, при всем том, я напечатал свою книгу на языке южно-русском. Я долго изучал его в письменных памятниках старины, в народных песнях и преданиях и в повседневных сношениях с людьми, незнающими никакого другого языка, и раскрывшиеся передо мною его красоты, его гармония, сила, богатство и разнообразие дали мне возможность исполнить задачу, которой до сих пор не смел задать себе ни один Малороссиянин, именно – написать на родном языке исторический роман, во всей строгости форм, свойственных этого рода произведениям. Я говорю здесь роман потому только, что такова действительно была у меня задача. Но, вникнув в нравы Малороссиян XVII века, столь непохожие на нынешние (разумеется, в известном слое общества), я убедился, что повествователю надобно здесь смотреть на вещи глазами тогдашнего общества; я, таким образом, подчинил всего себя былому; и потому сочинение мое вышло не романом, а хроникой в драматическом изложении. Не забаву праздного воображения имел я в виду, обдумывая свое сочинение. Кроме всего того, что читатель увидит в нем без объяснения, я желал выставить во всей выразительности олицетворенной истории причины политического ничтожества Малороссии, и каждому колеблющемуся уму доказать, не диссертациею, а художественным воспроизведением забытой и искаженной в наших понятиях старины, нравственную необходимость слияния в одно государство южного русского племени с северным. С другой стороны мне хотелось доказать, что не ничтожный народ присоединился в половине XVII века к московскому царству. Он большею частью состоял из характеров самостоятельных, гордых сознанием своего человеческого достоинства; он, в своих нравах и понятиях, хранил и хранит до сих пор начала высшей гражданственности; он придал России множество новых, энергетических деятелей, которых влияние не мало способствовало развитию государственной силы Русского народа; он, наконец, пришел в единоплеменную и единовенную ему Россию с языком, богатым собственно ему принадлежащими достоинствами, которые в будущем, своенародном образовании литературы должны

усовершенствовать орган русского чувства и русской мысли, – этот великий орган, по степени развития которого ценятся историей народы.

П. Кулиш. Об отношении малороссийской словесности к общерусской. Эпилог к „Черной Раде” // Русская Беседа. – 1857. – № 7. – С. 123-145.

М. Максимович

Критические замечания относящиеся к истории Малороссии

Об историческом романе г. Кулиша „Чёрная Рада”, 1857 г.
(Письмо к Г.П. Галагану.)

С большим удовольствием прочёл я „Чёрную Раду” г. Кулиша, в обоих её видах : в Малороссийском подлиннике и в Русском переводе. Первый из них особенно приятен показался мне, как новый и значительный подарок нашей собственно Малороссийской литературы XIX века, весьма ещё убогой сочинениями прозаическими. Но «Эпилог», приложений к Русскому переводу «Чёрной Рады», произвёл на меня впечатление тем более грустное, что, под его влиянием, я должен смотреть уже с другой точки зрения и на самый роман. На первой же странице «Эпилога» я остановлен был следующими словами автора о Малороссийском подлиннике «Чёрной Рады»: «Вообразят, пожалуй, что я пишу под влиянием узкого местного патриотизма, и что мною управляет желание образовать отдельную словесность, в ущерб словесности Общерусской». – Кому же из читателей может вообразиться такая блажь? Темь менее могло это вообразиться, что г. Кулиш и для словесности Общерусской перевел или вновь написал свой роман на языке Русском, и тем достаточно вознаградил себя за жертву, принесённую им словесности Малороссийской. Но он продолжает так: «Для меня были бы крайне обидны подобные обвинения, и потому я решился предупредить их объяснением причины, заставивших меня избрать язык Южнорусский для художественного воссоздания летописных наших преданий».

Читая этот предупредительный «Эпилог», я заметил, что г. Кулиш новому роману своему придаёт слишком высокое значение и важность, умоляя между тем достоинство повестей нашего великого художника Гоголя, относящихся к жизни Малороссии. Он говорит например: «Судя строго, Малороссийские повести Гоголя мало заключают этнографической и исторической истины... Гоголь не в состоянии был исследовать родное племя. Он брался за историю, за исторический роман в Вальтер-Скоттовском вкусе, и кончил всё это «Тарасом Бульбою», в котором обнаружил крайнюю недостаточность сведений о Малороссийской старене и необыкновенный дар пророчества в прошедшем...» Далее, он называет «Тараса Бульбу», – эффектным, потешающим воображение, но мало объясняющим народную

жизнь. Наконец – в своей статье, напечатанной в Русском Вестнике (1857 г. № 24), г. Кулиш называет Гоголя «незнавшим демократической Малороссии», изображавшим её «как барин», видящий одно смешное в мужике...»

При этом мне вспомнилось время первого появления повестей Гоголя: в каком восторге был от них М.С. Щепкин, так хорошо знающий Малороссию демократическую и аристократическую! И как посмеялись мы тогда над отзывом Московского Телеграфа о «Вечерах» Гоголя! Вот что писал мне из Петербурга, от 9 Ноября 1831 года, О.М. Сомов (писавший Малороссийские повести и стихи, под именем Порфирия Байского): «Кстати, прилагаю при сём давно вами желаемую песню о Богдане Хмельницком. Да читали ль вы Украинский Альманах? Там есть несколько Малороссийский песен. Я познакомил бы вас, хотя заочно, если вы желаете того, с одним очень интересным земляком-пасечником Паньком Рудым, издавшим Вечера на хуторе, т. е., Гоголем-Яновским, которому... Полевой решился сказать: «вы, сударь, Москаль, да ещё и горожанин», пр. и пр. и пр. Не правда ли, что Полевой совершенно оправдал басню Крылова: Осёл и Соловей?.. У Гоголя есть много Малороссийских песен, побасёнок, сказок и пр. и пр., коих я ещё ни от кого не слыхивал и он не откажется поступиться песнями доброму своему земляку... Он человек с отличными дарованиями и знает Малороссию, как пять пальцев».

Что Гоголь очень достаточно знал историю Малороссии, язык и песни народа, и всю народную жизнь её, и понимал их глубже и вернее многих новейших писателей Малороссийских, то известно мне положительно и достоверно, как по прежним его занятиям, особенно 1834 и 1835 г., так и по его беседам со мною 1849 и 1850 г. Но свойство его поэтического гения было уже такого, что действительную жизнь он своевольно пересоздавал и преображал в новое бытие, художественно-образцовое; и в этом отношении наш другой великий художник, Пушкин, по свойству своего гения, в поэме «Полтава», был покорнее исторической действительности, чем Гоголь в своём «Тарасе Бульбе».

Г. Кулиш, в «Эпилог», слишком строго судит о Гоголе, и очень снисходительное оказывает внимание к своей историко-романтической деятельности. Он говорит, например, что «Тарас Бульба» далеко не удовлетворяет относительно исторической и художественной истины, и называет его «эффектным, потешающим воображение»; а о своём романе он говорит вот что: «Я – подчинил всего себя былому, и потому сочинение моё вышло не романом, а хроникою в драматическом изложении. Не забаву праздного воображения – имел я в виду, обдумывая своё сочинение. Кроме всего того, что читатель увит в нём без объяснения, я желал выставить во всей выразительности олицетворённой истории причины политического ничтожества Малороссии, и каждому колеблющемуся уму доказать, не диссертацией, а художественным воспроизведением забытой и искажённой в наших понятиях старины, нравственную необходимость слияния в одно государство Южного Русского племени с Северным...» и т.д.

Такая наставительная для колеблющихся умов цель роман, конечно, похвальна. Но в чьих же понятиях искажена старина 1663 года, и кем она забыта? Из всех историй и летописей Малороссии она известна нам в её полином, неискажённом виде. И что же нового исторического прибавил романист к тому, что мы уже знаем о 1663 годе, из известнейших летописей и историй Малороссии? А между тем – сколько исторических подробностей представил он несогласно с преданием летописей! Или он не «подчинил всего себя былому», – подобно великому Гоголю; или же – у него «крайняя недостаточность сведений о Малороссийской старине» 1663 года, но только – без «дара пророчества в прошедшем»! А что касается до вышеупомянутой дидактической цели романиста, то для её достижения ближе всего, кажется мне, было бы ему взять происшествия из века Екатерины II, когда, преобразованием Малороссии, совершилось именно слияние Южной и Северной Руси в одно государство. Или же можно было представить олицетворённую историю из времён Богдана Хмельницкого, например, хоть бы Переяславскую раду 1654 г., на которой решена, была окончательно историческая и нравственная необходимость присоединения целой Малороссии к державе Русской. Но время Чёрной рады было в самый развал казацкой междоусобицы, загоревшейся по смерти Богдана и подрывавшей в корень великое его дело; было временем того внутреннего, самопроизвольного раздвоения Малороссии, которое вскоре привело и к государственной необходимости раздвоения Малороссии между Россией и Польшей, узаконенного по Андрусовскому договору 1667 года (а потом и вторично, по договору Прутскому 1711 г.). Доказывать необходимость слияния в одно государство, когда шло историческое дело о раздвоении между двумя государствами, модно разве доказательством от противного, и уже, конечно, скорее диссертацией, чем олицетворённой историей Чёрной рады!

Что г. Кулиш иногда слишком произвольно обходится с историческим фактом, то я заметил ещё в начале его «Записок о жизни Гоголя». Там, вместо Андрея Гоголя, – которого и дед поэта, Аонасий Иванович, признавал своим дедом, – биограф назначает в родоначальники поэту – Заднепровского гетмана Евстафия Гоголя, и заставляет этого героя Казацкой Украины воевать Турков, на защиту Вены! Откуда биограф Гоголя почерпнул эту небылицу? Там, под знаменами Собеского, 1683 года, подвизались казацкие витязи: Палий, Самусь, Искра; а Евстафий Гоголь тогда лежал в гробу Он не пережил рокового разорения Турками столицы Богдановой – Чигирина, и скончался в Димере 1679 года, 5 Января, а погребён в Межигорском монастыре 9 Января. Подобное своеволие над историческими лицами встречается часто у г. Кулиша и в его «Чёрной раде». Приведу несколько примеров, относящихся к замечательным лицам того времени.

1. Романист назначает генерального писаря Михаила Вуяхевича действовать на Чёрной раде – приверженцем пришлеца Брюховецкого и тайным предателем благородного, заслуженного Сомка. Как же можно было

назначать такую низкую роль – лицу, почтенному в Малороссийской истории! Вуяхевич был на стороне Сомка: и потому на место его в генеральные писари поставлен был тогда Степан Гречаненко. Уже спустя лет двадцать после Чёрной рады, Вуяхевич является опять в войсковой старшине – судьёю генеральным (на место Саввы Прокоповича). В этом звании, 1689 г. он оставался в Малороссии за наказного гетмана; а в следующем 1690 году, когда он пробыл в Печерскую лавру, как депутат, на избрание нового архимандрита (на место Варлаама Ясинского), тогда Печерская братия нарекла единогласно себе в архимандриты – его, генерального судью, украшенного благочестием и сединой.

2. Знаменитый Поголоцкий полковник, Иван Попович, – в романе г. Кулиша, – приходит в Киев из Паволочи, по Белегородской дороге; потом идёт под Нежин, и там участвует в Чёрной раде, держа сторону Сомка против Брюховецкого. Но по сказанию летописей, Погоцкий полковник не был на Чёрной раде; а во всё время оной подвизался храбро на Заднепровской Украины, против её томителей, напрасно ожидая себе помочи из Киева от Сомка, а потом от Брюховецкого, к которому были и посланы от него. Таким образом, одно из главных действующих и лучших лиц романа введено в него несогласно с историческою истиною. Романист произвольно переименовал его Старым Шрамом, придав ему ещё фамилию Чепурного, как имя реестровое. Но по «Книге Реестров», писанной в Октябре 1649 года, он записан в Белоцерковском полку (к которому тогда причислена, была Паволочь в качестве сотенного города) – под именем Ивана Поповича. Звался он и Попенком, как видно из Польского летописца В. Коховскаго. Романист даёт ему в жёны Туркению, не имея на то никакого основания. При торжественном въезде Богдана в Киев, 1649 года, романист помещает Поповича об руку с гетманом; но Иван Попович в ту пору был ещё малым человеком; полковником Паволоцким стал он, спустя несколько лет (на место Ивана Куцевича-Минковского); и тогда уже поминается он в летописании, именно: 1657 года, в том казацком походе на Поляков, который наряжен был от Богдана, под начальством генерального судьи Антона Ждановича (или так называемого Адамовича). После того похода, в наставшее гетманство Выговского, Попович сложил с себя полковничество и стал священником. По словам романиста, он вторично стал Паволоцким полковником – по смерти своего преемника. Но это то же выдумка. Преемник Поповича, знаменитый Иван Богун, не умирал тогда, а продолжал подвизаться в звании генерального есаула; а под исход 1663 года был он наказным гетманом Заднепровской Украины, и в этом звании давал универсалы тамошним монастырям. Доблестный Попович тогда был уже казнён Заднепровским гетманом Тетерею, подобно тому, как не Восточной Украине пал жертвою Брюховецкого достопамятный Сомко, вместе с четырьмя Украинскими полковниками.

3. Неженского полковника Васюту (Василия Золотаренка) романист рисует стариком. А на самом деле, этот младший брат Ивана Золотаренка, принадлежит к числу молодых полковников Богданова времени, и в 1663

году совсем не был он – старым дедом!

4. Между тем, наказной гетман Яким Сомко, представлен в романе – холостяком, женихом вымышленной Леси (Александры) Череваневны. На этом основано в романе много картин и сцен, и весь характер пани Череваневой. Но всё это разлетается –

Как прелестный призрак сна

при двух строках церковного старинного помянника: «Род Ирины Якимовой Сомковой гетмановой». Такое поминание можете видеть на 400 листе Синодика Межигорского, сохранившегося в Киево-Софийской библиотеке. И так в действительности – Яким Сомко в 1663 году был женат на Ирине, и не мог быть женихом Леси, не мог получить в Киеве благословение на брак с нею – от знаменитого попа-полковника.

5. Брюховецкий, успевший лестью, дерзостью и подарками, достигнуть гетманства, при посредстве запорожцев и дозволенной для него Чёрной рады, лучше всех исторических лиц понят и воссоздан романистом. Особенно удачную сценой в романе я признаю ту, где старые Сечевики, так усердно помогавшие возвышению своего Брюховецкого, увидав себя обманутым от него, плюют с негодованием на пришельца. Но и в его изображении, романист не обошёлся без произвольных прикрас, которых не стоял Брюховецкий. Таково, например, поручение ему от Богдана Хмельницкого достать у Барабаша (6-го Декабря 1647 года) ту королевскую грамоту, с которой началось освобождение Малороссии от Польши. Таковы же и названия ему «единственного друга», из уст Богдана, и наказ Богдана сыну Юрию, чтобы он держался «Иванцовых советов». Тут романист, очевидно, смешал своего героя с Иваном Ковалевским, генеральным есаулом, бывшим при Богдане неотлучно, в последний год его жизни.

6. В числе полков, передавшихся на сторону Брюховецкого, романист именуется Зеньковский полк, с полковником Грицком, говоря притом, что на стороне Сомка остались только полки Лубенский и Гадяцкий. Но Зеньковский и Гадяцкий полк один и тот же, только под двумя именами; на ту пору ему присвоено было имя Зеньковского; а полковником его был не Грицко, а Василь, по фамилии Шимань.

Из приведённых примеров, можно уже видеть достаточно, что романист не «всего себя подчинил быломu», – что главнейшие исторические лица являются у него частенько не в своём виде, и что его олицетворённая история не редко обращается в маскарад.

Я очень знаю, что романист и не обязан такую строгою покорностью к изображаемой им действительности, как историк. Но если уже г. Кулиш вполне воспользовался этою свободой, за чем же говорит он, что в Гоголевском дивном создании – мало художественной и исторической истины; а я, де – всего себя подчинил быломu! И роман мой – не роман, а олицетворённая история, хроника!...

Подобное самообольщение высказалось в «Эпilogе» и относительно

усовершенствования истории Малороссии в два последних десятилетия. Г. Кулиш даёт такой вид, будто его занятия Малороссийской стариной началась новая эпоха для Малороссийской истории; и он, вместо действительного её усовершенствования, предлагает свои собственные успехи в ней. Во время Гоголя – говорит – «не было возможности знать Малороссию больше, нежели он знал. Мало того: не возникло даже и задачи изучить её с тех сторон, с каких мы, преемники Гоголя в самопознании, стремимся уяснить себе её прошедшую и настоящую жизнь». «Наступил момент исторической разробки, до которого далеко ещё было автору «Тараса Бульбы», – как это всего лучше доказывает современная этому произведению статья Пушкина о Кониском (в Современника 1836 года), в которой нет и намёка на его недостатки со стороны фактической верности».

Какое же тут соотношение – между умолчанием Пушкина об ошибках Кониского и – историческою разработкою, до которой далеко было Гоголю! Пушкин, в общем, разбор тогда изданных сочинений Кониского, обратил особенное внимание своё на его «Историю Руссов», тогда ещё не изданную. Как великий художник, он оценил «Историю Руссов» с художественной стороны, справедливо назвав Кониского «великим живописцем». В том и было дело Пушкина; а в мелочные заметки об ошибках фактических неуместно было и входить ему, хотя бы он и знал об них. Но они и тогда были заметны для специалистов. Ведь за два года ещё перед тем, в «Запорожской Старине», г. Срезневский, выписывая разные сомнительные сказания из «Истории Руссов», назвал их – «Повестями Кониского!» Вот кому первому, Срезневскому, принадлежит та честь, которую г. Кулиш сугубо воздаёт г. Соловьёву, говоря, что «его заслуга, как критика летописи Кониского, велика, хотя сих пор не оценена Малороссиянами» – и восклицая: «с Кониского снята священная мантия историка!» Но ведь так же велика заслуга и г. Клеванова, который в одно время с Соловьёвым (1849 г.), в «Москвитянине», разбирая Кониского, также невоздержно теребя «священную мантию историка»!

История Кониского, написанная в 60-тых годах прошлого столетия, при недостатке достоверных материалов, и при избытке строительной силы ума, есть только набросок столь желанной для нас, художественной истории Малороссийского народа, проникнутый весь духом жизни, про обозначающий предмет свой верно только в общих очертаниях его и лиш в немногих подробностях. В большей части подробностей подлежит он дальнейшей отделке и переработке. Некоторые, впрочем, подробности этого наброска истории донныне не потеряли своей цены, и нынешний историк не обойдётся без них, – как это видно из новых сочинений г. Костомарова, тоже вдавшегося в излишнюю неблагосклонность к Конискому. Маркевич, как поэт-историк, пленяясь художественно-жизненною стороною Историй Кониского, сделал последний опыт придержаться некоторых явных его ошибок. Но ведь то было ещё 1840 года. А теперь – слишком уже безвременно ратовать так горячо против очевидных ошибок в «История Руссов»! Ведь после неё составлено было богатое фактами «Летописное

Повествование» Ригельман (1786 года); а в нынешнем столетии составлена ещё более богатая фактами «История» Бантыш-Каменского. Вот в этих двух склепах Малороссийской старины – пусть перебирают и разбирают исторические факты, в которых тут всё дело, а духом жизни не повеет! Вот тут настоящее место для критического трупоразъятия, в нынешнее время!

История Малороссии, после важного для неё труда Бантыш-Каменского (изданного 1822, и после 1830 года), значительно обогатилась и подвинулась вперед, в два последних десятилетиях, разнообразными трудами Бодянского, Домбровского, Зубрицкого (во Львове), Иванишева, Костомарова, Маркевича, Самчевского, Судьенка и других. К именам этих Малороссиян прибавляются имена соплеменников наших, Амвросия и Михаила Грабовских, графа Пршездецкого и других. А г. Кулиш, в своём «Эпиплоге», оный знаменитый момент исторической разработки (до которой далеко было Гоголю!), изображает так: «Открыта мною и издана профессором Бодянским летопись Самовидца, не имеющая ничего себе равного между Малороссийскими летописями. Новый взгляд на историю Казацкой Малороссии начал проявляться в печатных и рукописных сочинениях. Недоверчивость к собственным источникам, возбуждённая больше всего упомянутой летописью, заставила нас обратиться к источникам Польским. Живые отношения знатоков родных преданий с беспристрастными Польскими учёными, и преимущественно с покойным графом Свидзинским и Михаилом Грабовским, утвердили в Южнорусских писателях здравые понятия об исторических явлениях на Украине обеих сторон Днепра».

Для г. Кулиша узнание «Летописи Самовидца» (сколько помню, в 1843 году), конечно, было важным открытием. Но для других любителей Малороссийской старины, и в Киеве и в Харькове, это летопись была давно известна. Так и у меня, ещё 1835 года, был старый список её – от митрополита Евгения; а потом был у меня другой, мне принадлежащий список. Притом, ещё в 1785 году, почти всю эту летопись знаменитый инженер Ригельман внёс в своё «Летописное Повествование», из которого черпали Бантыш-Каменский и не могла, произвести в историческом мире того впечатления и движения, какое произвела она на г. Кулиша, будучи для него – новостью. Иное дело летопись Величко: её приобретение Большаковым для Погодина – было действительно открытием и важным приобретением для Малороссийской истории; ибо до того времени ни один Малороссийский историк не знал этой, столь важной летописи. Из известных людей, знал её в прошлом столетии депутат Полетика. У него была и копия Величковой летописи, которая лежала, тоже в неизвестности, до нынешнего десятилетия, до приобретения её г. Судьенком у наследников Полетики.

Мы готовы благодарить г. Кулиша, что он доставил профессору Бодянскому сделанный им список летописи Самовидца, доведённый, впрочем, только до половины; но ещё более мы благодарим г. Бодянскому, что он напечатал эту летопись вполне (в Чтениях 1846 г.), получив другие списки её, от Юзефовича и Костомарова, и имея сверх того старинный

Великорусский перевод её, с важными пополнениями, принадлежащий с 1824 года Московскому Обществу Истории и Древностей Российских.

Что касается до обращения Южнорусских писателей к источникам Польским, то оно было постоянно в продолжение трёх последних веков, и особенно в XVII веке, когда на Стрыйковского, Бельского, Кремера, ссылались как на Нестора (довольно взглянуть на маргинезы Киевского Синописа и Летописи Пустынской!. В прошлом столетии первый Малороссийский летописатель, Григорий Грабянка, много заимствовал в свою Летопись (1710), из лучшего Польского историка Веснасиана Каховского, как и сам о том упоминает. Потом Самойло Величко, в своей Летописи (1720), много заимствовал из поэмы Твардовского «Война Домова», как это означал он и на заглавном листе. Эту Польскую поэму у нас перевёл вкратце, 1718 года, Малороссийским наречием – Стефан Савицкий, Лубенский полковой писарь. В нынешнем столетии и Бантыш-Каменский и Маркевич, как и все вообще исторические писатели, пользовались очень многими писаниями Польскими. Как много бо Польских источников под рукой митрополита Евгения, то видно из его достопамятной книги – „Описание Киево-Софийского Собора” (1825 г.).

А г. Кулиш говорит: „недоверчивость к собственным источникам, возбуждённая всего больше упомянутой летописью (т. е., Летописью Самовидца), заставил нас обратиться к источникам Польским”. Эти слова показывают ясно, что он здесь подразумевает себя, и определяет момент – своего обращения к Польским источникам. Живые отношения и личные беседы с теми двумя почтенными Польскими учеными, которых он назвал, не значат ещё утверждения в здравых понятиях об исторических влияниях Малороссии. Новый взгляд на историю Казацкой Малороссии не значит ещё верный взгляд, и бывает иногда хуже старого.

Какие же новые взгляды на историю Казацкой Малороссии, как же здравые понятия о ней, возникли из того „обращения”, из тех „Живих отношений”? Если те, которыми отличаются два первых тома «Записок о Южной Руси» г. Кулиша, то они никак не могут быть показателями усовершенствования и движения вперёд Малороссийской истории, и вовсе не дают г. Кулишу права на представительство в её кругу; скорее, они могут быть признаны за уклонение от прямого пути к исторической истине. Несостоятельность тех исторических взглядов и понятий я уже показал и доказал от части, в трёх письмах к г. Кулишу и в письмах к Грабовскому, напечатанных в «Русской Беседе» прошлого года (кн. I и VI). Г. Кулиш прогневался на меня за мои письма, чего я вовсе не мог ожидать от биографа Гоголя, сказавшего: «мы приёмники Гоголя в самопознании!». Но я не отложу начатого мною дела: подвергнуть исторической критике все важнейшие Малороссийские летописи, и новейшие сочинения, относящиеся к истории Малороссии. Независимо от личных отношений и самолюбий, отделяя от них истину историческую, и поставляя её собственно предметом моих критических замечаний, я говорю о ней с такою же откровенностью гг. Погдину и Грабовскому, как и гг. Скальковскому, Самчевскому,

Кулишу, Белозерскому, по старой пословице: *Amicus Aristotle's? Amicus Plato, sed magis amica veritas.*

Но вот ещё одно рассуждение в «Эпilogе», которое не могут обойти молчанием, в письме к вам. Г. Кулиш говорит, что «ни один из Малороссийских поэтов – в том числе даже и Гоголь – не был удовлетворён своими сочинениями на языке Северорусском. У каждого из них всегда оставалось на душе томительное сознание, что он не исполнил своего назначения принести пользу ближнему, и действительно не принёс её в той мере, в какой родное слово приносит пользу родному сердцу».

Отсюда следует заключить, кажется, что и Гоголю, для достижения его стремления принести пользу ближнему, надобно было писать по-Малороссийски, но примеру Котляровского и Гулака-Артемовского, – и, тем более что г. Кулиш о появлении Гоголя на поприще литературном говорит так: «Из глубины степей Полтавских является на Севере писатель, с поверхностным школьным образованием, с неправильной речью, с уклонениями от общепринятых законов литературного языка, явно происходящими от недостаточного знакомства с ним, является, и поклонники изящного, отчётливого, гармонического Пушкина заслушались последней речью его»... А между тем сам же г. Кулиш говорит далее вот что: «Многие из Малороссиян сожалеют, что он не писал на родном языке; но я нахожу это обстоятельство одной из счастливейших случайностей. По своему воспитанию и по времени, с которым совпало его детство, он не мог владеть Малороссийским языком в такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждом шагу в своём творчестве, за недостатком форм и красок. Каков бы ни был его талант, но, при этом условии, он имел бы слабое влияние на своих соплеменников, а на Великорусское общество никакого».

Как же это так? Гоголь, «которого поэтическое дарование взлелеяно звуками Малороссийских песен», – который, по словам г. Кулиша, «получил первое побуждение к изображению Малороссийской жизни в повестях – от своего отца, автора и актёра нескольких драматических пьес на Малороссийском языке»: не мог владеть Малороссийским языком в такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждом шагу в своём творчестве! Но если он, начав писать на Русском языке – при «недостаточном знакомстве с ним, речью неправильной» – лет через пять стал первостепенным Русским писателем и величайшим мастером Русского языка, то – в каком бы совершенстве и красоте явился, в его творчестве, родной ему язык Малороссийский!... Г. Кулиш потому разве решился сказать так о Гоголе, что не знал его лично. Но мне, как и всем Малороссиянам, знавшим Гоголя близко, несомненно, известно, что он свое родное Украинское наречие знал основательно и владел им совершенстве. В иной час, когда бывало, заговорит он по-Украински, представляя какое-нибудь оригинальное, типическое лицо, то – заслушаешься его, как иногда заслушались мы поющего Шевченка – этой художественной природы, так богато выражающей себя в живописи, стихотворстве, а всего сильнее и краше – в пении Украинских народных песнях... Я говорю вам мое личное мнение и впечатление. Но вспомню

теперь Украинскую речь. В устах нашего достопамятного степовика Гоголя, я могу сказать о ней словами Украинской же песни:

Ой, як заговорить –
Як у дзвони дзвонить;
А як засміється –
Дунай розіллється.

Гоголь не писал на родном наречии своём потому только, что не хотел, – потому только, что он последовал путём общепринятым: писать языком Великороссийским или собственно так называемым Русским, о водворении которого между Малороссийскими, по образцам Ломоносовским, так много заботился достопамятный Кониский, будучи префектом и ректором Киевской Академии в благодатный век Елизаветы, – и на котором, в след за тем, так хорошо писал Завадовский, Безбородко и другие питомцы Академии Киевской. А если бы Гоголь решился писать родным наречием свои Малороссийские повести, тогда – что были бы перед ними и «Присказки» Гребёнки, и «Чёрная Рада» Кулиша, и даже повести Основьяненка, которого «Малороссия (по уверению г. Кулиша) ставить на ряду с величайшими живописцами нравов и страстей человеческих, каковы Вальтер Скотт, Диккенс и наш Гоголь!»...

Да, если бы Гоголь, в 1829 году ещё колебавшийся в выборе для себя поприща – быть или не быть ему Русским писателем, – если бы он решился тогда писать по-Малоросски: наша современная Малороссийская литература была бы ни то, чем остаётся она доныне, на широком поле словесности Общерусской...

Тогда, вероятно, и г Кулиш, под коней своего «Эпилога», не написал бы следующий замечательной страницы:

«Пишущий эти строки, предприняв верное изображение старинного казачества в «Чёрной Раде», на пользу своим ближним, напрасно усиливался заменить Южнорусскую речь языком литературным, общепринятым в России. Перечитывая написанные главы, я чувствовал, что читатели не получают из моей книги верного понятия о том, как отразилось бывшее в моей душе, а потому не воспримут вполне и моих исторических и христианских убеждений. Волею и неволею, я должен был оставить общий литературный путь и сделал поворот на дорогу, едва проложенную, и для такого произведения, как исторический роман, представляющую множество ужасающих трудностей. Я был приведен к ней томительным чувством художника и человека, напрасно борющегося с невозможностью выразить свои душевные речи. Не скрою, что этот поворот стоил мне великих усилий и жертвований. Я должен был отказаться от удовольствия быть читаемым теми из писателей Великорусских, которых судом я дорожу, и которых дружба возбуждала во мне живейшее желание доставить им чтение серьёзное и удовлетворённое. Я должен был ограничиться небольшим кругом читателей, ибо немногие из земляков моих в настоящие время

способны оценить мои труды по предмету разработки Южнорусского языка и возведения его в достоинство исторического повествования. Я должен выдержать порицания людей, которые всё то считают пустяками, чего не знают, но которые своим авторитетом имеют влияние на умы неопытные и неутвердившиеся. И, при всём том, я напечатал свою книгу на языке Южнорусском. Я долго изучал его в письменных памятниках старины, в народных песнях и преданиях и в повседневных отношениях с людьми, незнающими никакого другого языка, и раскрывавшихся передо мною его красоты, его гармония, сила, богатство и разнообразие дали мне возможность исполнить задачу, которой до сих пор не смел задать себе ни один Малороссиянин, имен – написать на одном языке исторический роман, во всей строгости форм, свойственных этого рода произведениям».

Не хочу и дотрагиваться до этой авторской исповеди г. Кулиша. Что одному и кажется и даётся – легко, то другому и представляется и достаётся – как ужасающая трудность. Труды г. Кулиша Малороссийская литература обязана первым историческим романом, за что и да будет ему навсегда подобающая честь в истории Малороссийской литературы!

М. Максимович

Москва.

1838 г. Январь 12.

М. Максимович. Во историческом романе г. Кулиша „Черная Рада,” 1857 г. // Русская Беседа. – 1858. – № 1. – С. 13-27.

П. Кулиш

Обзор украинской словесности.

Гоголь, как автор повестей из украинской жизни.

Статья первая.

Когда г. Артемовский-Гулак умолкнул, как-бы сознав несостоятельность украинского слова, вопрос о нашей словесности был, казалось, решен окончательно. Пара крошечных сборников народных песен украинских, изданных в 1819 и 1827 годах, одна пародия, две театральные пьесы да несколько небольших стихотворений представлялись чем-то в роде надгробных памятников нашей народности, к которым только изредка обращали взоры живые люди. Российская словесность, усиленная и облагороженная Пушкиным, вступила во все права своего господства на Украине обеих сторон Днепра, на Волыни, на Подоли, в Черноморьи, Новороссии и везде, где есть Украинцы. Судьбе угодно было, чтобы в этот период нашего литературного бессилия из среды нас, Украинцев, явился писатель с первостепенным талантом, но с словом не-украинским. Он

убедительнее всех доказал своими повестями тогдашнему обществу, что для изображения Украины нет надобности в украинском слове. Заняв почетное место в великорусской литературе, он сделался единственным представителем нашего народного духа, склада ума, юмора, вкуса и чего угодно. Господство его в области понятий об Украине продолжалось и тогда, когда появились в печати истинно украинские писатели, Квитка и Шевченко; оно ощутительно еще и в наше время, когда у многих уже совершенно изменились исторические и этнографические воззрения на эту страну. Вот почему, проходя критикой постепенное развитие украинской идеи в литературных ее проявлениях, мы делаем и украинские повести Гоголя предметом своего исследования.

В эпилоге к Черной Раде я уж представил небольшой опыт подобного исследования: я набросал в общих чертах характеристику Гоголя, как живописца прошедшей и настоящей жизни украинской и, между прочим, указал на некоторые погрешности Вечеров на Хуторе и Миргорода против истории и народного быта нашего. Это было дело смелое после рецензий Белинского и других великорусских критиков, признавших повести Гоголя верным отражением украинской прошедшей и настоящей жизни. Русская Беседа, веровавшая во многое с детским простодушием, решилась отстоять Гоголя и дала у себя место очень странной статье М.А. Максимовича, который с первого слова объявил, что будто бы я „умалюю достоинства повестей Гоголя из желания возвысить этим значение Черной Рады” в глазах читающего общества. По мнению г. Максимовича, личные виды могли заставить покривить искренним судом о Гоголе даже и того, кто употребил столько трудов на собиранье материалов для биографии Гоголя, кто дважды составил опыт его биографии, кто, из опасения бросить какую-либо тень на память высоко ценимого им поэта, пересветлил местами его нравственный образ и подвергся за то справедливому порицанию со стороны других биографов, кто еще недавно издал, со всевозможно кропотливой поверкой по рукописям Сочинения и Письма этого поэта, и вменяет себе в особенную честь такое дело, радуясь, что холодная рука издателя спекулянта не прикоснулась к бумагам его земляка, умершего вдали от родины.

Если бы сказать, что биограф и издатель Гоголя, в начале своего дела, не имел никаких литературных претензий, но что потом, написав Черную Раду, возгордился мнимыми преимуществами своими в изучении и понимании украинской жизни и истории; то это придавало бы еще обвинению г. Максимовича какую-нибудь последовательность. Но Черная Рада могла быть напечатана уже в 1846 году, если б это от меня зависело. Ссылаюсь на людей известных в литературе, Н.И. Костомарова и Т.Г. Шевченка, которые уже тогда читали ее в рукописи, на украинском языке. Следовательно, собирая по листочку материалы для биографии Гоголя, заводя об этом переписку с разными лицами, в том числе и с самим г. Максимовичем, разъезжая по этому делу в разные места и лепя в книгу всякую мелочь, относящуюся к Гоголю, с благоговением к его невозвратному существованию, — я был тем же автором Черной Рады, что и ныне, и

преклонился пред его высоким талантом точно так же, как и теперь преклоняюсь. В изданных мною Записках о жизни Гоголя я не подвергал его сочинений критическому разбору, во исполнение завещания его, чтобы не спешить ни хвалой, ни осуждением его произведений. Если же, начертывая, в эпилоге к Черной Раде, историческое развитие южнорусской словесности, я упомянул о некоторых недостатках украинских повестей Гоголя, то это вовсе не значит, что я умышленно понижал их достоинства. Известно каждому, что полного совершенства достигают поэты в период полной своей зрелости. Гоголю было 23 года, когда он писал Тараса Бульбу. Тогда он еще был автором произведений, которые составляют его истинную славу, и не напрасно сохранилось предание, что Пушкин, заинтересованный в начале чтением Тараса Бульбы, стал потом обнаруживать неудовольствие и наконец начал говорить автору-чтецу: „Дурно! Дурно! Никуда не годится!” Само собою разумеется, что негодившееся никуда для такого великого поэта и строго судьи искусства, как Пушкин, безразлично восхитительно для такого критика, как г. Максимович. Он называет Тараса Бульбу „дивным созданием,” не видя в нем вовсе недостатков, которые, по преданию, очень ясно видел Пушкин. Мало ли кто чему удивляется! Но не мерою нашего удивления определяется достоинство поэтических созданий. Иной дивится всему в великом писателе, потому только, что это великий писатель; а другой гораздо более дивится, что есть на свете грамотные люди, которые нападают на критика за то, что он обратил внимание ценителей искусства на погрешности писателя, к которому уважение засвидетельствовал целыми годами специального труда своего.

Очень понятно для меня, что заметки, подобные моим указаниям на недостатки Гоголя, как автора украинских повестей, могли бы более или менее вредить литературной репутации какого-нибудь автора средней руки. Но ведь Гоголь богач, для которого ничего не значит – заплатить дань критике. Лучшие из его украинских повестей, как бы мы ни понизили их уровень, все таки могут быть понижены только в отношении к последовавшим за ними его произведениям; в сравнении же со всякими другими повестями, они до сих пор остаются, в своем роде, единственными.

Если бы я, внявъ замечаниям г. Максимовича, отказался от своего взгляда на украинские произведения Гоголя и признал их, как он, просто дивными, тогда бы я должен был признать, что великому писателю совершенство дается сразу. Напротив, в жизни такого таланта, как Гоголь, каждые пять лет – а пожалуй и менее – составляют новый период развития. Только люди с посредственными способностями, поднявшись до известной высоты умственного развития в эпоху своей зрелости, не идут далее, а под старость, пожалуй, тупеют и становятся ниже самих себя. Ничего нет мудреного, что кто-нибудь, четверть столетия назад, чувствовал живее и смекал кое-что лучше, нежели в 1858 году; но было бы очень странно, если бы Гоголь был столь же дивен в Тарасе Бульбе, в как и в Мертвых Душах.

Я полагаю, что г. Максимович написал свою критику против меня не по каким-нибудь побуждениям в роде тех, которые предполагает он во мне.

Я должен думать, что он писал ее искренно и прямодушно. Поэтому я прочел ее очень внимательно и, не смотря на то, что ее ревностный к истине автор присвоил себе право хозяйничать даже в моей душе, вижу из нее, что представленная мною характеристика Гоголя коснулась предмета слишком поверхностно, что, будучи очень сжата, она возбуждает вопросы, не давая на них ответов, и что, как ни ясна она для автора, имеющего специальные сведения о предмете, – в глазах читателей она, может быть, не более, как собрание афоризмов. Эти мысли приводят меня к заключению, что не следует мне останавливаться на том, что высказано мною в эпилоге к Черной Раде, а следует взяться за критическую работу вновь и внести в нее возможную полноту изложения, которая бы сама собой разрешила недоумения, могущие опять возникнуть в уме читателей.

Прежде всего, я нахожу нужным из моего эпилога к Черной Раде, всю характеристику Гоголя. Прошу читателей, при чтении моей критики, постоянно иметь в виду высказанный в этой характеристике мой взгляд на нашего великого поэта.

„...Гоголь от своего отца, автора и актера нескольких драматических пьес на украинском языке, получил первое побуждение к изображению украинской жизни в повестях. Круг людей, в который он попал по своим житейским обстоятельствам, и влияние окружавших его личностей указали ему формы речи, в которых его создания могли быть доступны обществу: он начал писать по-великорусски. Многие из Украинцев сожалеют, что он не писал на родном языке; но я нахожу это обстоятельство одною из счастливейших случайностей. По своему воспитанию и по времени, с которым совпало его детство, он не мог владеть украинским языком в такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждом шагу в своем творчестве, за недостатком форм и красок. Каков бы ни был его талант, но, при этом условии, он имел бы слабое влияние на своих соплеменников, а на великорусское общество – никакого. Но, заговорив об Украине на языке, общедоступном для обеих народов, он, с одной стороны, показал своим землякам, что у них есть и было прекрасного, а с другой – открыл для Великороссиян своеобразный и поэтический народ, известный им дотолы в литературе только по карикатурам. Судя строго, украинские повести Гоголя мало заключают в себе этнографической и исторической истины, но в них чувствуется общий поэтический тон Украины. Они подходят ближе к нашим народным песням, нежели к самой натуре, которую отражают в себе эти песни. Нельзя сказать, чтобы произведения Гоголя объяснили Украину, но они дали новое, сильное побуждение к ее объяснению. Гоголь не в состоянии был исследовать до конца родной народ в его прошедшем и настоящем. Он брался за историю Украины, за исторический роман в Вальтер-Скоттовском вкусе, и кончил все это Тарасом Бульбою, в котором обнаружил крайнюю недостаточность сведений об украинской старине и необыкновенный дар „пророчества в прошедшем”. Перечитывая теперь Тараса Бульбу, мы очень часто находим автора в потемках; но где только песня, летопись или предание бросают ему искру света, – с необыкновенной

зоркостью пользуется он слабым ее мерцанием, чтоб распознать соседние предметы. И при всем том Тарас Бульба только поражает знатока случайной верностью красок и блеском жидущей фантазии, но далеко не удовлетворяет относительно исторической и художественной истины. Здесь опять многие из украинцев сожалеют, что Гоголь не продолжал изучать Украины и не посвятил себя художественному воспроизведению ее прошедшего и настоящего; и опять я в его стремлении к великорусским элементам жизни вижу счастливейший инстинкт гения. В его время не было возможности знать Украину больше, нежели он знал. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее с тех сторон, с каких мы, преемники Гоголя в самопознании, стремимся уяснить себе ее прошедшую и настоящую жизнь. Но если предположить, что Гоголь вдался бы в разработку украинских архивов и летописей, в собирание песен и преданий, в разъезды по Украине, с целью видеть собственными глазами жизнь настоящую, по которой можно заключить о прошедшей, – наконец, в изучение политических и частных международных связей Польши, России и Украины; то приготовление к художественному труду поглотили бы всю его деятельность, и, может быть, мы ничего бы от него не дождались. Напротив, обратясь к современной великорусской жизни, ондохнул свободнее: материалы у него были всегда под рукой, и только сознание недостаточности собственного саморазвития останавливало его творчество. Все таки он оставил нам памятник своего таланта в нескольких повестях, комедиях и, наконец, в Мертвых Душах, этой великой попытке произвести нечто колоссальное. Приверженцы развития украинских начал в литературе ничего в нем не потеряли, а все Русские вообще выиграла. Да разве мало украинского вошло в Мертвые Души? Сами Москвичи признают, что, не будь Гоголь Украинцем, он не произвел бы ничего подобного. Но создание Мертвых Душ, или, лучше сказать, стремление к созданию (выраженное Гоголем в Авторской Исповеди и во множестве писем), имеет другое, высшее значение. Гоголь, уроженец Полтавской губернии, которая была поприщем последнего усилия известной партии Украинцев (приверженцев Мазепы) разорвать государственную связь с народом Великорусским, поэт воспитанный украинскими народными песнями, пламенный до заблуждения барде казацкой старины, возвышается над исключительною привязанностью к родине и загорается такой пламенной любовью к нераздельному Русскому народу, какой только может желать от Украинца уроженец северной России. Может быть, это – самое великое дело Гоголя, по своим последствиям, и, может быть, в этом-то душевном подвиге более, нежели в чем-либо, оправдывается зародившееся в нем еще с детства предчувствие, что он сделает что-то для общего добра. Со времен Гоголя, взгляд Великорусов на натуру Украинца переменился: почували в этой натуре способности ума и сердца необыкновенные, поразительные; увидели, что народ, посреди которого явился такой человек, живет сильною жизнью и, может быть, предзначается судьбою к восполнению духовной натуры северно-русского человека. Поселив это убеждение в русском обществе, Гоголь совершил подвиг, более

патриотический, нежели те люди, которые славят в своих книгах одну северную Русь и чуждаются южной. С другой стороны, Украинцы, призванные им к сознанию своей национальности, им же самим устремлены к любовной связи ее с национальностью северно-русской, которой величие он почувствовал всей глубиной души своей и заставил нас так же почувствовать. Назначение Гоголя было – внести начало глубокого и всеобщего сочувствия между двух народов, связанных материально и духовно, но разрозненных старыми недоразумениями и недостатком взаимной оценки”.

Вот они, несчастные страницы моего эпилога к Черной Раде, которые неумышленно огорчили г. Максимовича и подали ему повод к психологическим догадкам на счет сокровенных моих побуждений! Развернем теперь первый том Сочинений и Писем Гоголя.

С самого появления в свет Вечеров на Хуторе, а потом и Миргорода, много было в журналах толков об украинских повестях Гоголя. Некоторые из критических разборов написаны были людьми, весьма опытными в законах искусства, и утвердили в русской эстетике, по этому поводу, несколько новых понятий о художественности изображения людей и природы. Но, как видно, никто из журнальных судей Гоголя не был приготовлен к этнографическому разбору украинских повестей его, а пожалуй – не настала еще для критики пора, в которую от художественного произведения требуется безусловная верность относительно нравов и обычаев изображаемого народа. Например, в первой повести Вечеров на Хуторе, все увлеклись блестящим началом и не обратили внимания на механизм повести, противоречащий глубоко, до религиозности вкорененному у украинских поселян обычаю выхода в замужество...

Гоголь начинает свою повесть Сорочинская ярмарка, словами: „Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой, неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землей, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих!” и т. д.

Все это правда, если смотреть на украинскую природу сквозь природу отсутствующего из родины двадцатилетнего поэта, который не навыв еще строго взвешивать значение и силу каждой фразы, а между тем у него в теле

Младая кровь играет

И грезятся ему во-сне и на-яву, как изображенному им в последствии казаку-семинаристу, сладострастные, хоть и опоэтизированные, образы.

Этими словами я вовсе не хочу „умалить” цену молодому творчеству автора Вечеров на Хуторе. Я хочу только показать степень его физической температуры, которая должна была более, чем в последствии, иметь влияние на неокрещенную еще силу его творчества. Кому угодно посмотреть с этой стороны на Сорочинскую Ярмарку, тот увидит ясно, отчего она так жарко и в

таком преувеличенном блеске начата Гоголем; тот без улыбки прочтет, на первых ее страницах и про „влюбленную землю” и про „золото”, которое „прыщит” при сильном ветре на живописных массах листьев, и про „изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых,” и про „сладострастие и негу” украинского лета; тот почувствует душою, что первые страницы первой повести поэтических Вечеров на Хуторе суть не что иное, как радужное облако юных грез, окружавшее голову поэта при начале его литературной деятельности и препятствовавшее ему видеть природу тем „прозревшим сквозь всякий туман” взглядом великого писателя, каким он впоследствии видел ее при создании Мертвых Душ.

Развернув первый том сочинений Гоголя на начале Сорочинской Ярмарки, мы коснулись только самой манеры Гоголя изображать украинскую природу и показали фантазмагорическое преувеличение этой манеры. Это, однако ж, вовсе не значит, что мы низводим Гоголя, даже и в самых первых его повестях, до уровня посредственности. В непомерной яркости красок, в искренности контуров, в недоконченности исполнения пейзажа видна уже и там более или менее самостоятельная манера писать с натуры. Перечитывая Вечера на Хуторе, мы имеем право повторять отзыв о них самого Гоголя, в предисловии к изданию 1842 года: „Много незрелого, много необдуманного, много детски несовершенного!” но при этом никогда не должны терять из виду его же постепенной „зрелости” в последовавших сочинениях, его многосторонней „обдуманности”, его достойного мужеских лет „совершенства”. Только тогда чтение его сочинений, в хронологическом порядке, будет для нас художественным курсом критики; безразличным же восхищением ничего не выиграем, ничему не научимся. Мы, пожалуй, повторили бы даже с Гоголем: „Это первоначальные ученические опыты, недостойные строгого внимания читателя”. Но такой строгости, с какою великий и „взыскательный художник” оценивает свои произведения, мы, в качестве судей между ним и обществом, не должны позволять себе; и если автор Мертвых Душ включил Сорочинскую Ярмарку и другие подобные ей повести в собрание своих сочинений, изданное им 1842 года, то какое право имеет критика исключать их из предметов своего строгого внимания?

Сделаю кстати замечание о живописи и скульптуре, имеющее свою параллель и в поэзии. Когда пишется молодым художником картина, или когда молодой скульптор отсекает из мрамора статую, – как бы ни был велик природный его гений, он должен иметь много технической опытности, чтобы, как выражаются художники, докончить изящное произведение. Смелость сочинения, гармония всех частей, красота в почувствовании художественной идеи, облеченной в цвета или в мрамор, – все это дается всякому таланту в пластических искусствах гораздо ранее, нежели то, что на языке художников выражается словом доконченность. Написать бойкую вещь могут многие; докончить свою картину или статую могут только художники вполне образовавшиеся. Поэтому-то, когда подходит к картине профач и предается очень понятному удивлению, его озадачивает иногда отзыв знатока: „Жаль, что не докончил!” и он, забрав кой-какие справки о

судье, готов обвинить его очень неблагоприятно в „умалении” цены изящному произведению. Эта же самая dokonченность дает относительную ценность и художественным в литературе. В глазах знатока важно не одно то, что поэт задумал свое создание смело; для знатока мало и гармонии в частях; не удовлетворяет его вполне и красота в почувствовании всей идеи создания. Все это необходимые условия изящного произведения; но надобно, чтобы это произведение в каждой мелкой своей черте носило печать той же творческой силы, что и в самых крупных своих массах, другими словами – чтобы оно было dokonчено. В глазах знатока, поэтому, небольшая картинка, исполненная *com amoge* великим мастером, стоит выше большой картины самого гениального, но еще не созревшего ученика. Как ни широка рама Тараса Бульбы, как ни живы в ней местами краски, как на могущественна кисть живописца, создавшего натуру даже и там, где она существовать не могла в таком виде; но его скромная повесть Шинель, написанная в сером тоне, далеко превосходит эту повесть-поэму и поэму-повесть, а в сущности ни то, ни другое.

Что я говорю здесь о dokonченности вообще, то еще сильнее чувствуется, при чтении Гоголя, относительно стороны местной и этнографической в особенности. Акакия Акакиевича со всею его обстановкою Гоголь видел, поэтическим своим зрением, среди белого дня; Тараса Бульбу он отыскивал – и с трудом отыскал – в исторических потемках, и сколько он ни озарял эти потемки песенными и летописными преданиями старины, все таки многие стороны жизни, вызванной им из прошедшего, остались для него и для строгого критика очень неясны, а иные совершенно покрыты мраком, как это мы увидим после, когда осветим Тараса Бульбу новыми сведениями и понятиями историческими. Теперь мы все еще, пока что, имеем перед собой Сорочинскую Ярмарку и заходим вперед единствен по понятному нами правилу – измерять достоинство повестей Гоголя его же собственными, постепенно совершенствовавшимися произведениями. Но, как уже мы сблизили между собой две разнородные повести Гоголя, одну из настоящего, другую из прошедшего времени и высказали мнение о том, что помогало ему в воссоздании одной сферы и что препятствовало ему в ясновидении другой; то кстати привести из Авторской Исповеди собственное объяснение автора, согласное с нашим взглядом. „У меня не было влечения к прошедшему”, говорит он. „Предмет мой была современность и жизнь в ее нынешнем быту, – может быть, оттого, что ум мой был всегда наклонен к сущности и пользе, более осязательной. Чем далее, тем более усиливалось во мне желание быть писателем современным”. Далее: „Нужно, чтобы русский читатель действительно почувствовал, что выведенное лицо взято именно из того самого тела, из которого создан и он сам, что это живое и как-бы его собственное тело... Это полное воплощение в плот, это полное округленье характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу в уме своем весь этот прозаический существенный дрязг жизни, когда, держа в голове все крупные черты характера, соберу в то же время вокруг него все тряпье, до малейшей

бумажки, которое кружится ежедневно вокруг человека, словом – когда соображу все от мала до велика, ничего не пропустивши. У меня в этом отношении ум тот самый, какой бывает у большей части русских людей, то есть способный больше выводить, чем выдумывать. Мне всегда нужно было выслушать слишком много людей, чтобы образовалось во мне собственное мое мнение, и тогда только мое мнение находили здравым и умным. Когда же я не всех выслушаю и потороплюсь выводом, оно выходило только резко и необыкновенно”.

Эти последние слова как нельзя больше идут в характеристику Тараса Бульбы. Гоголь далеко не всех выслушал, кого надобно было выслушать ему (т.е. изучить) для того, чтобы казак времен Острияницы вполне воплотился у него в плоть, чтобы дух того века, нравы и обычаи того времени олицетворились в такой безукоризненности, как чиновники и вся их прозаическая обстановка в повести о шинели. Но возвратимся к Сорочинской Ярмарке и бросим этнографо-критический взгляд на завязку и развязку этой повести. Тут мы укажем на слишком крупный недостаток относительно знания простонародной Украины, изображенной Гоголем в этой, как и в нескольких других повестях. Мелких же промахов или неверностей мы исчислять не намерены, ибо повесть – не статистика, и учесть всего, что в ней есть и чего нет, невозможно; а если бы и было возможно, то ни к чему не послужило бы.

Сорочинская Ярмарка начинается встречей на мосту удалого парубка с сельской красавицей, которая ехала на ярмарку, вместе со своей мачехой, на возу, наваленном мешками, пенькою, полотном и разную домашнюю поклажею. Воз был запряжен парой волов. За возом шел сам хозяин, а рядом с ним – назначенная в продажу и привязанная к возу старая кобыла. Из описания воза и наряда путешественниц можно видеть, что на ярмарку выехало семейство богатое. Все это нам нужно взять во внимание для того, чтобы потом представить дело во всей ясности. Девушка, ехавшая на возу, очень приглянулась парубку, которому имя – и под пером автора, и в устах познакомившегося потом с ним отца красавицы – Голопупенков сын или Голопупенко. Автор мог давать своим действующим лицам какие угодно смешные имена, но народ наш, в соседских сношениях между собой, соблюдает, на свой лад, ту же учтивость, что и мы, грешные, отвернувшиеся в сторону от его жизни. Неудобно ли заглянуть в повести Квитки (Основьяненка). Там вы увидите не ту простонародную Украину, которая, мимо ведома Гоголя, высовывается вовсе не по-украински в украинских повестях его. Но мы увлеклись мелочью. последуем за новыми знакомыми и решим, Украинцы ли это, по их разговорам и обычаям?

„Ну, Солопий, вот, как видишь, я и дочка твоя полюбили друг друга так, что хоть бы и на веки жить вместе”.

Это влюбленный молодой человек относится к отцу своей возлюбленной. Сколько мы знаем наш народ, таким тоном мог бы обратиться к Солопию только близкий к нему сверстник, присватываясь за своего сына, да и тот выбрал бы для этого иное время и иное место, а не площадь, на

которой происходит ярмарочная шумная возня и толкотня, да и тот назвал бы его не Солопием, а по имени и пожалуй – еще и по отчеству. Если бы к самому последнему из простолюдинов обратился парубок таким образом с сватовством, то и тот обиделся бы неучтивостью, понятною для мужика, так же как и для каждого из нас. Но Солопий, при всей карикатурности данного ему имени, был не последний из своей братии, как это видно уже по одному тому, что он одной пшеницы вывез на ярмарку десять мешков. В Украине заможность (зажиточность) хозяина соответствует понятию о его трезвости, трудолюбии и вообще, что называется, порядочности: украинский пахарь не имеет никаких безгрешных доходов, подобно иным сословиям, и если что приобретает, то не иначе, как трудом и хозяйственностью. От этого и происходит у него известная степень гордости своим достатком, так как достаток есть его документ на звание достойного человека. От этого же он держит себя в каком-то неприкосновенном величии относительно и к равным, а не только к младшим. Но Гоголь, при сочинении первой повести Вечеров на Хуторе, не знал поселянина близко. Он видел его только с помещичьего крыльца, или из коляски. Он не сиживал с ним рядом; он не бывал его обычным гостем; он не носил на его свадьбах какого-нибудь почетного звания, он даже не умел отличить свадебного термина дружко от слова дружка, что читатель и увидит из примечания, сделанного мною, как издателем его сочинений. Словом, Гоголь не знал простонародной Украины и изображал ее, как барин, видящий в мужике одно смешное. Но обратимся к новым знакомым на ярмарке, знавшим дотолле друг друга только по слуху.

Когда парубок зарекомендовал себя столь приятно для будущего тестя – предложением себя в зятевья. Солопий ни мало не обиделся, нужды нет, что был в трезвом виде, что был занят делом и что была тогда самая рабочая пора, в которую у пахарей нет и помину о сватовстве, а пожалуй еще и Спасивка (Спасов пост), ибо на странице 12 сказано: „Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа”. (А первая половина августа жарче второй). Если бы парубок-хлибороб и задумал приволокнуться в это время за сельской красавицей, то все таки не тем способом, какой представлен у Гоголя. Занят публично девушку из чужого села по-Гоголевски ни один, что называется, хозяйский сын не осмелится и не захочет. Не осмелится потому, „что стыдно людей” и страшно парубков одного с нею села, которые очень ревнивы к неприкосновенности своих девчат вообще, а не то, что только невест или возлюбленных, и, как известно, приколачивают до смерти на вечерницах непрошенных гостей из другого села. Не захочет потому, что парубок честного и хорошего роду, каким по всему надобно предположит Гоголева парубка, очень осторожен и разборчив в выборе себе подруги. Надобно, чтоб было так, как, говорит в песне казак, которого дивчина, ласка, назвала стелющимся зелененьким барвинком:

Ой слався я, дивчинонько, по твоему городу, –
Не тобі лиш сподобався, всему твому роду.

Точно то же надобно разуметь и относительно к девушке. Есть песня:

Пийшов би я на улоньку, – головка боить:
Сватав бы я дивчиноньку, – так Рид не велить.

Видите, как народ крепко держится своих обычаев! Это святыня, охраняющая его от нравственной порчи. Но Гоголь народных обычаев не знал в той мере, в какой это требуется современною критикою от автора украинских повестей из народной жизни. Поэтому он и не мог оскорбиться в душе за представленного им Украинца Солопия, а, напротив, заставил его отвечать на предложение Голопупенкового сына, обращаясь со смехом к дочери, вот что: „Что ж, Параска? Может, и в самом деле, чтобы уже, как говорят, вместе и того... чтоб и паслись на одной траве? Что, по рукам? А ну ка, новобранный зять, давай могогарычу!”

„И все трое очутились в известной ярмарочной ресторации – под яткою у Жидовки”, и проч.

Оно, может быть, и смешно, только не для тех, кто знает простонародную Украину и не видит в мужике столько смешного, сколько видел Гоголь. Да и каждый, кому угодно сойти ниже крыльца помещичьего дома, или, очутясь среди народа, выйти из коляски и поселить в не к себе дружелюбие, увидет, что приволакивают к девчатам, по указанному Гоголем способу, на ярмарках солдаты, судовые паничи, а пожалуй и заезжие из столиц Хлестаковы. Зато ж о них и не думают так, как подумала Параска среди ярмарки: „Может быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого”, а просто кричать: „Геть к нечистому!” или: „Тю, навиженный чи е в тебе сором мирський?” И если у оскорбленной девушки есть отец или брат, то он не будет говорить так, как Гоголев Солопий: „Эге, Ге, Ге, земляк! Да ты мастер, как вижу, обниматься! А я на четвертый только день после свадьбы выучился обнимать свою Феську, да и то спасибо куму: бывши дружкою (т.е. дружком: дружка у нас – девушка), уже надомил”.

Кто в этих непристойных словах узнает Украинца-отца, которого совершеннейший тип представил Квитка в отце непорочной Маруси, а Шевченко в отце падшей Катерины? Вспомни каждый, кто пролил слезу из сочувствия к высоким душевным движениям Квиткина пахаря, отеческие речи Наума Дрота. Вспомни каждый, кто знает цену таланту Шевченка, его мрачно-торжественные стихи:

Сидит батько кінець стола,
На руки схилився.
Не дивиться на світ Божий,
Тяжко зажурився!

И потом этот приговор отца опозорившейся его дочери, последний приговор, в котором слышится вся глубина отцовской любви и вместе вся убивающая, клонящая к земле тяжесть позора:

Нехай тебе Бог прощає
Та добрії люди!
Молись Богу та йди собі! –
Мені легше буде.

Ведь обе личности в сочинениях наших народных писателей принадлежат к тому же классу, Обе эти личности того же воспитания, того же образа жизни, что и Солопий Гоголя, а, между тем, какая разница в воззрении на предмет! Гоголь был такой же, как и они, талант, но он воспитался в иной среде, жил в ином кругу, был повествователь иной эпохи – и заплатил дань своему сословию, своему кругу товарищей по ремеслу, своему времени.

Но где же наш Украинец, изуродованный Гоголем так простодушно, так беззаботно, так залюбки, как часто случалось делать и другим господам с подвластными им Украинцами? Мы находим его с будущим зятем и дочкою в подвижном кабаке у Жидовки. За горожанку-прачку нам бы не было стыдно; но за сельскую непорочную красавицу, в свежих, как сама она, цветах, нам стыдно и даже больно! А гоголю и нужды было мало. Насмотревшись на испорченное лакейство да на столичную рыночную чернь, он спокойно заставил свою сельскую чету публично обниматься среди народа, а потом затащил ее, как непотребных людей, в кабак. Но пускай он отвечает за себя собственноручными показаниями:

– „Что ж это за красная свитка?”

„Тут у нашего внимательного слушателя (Солопия) волосы поднялись дыбом.” (Так-то легко и испугать, среди бела дня и в толпе народа, рассказом о черте и его красной свитке, человека, у которого в памяти есть пословица: Не такой черт страшный, як его малюют). „Со страхом оборотился он назад и увидел, что дочка его и парубок спокойно стояли, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки”.

Тут-то он от ужаса перешел к так называемому малороссийскому юмору и, что называется, ляпнув такие слова о себе и о своей жене, каких ни у кого не поворотился язык сказать при дочери. Мужик наш сказал бы на это: „Может, у панов так и водится, но у нас – крий Боже!” Подобные вещи можно слышать только от пьяниц в кабаках, куда все-таки и пьяницы не ходят с дочерями, а разве с жинкою, да и то в таком горьком случае, какой представлен в одном из лучших печатных произведений Шевченка, которое оканчивается так:

Умовк кобзар, сумуючи:
Щось руки не грають...
Кругом хлопці та дівчата
Слізеньки втирають.
Пійшов кобзар по улиці,
З журби як заграє!
Кругом хлопці навприсядки,
А він примовляє:
„Нехай буде оттакечки:

Сидить, діти, у запічку,
А я в журбі та до шинку,
А там найду мою жінку,
Найду жінку, почастую,
З воріженьків покепкую!”

Низведя величавого и поэтического своего земляка до уровня с петербургскими фризовыми шинелями, Гоголь рисует в прежнем тоне и сцену в кабаке, да еще у Жидовки. Чувства украинских поселян к Евреям известны. Оправдывать их, или опровергать здесь не место; но объявляю не обвиняясь, что поселянин сорочинских окрестностей сказал бы: „Се все одно, що запивати сватання у чорта в пекли!”

Вот, вам еще раз – уровень защищаемого г. Максимовичем Гоголева знания простонародной Украины во время сочинения украинских повестей. Он конечно более или менее знал ее, сколько мог знать в то время панич, несходивший ниже помещичьего крыльца, сколько мог знать пенсионер Нежинской Гимназии Высших Наук, сколько мог знать столичный чиновник и институтский преподаватель истории географии, – не более.

Сцена в кабаке у Жидовки написана дивно, как сказал бы иной критик.

„Эх, хватить! За это люблю!” говорил Черевик, немного подгулявши и видя, как нареченный зять его налил кружку величиною с полкварти и, ни мало не поморщившись, выпил до дна, хватив потом ее в дребезги. „Что скажешь, Параска? Какого жениха я тебе достал! Смотри, смотри, как он молодецки тянет пенную!”

Для наблюдающих простонародную жизнь с помещичьего крыльца я должен здесь заметить, что зажиточный поселянин, мозольным трудом содержащий свое семейство, ни коим образом не может восхищаться пьяным, рекрутским молодецеством будущего своего зятя. Народные песни, тысячами доходящих до сердца голосов, жалуются на мужей, предающихся пороку пьянства. Народные пословицы определяют слишком выразительно, как смотрят родители на участь своих дочерей, которых мужья оказались пьяницами. Народный повседневный толк может удостоверить каждого, что в ужас пришел бы отец, сделав открытие, что будущий зять его – опытный пьяница, и ему представилась бы та самая перспектива, какую увидела пред собой, в народной песне, беспомощная вдова, которой кабачный повеса (нетяга, неработающий и неимущий) сделал предложение с иронической откровенностью пьяного человека:

Ой зажурилась бідная вдова:
„Як мені жити, як горювати!
Як своїх діточок прогодувати!”
Ой обізветься козак-нетяга:
„Ой не журися, бідная вдово!
Я ж тебе люблю, за себе візьму:
Я твою худобоньку попропиваю,
Я твоїх діточок порозганяю,
Я твою карі очі попідбиваю!”

Гоголь слишком мало имел и мог иметь под рукой источников, из которых мог бы почерпнуть живые понятия об Украине. Каждому, надеюсь, ясно, как он удален был от непосредственного изучения народа, и „по своим житейским обстоятельствам, и по влиянию окружающих его личностей, и по своему воспитанию, и по самому времени, с которым совпало его детство” (слова моего эпилога). Оставались ему одни книги и рукописи; и в этом отношении он сделал столько, сколько возможно было сделать, при его таланте. Но много ли в то время было дельных книг об Украине? Если и теперь еще чувствуется недостаток в пособиях для народоизучения, то что же сказать об эпохе тридцать лет назад? Что могли доставить тогдашние книги Гоголю, желавшему знать Украину, но не знавшему ее в такой степени, чтобы своими повестями не профанировать своего народа и собственного великого таланта? Он исчерпал все, и из всего читанного и слышанного создал какой-то необыкновенный, причудливый мир, который критика в праве поставить очень, очень низко, в сравнении с его петербургскими повестями и другими позднейшими его произведениями. Например, сцена в кабаке на ярмарке. Ведь это перифразированная речь карикатурного Зевеса, Котляревского, об Енее:

Чи бачиш, він який панище?
На світі трохи є таких:
Сивуху, так як брагу, хлище!
Я в парубках кохаюсь сих!

Что было хорошего в устах лигавшого с постаця Юпитера, относительно завзятийшого из всех бурлак Троянца, то вышло дико и оскорбительно для человеческого чувства в устах отца, честного, работающего пахаря, вверяющего свою дочь-красавицу хвату в попойке! Но Гоголь не виноват, что в его время никто не смотрел на мужика так, как он сам на себя смотрит, если и наше время московский журнал возстает против нового воззрения на Вечера и Миргород.

Последуем далее за повестью, в качестве этнографа, желающего видеть в произведении словесности верный образ своего народа.

Натянувшись порядочно сивухи вместе с будущим зятем, в присутствии дочери, – Солопий отправился к жене, „посмеиваясь и покачиваясь”.

„Ну, жинка, а я нашел жениха дочке”, сказал он.

Если б Гоголь знал простонародную Украину, то он в язвительную речь Хиври вложил бы факты, выражающие быт народный. Она бы отвечала мужу, что добрых людей женихи сами ищут, а только такой безпутный человек, как он, Солопий, не знает, как следует вести себя отцу. Но Хивря смотрела на дело по-гоголевски, точно как будто и в украинском простонародьи существует унижительная для достойных родителей ловля женихов. Хивря отвечает своему Солопию языком московской купчихи: „Вот, как раз до того теперь, чтобы женихов отыскивать!... Ты подумал бы

лучше, как пшеницу с рук сбить”, и проч.

Если бы Солопий выразился у Гоголя предъ женой в духе народного быта, то есть: „Ну, жинко, находится жених нашей дочери!” то и тогда язвительный язык супруги-Украинки залепетал бы иные речи. Она сказала бы: „Хорош должен быть жених, который не чрез старостов, а сам лезет в глаза, да еще среди ярмарки! Думаю, оборванныйший из всех голодранцев: отцовские сыновья думают теперь об уборке хлеба! Отцовские дети теперь чумакуют! Добрые люди ожидают Святой Покровы для сватовства! А это видно какой-нибудь пьяница и бродяга, который, по твоей милости, срамит нас ярмарочным сватовством своим!”

Вот мотивы, которые должен был иметь в виду Гоголь, изображая озлившуюся украинскую бабу! У него же она, сколько ни употребляет украинских побранок, в-перемену с такими анти-украинскими бранными терминами, как сорванец, но никак не может выбиться из типа театральной великорусской мещанки. Скажу более: она даже и в роли с поповичем вовсе не украинская поселянка. Послушайте, что пишет новейший наблюдатель украинских нравов, объездивший все наши ярмарки, И.С. Аксаков, говоря о козаках, хуторянах и мещанах: „Женщины еще менее носят на себе отпечаток своего звания. Природная грация, вкус к изящному, художественный склад мысли, до нельзя доведенная утонченность в области чувства – равно присущи всем Малороссиянкам и заслоняют недостаток образования”.

Это говорит Москвич, это говорит северно-русский барин, сошедший, по духу века, ниже помещичьего крыльца, вышедший из коляски для того, чтобы вмешаться в инообычный и иноязычный ему народ и внушить этому народу дружелюбие к себе. В немногих словах его слышится уже непосредственное изучение простонародной Украины. У Гоголя, в его сцене между Хиврею и поповичем, этого излучения не слышится, потому что еще не наступило в нем требование со стороны общества, мало развитого в области этнографических сведений. Разверните Сорочинскую Ярмарку на 23-й странице и читайте влюбленные речи Украинки с природною грациею, со вкусом к изящному, с художественным складом мыслей и с доведенною до нельзя утонченностью в области чувства, заслоняющими недостаток образования:

„Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже борони, шеи?” говорит Хивря.

Сломить шею, говорится по-великорусски в смысле грубом, или в том, который выражается польским словом *rubasznie*. Скажет ли любящая великорусская женщина упавшему возлюбленному: „Не сломили ли вы шеи?” На украинском народном языке сломить шею выражается еще режче, грубее или рубашнее; именно: скрутить вязи, или звернуть вязи. В устах любящей женщины эти слова звучат дико, кто бы она ни была, хотя бы последняя из последних. Может быть, то и верно, что написал г. Гончаров о медвежьих нежностях великорусских дворовых людей в повести: Обыкновенная история; но в нашем украинском народе, даже и между

дворовую, панскою челядью можно услышать еще очень много человеческих речей. Любить у нас до сих пор умеют, и формы выражений, предназначенных только для одной особы, да еще в ночной тишине, как у Гоголя, до сих пор у нас полны местной поэзии. Но спрашиваю, что за поэзия в следующих словах влюбленной Хиври: „Пойдемте же теперь в хату; там никого нет. А я думала было уже, Афанасий Иванович, что к вам болячка или соняшница пристала: нет да и нет!”

Какой восхитительный первый миг свидания! Очень понятно, что типографские наборщики, как это мы знаем из письма Пушкина к Гоголю, „пырхали от смеху”, трудясь над Вечерами на Хуторе. Очень понятно и поздравление Пушкина с первым успехом, сделанное молодому, начинающему автору. Очень понятен также и общий восторг столичных земляков Гоголя, знавших Украину не больше его самого и смотревших на простолюдина с тех же помещичьих и чиновничьих подмосток, что и сам автор.

Другие времена, времена

Комическое паясничанье теперь уже ничего не значит в литературе. Теперь от писателя сцен из народного быта требуется такой внутренней связи автора с народом, которая на каждом шагу видна в произведениях Квитки и Шевченка.

Я думаю, многие согласятся, что Гоголь смотрел на простонародную Украину, представленную им в Вечерах на Хуторе, не по-украински, то есть, он ее не знал, и что изображал он своих земляков по-городски, то есть, он между сельским народом проживал не иначе, как в роли барина. Прошу после этого вспомнить приводимое г. Максимовичем, в упрек мне, суждение покойного Полевого, который, взглянув на нравы и обычаи, изображенные Гоголем, поглубже своего живого до сих пор хулителя, подумал очень основательно, что Гоголь „вовсе не Малороссиянин, а Москаль, да еще и горожанин”. Если понимать слова Полевого в буквальном смысле, то, разумеется, Полевой ошибся. Но если под именем автора-Малороссиянина разуместь знатока Малороссии, который не скажет ни одного этнографического факта в разлад с характером и бытом своего народа, то конечно Гоголь, по времени, с которым совпало его детство, по своему воспитанию, по окружавшим его людям, между которых поставили его житейские обстоятельства, по влиянию важных для него авторитетов и просто личностей, делающих невольное впечатление, наконец по образу жизни в Украине и в Петербурге, и по удалению из родины в периоде только что выпущенного из затвора школьника, – Гоголь, как живописец быта украинского, был больше Москаль и горожанин, нежели украинец, хорошо знающий жизнь изображаемого народа.

У нас в Украине до сих пор в ходу по хуторам веселье и говорливые вечера, которые желал, искренно желал изобразить Гоголь, да, к несчастью, краски приготовлены были для него в книгах и в его обществе совсем не местные; потому он и характеризовал великорусскою балалайкою вечерницы, а к Пасичнику Рудому Паньку назвал в гости карикатур.

Впрочем, может быть, в те времена где-нибудь на хуторе, близком к барской кухне, в самом деле водились вечерницы с балалайкою; а к такому Пасичнику, который пишет российские городские повести из украинской сельской жизни, езжали гости, дававшие друг-другу дулю (кукиш). Может быть, генеральная карикатура Гоголя вовсе и не карикатура в каком-нибудь уголке, занимаемом барским двором с передними и задними ходами. Если бы Гоголю дать все те этнографические познания, какие имел Квитка, если бы Гоголь проникнулся духом своего народа, так как Шевченко, то, при его необъятном таланте воссоздавать действительность, его Вечера на Хуторе были бы столь же неизменно-многоценным творением, как многие из его последовавших созданий, и Украинец какого-нибудь XXI столетия, прочитав у Гоголя о своих прототипах XIX века, сказал бы: „Да, это мои предки! Хоть они часто подходят под категорию существ, которых *natura prona atque ventri obediens* finxit, хоть они двигаются точно воли в ярме, хотя их неразвита свободою гражданственностью жизнь во многом расходится с моею; но тем не менее представленные великим поэтом их образы драгоценны для меня, как фамильные, верные с подлинниками, портреты варварского века”. Подобные этим слова произнесет, может быть, отдаленный потомок Великороссиянина о Мертвых Душах, но не могут быть они произнесены нашими потомками о простонародных украинских повестях Гоголя, – или уж пишущий эти строки и все, чем он их оправдывает, есть грубая ошибка, и XXI столетие будет смотреть на вещи теми же самими глазами, как и вторая четверть XIX-го, теми же самими глазами, какими мой почтенный критик до сих пор смотрит.

Если искусство состоит в том, чтобы заметить в народе самое пошлое, самое безобразное, самое грубое и отвратительное и выставить все это випукло и ярко на всенародные очи; то не для того надобно делать, чтобы необразованность и нравственный упадок наших меньших братьев сделать смешными в глазах тех людей, которые обязаны, с высоты своего положения, протянул руку помощи к людям пресмыкающимся где-то глубоко у них под ногами. Если высокое искусство не допускает со стороны автора каких бы то ни было объяснительных сцен или лиц, и предоставляет самому читателю, имущему возраст, уразуметь весь ужас картины, на которую он смеясь загляделся; то и тогда все таки надобно изображать происходящее пред глазами нашими действие таким образом, чтобы видно было, на какой почве оно происходит и чем обставлены действующие лица; надобно, чтобы поселянин, в своих пороках и невежестве был действительно поселянином, а не горожанином; чтобы Украинец действовал хоть и безумно, хоть и скотски, но все же под влиянием местных условий и всенародных его обычаев. Сватовство среди ярмарки для украинского парубка решительно невозможно; сватовство у пахарей в такое время, когда идет уборка хлеба и вообще горячая работа – просто небылица; сватовство в Спасов пост (ибо к такому времени пригнал Гоголь свою повесть) просто – черт знает что такое. Отсутствие стыда у украинской девушки, которую Гоголь заставил стоять обнявшись с чужим парубком среди ярмарки, для нас, „преемников Гоголя в

самопознании”, такое оскорбительное изображение, как если бы кто в нашем присутствии изобразил чистую и непорочную женщину в виде рыночной вакханки. Наконец, отзыв отца о публичных поцелуях, вlepленных его дочери кем-то среди многочисленного общества, должен быть возмутителен для каждого, кому понятны отеческие чувства. И такие произведения российская столичная критика своего времени назвала верною живописью украинской простонародной жизни! Такие произведения московский журнал до сих пор держит под своею охраною и упрекает критика в самохвальстве, потому только, что он не принадлежит к критикам, пишущим одни критики и ничего больше!

Упреки, сделанные мною искусству Гоголя-Украинца, были бы слишком тяжки и унижительно для всякого иного писателя с его недостатками; но Гоголю следовало сделать эти упреки, во славу его торжества над самим собою. Какая поразительная у него разница между изображением местных нравов и обычаев в Вечерах на Хуторе и в Мертвых Душах! Здесь он уже не новичок в искусстве, снисходительно похваленный Пушкиным, тоже не знавшим Украины, – здесь он полный, самостоятельный вeдатель той среды, которую изображает. „Умалая”, по словам критика Русской Беседы, достоинство украинских повестей Гоголя, мы вовсе не умалеем цены им, как созданиям, без которых не ясно было бы поступательное движение гения великого поэта. Гений, произведший Мертвые Душ, был тот же самый, который произвел и Вечера на Хуторе; но между ними та разница, что между зрением образованным и необразованным. Сила зрения одна и та же, но понимание и воспроизведение природы в картинке – совершенно иные. Человек, родившийся с истинным талантом, уже в детстве – гений; уже в детстве чудится ему какое-то высшее призвание; уже в детстве – это не один случай – лепечет он неточным детским языком о подвигах, которые он совершит когда то. Но гений, невооруженный наукою, знанием своего дела, опытностью – дело иное, и гений, созревший и выразивший себя вполне – опять дело совершенно иное. Поэтому, если уже отстаивать неприкосновенность достоинств Гоголева таланта, то следует разуметь под этими словами не непогрешительность Гоголя в искусстве, а гениальную работу его над искусством, освободившую его мало-помалу от прежних, слишком важных недостатков.

Основа. – 1861. – № 4. – С. 67-90.

П. Кулиш

Обзор украинской словесности

Гоголь, как автор повестей из украинской жизни

Статья вторая

Вся повесть Сорочинская Ярмарка основана на сватовстве. Выше сказано уже, что парубок честного и хорошего роду (а, по моему

объяснению, это одно и то же, что зажиточный жених), каким представлен Гоголев фат в попойке, не решится приволокнуться слишком явно за девушкой, увидя ее впервые отроду, как бы она ни была хороша собой. Гоголь, не заня простонародной Украины, живописал ее нравы и обычаи по образцам антинародным, которые составляют предмет насмешек в простонародных беседах. Если угодно, я приведу здесь очень характеристический случай. В одном из украинских городов, делающих скачки из XVII в XIX век, не имея на то никаких разумных прав, дан был лакейский бал. Некто, отличающийся большою наблюдательностью, отпустил на бал своего слугу, только что поступившего в высшее сословие из сословия пахарей. Возвратясь домой, слуга, на вопрос своего господина: что происходило на балу? Отвечал следующими словами: Танчили крутька и таке неподобне робили, як и настоящи паны. У дивчат – груды голи, а сзаду – вибачайте в сим слови – як пич, и все те, мабуть, фальшиво надутю!

Видите какая бездна разделяет пахаря от пана и лакея, которые служили Гоголю прототипами в изображении простонародной Украины? Не правда ли, что смешна речь слуги-пахаря?... Но мы вовсе смеемся не тем смехом, каким смеялся Гоголь, когда живописал известного рода ночные свидания простонародья, когда изображал сватовство влюбленного парубка и когда – помните это? – заставил украинского рыцаря, полковника XVII века, биться на кулаках с возвратившимся из бурсы сыном. Но об этом речь будет с своим месте. Мы смеемся тому, что образ жизни панов назван здесь неподобным. Смешно и вместе поразительно верно: даже и подобия нет между людьми, брошенными на произвол судьбы с XVII века, и между теми, которые ускакали на московской тройке в XIX век! Подобие между ними находил только незнавший простонародной Украины Гоголь, вместе с своїми близорукими книжниками-ценителями. Мы смеемся тому, что дивчата горничные подражают здесь господам своїм, которые таким точно образом подражали некогда иноземным женщинам, притупивши тонкое целомудрие. Но сквозь этот смех виден нам чистый, бедностью и отчуждением сохраненный от псевдо-просвещения, образ женской грации, которую эстетические Греки прозвали стыдливою и которая стыдлива до сих пор в украинском простонародьи. Нам смешна в устах пахаря-слуги злейшая карикатура, от которой не отказался бы и Гоголь в Мертвых Душах. Мы хохочем над комическим простодушием необразованного мужичины, лишенного „утонченного вкуса”, а между тем не можем не отдать справедливости его простому, природному, вкусу. Такой многозначительный, заставляющий призадуматься, смех начал производить Гоголь, забрав в свой ум „все те бесчисленные мелочи и подробности, которые говорят, что взятое лицо действительно жило на свете” и „соображая все от мала до велика, ничего не пропустивши”. Но в Вечерах на Хуторе, по его собственному признанию, его „подталкивала молодость, во время которой не приходят на ум никакие вопросы” и которая для многих остается неизменным состоянием. Этих то многих, первые произведения Гоголя, которые так горячо отстаивал критик Русской Беседы, „заставили смеяться

так же беззаботно и безотчетно, как и самого автора”; по „других”, которым, вместе с приближающею старостью, даются и ее преимущества, „приводили в недоумение решить: как могли человеку умному приходить в голову такие глупости!” В самом деле, посмотрите: пахарь-слуга обнаружил гораздо больше условий украинского юмора, нежели великий писатель, неприготовленный к своему делу жизнью, – нежели гений, невооруженный наукою, знанием своего дела, опытностью.

Я делаю это сближение не для шутки. Слова парубка – слуги о фальшивых прелестях городских красавиц характеризуют вкус каждого парубка, а в том числе и Голопупенкова сына, как бы ни было смешно данное ему автором имя. Вообще наш поселянин ничего не любит фальшивого; чувство это лежит не только в основании его быта, но и в основании самой его природы, создающей и возсоздающей безпристанно этот быт, несмотря на все извращающие его обстоятельства. Он до того не любит называть вещи несоответствующими им именами, до того противна ему фальшивая оценка чего бы то ни было, что даже, взявшись за торговлю, он не запрашивает лишней цены своему товару. Но угодно ли прочесть у И.С. Аксакова, в его исследованиях украинских ярмарок, следующее место: „Другое существенное различие между великорусским и малороссийским купцом заключается в самом способе торговли... Малороссиянин почти никогда не торгуется, а держится, при продаже, одной определенной цены, которая, разумеется, условливается торговыми обстоятельствами, но большею частью назначается с честною умеренностью. Мы нарочно наблюдали простых Малороссиян и Великорусских торговцев на ярмарочных рынках. Что стоит вещь? Например, гусь? Спрашиваете вы. – „Тридцать шагов” (грошей), отвечает вам, сидя, Малороссиянин. – „Вот тебе гривенник” (5-ю коп. ср. дешевле), говорите вы, по русской привычке торговаться... „И то гроши (т.е. деньги), отвечает флегматически Малороссиянин, и отворачивается в сторону. Напротив того, великорусский торговец тотчас распознает своего покупателя, по платью, по речи, по приему, мигом смекнет, должно ли сделать ему „уважение”, т.е. уступить, или стянуть с него вдвое более настоящей цены” и проч.

После этого не трудно понять, как осторожен, как щекотлив должен быть наш простой пахарь, чумаки, или, выражаясь по-великорусски, вообще простой хохол, относительно фальши в товаре, который он продает. Если же он не любит продавать фальшивого, то судите, может ли он, без строгой разборчивости, приобретать фальшивое, а тем более, когда это приобретение называется: невеста! Парубок встретил девушку, о которой невольно воскликнул: „ай, да дивчина!” – этого еще слишком для него мало. Он знает, что в городах еще больше красавиц, нежели в селах; но, может быть, другие не знают, что ни на одной из них он не согласился бы жениться, несмотря ни на богатство, ни на что, – и это не от чего иного, как от одного опасения фальши. Заезжий корнет, продувной помещик, купчина, воздыхающий о капиталнице, могут, воскликнув: „ай, да девушка!” через час приступить к сватовству; но Голопупенков сын, как бы ни был смешен в глазах автора, об

этом и не подумает.

Может быть, не один из моих читателей слышал рассказы о вечерницах, – не о тех, которые совершаются под балалайку и которые автор Вечеров на Хуторе мог видеть на барской кухне, а о настоящих украинских вечерницах. Это – сходки молодых людей обоих полов, у одной из соседок; вовсе не в доме зажиточного Пасичника, к которому ездят в гости горожане, а непременно у какой-нибудь одинокой вдовы, у которой нет детей и в хате просторно. Собираются на вечерницы как-будто для работы, а в самом деле для того, чтобы, вдали от надзора женатых, наговориться и послушаться речей, которые не приходят на язык среди степенного люду, озабоченного детьми и хозяйством. Тут то душа у каждой девушки на распашку; тут то льются поэтические песни; тут то ее богатства сияют в живых речах, нестесненных предержавшею домашнею властью; тут то обнаруживается вся та природная грация, весь тот художественный склад мыслей, вся та, доведенная до нельзя, утонченность в области чувства, которые И.С. Аксаков, во время своих разъездов по Украине, находил, без различия сословий, в украинских женщинах. И вот где наши парубки-пахари выбирают себе невест, или – лучше сказать – возлюбленных. Это лучше сказать прибавлено мною потому, что наши парубки очень долго не женятся, очень долго живут одной близкой дружбой с коханою дивчиною, и наконец удостоверясь, „що вона любить вірно і що нема й на всему світі такої щирої душі”, решаются сделать так, чтоб их не разлучили ни отец, ни мать, ни чужая сторона, под которою разумеется разлука для чумацкого промысла и заработков, а прежде разумелись военные походы. Если же случится так, как поется в песне:

Полюбила козаченька, не спитала відки,

Или так, как случилось у Квитки между Василем и Марусею, или так, как случилось у Макаровского в его поэме „Наталя”:

Він ні мови, я ні слова, тіло затряслося, –
Сталось лихо, і на віки в серденько впилося;

Тогда парубок поступает таким образом, как поступал Василь, который подробно разведal о Марусе: кто она? Каков ее род? Каков ее отец? Какова ее мать? Каких она нравов? Каков ее обычай? И прочая, и прочая, и потом уже искал самого благовидного предлога, что называется, занять ее, да не так занять, чтоб тотчас влепить поцелуй среди народа, как у Гоголя, а с полным уважением к женщине, в которой он видел не что-нибудь клубничное, как выразился бы, может быть, Гоголь, а будущую жену свою. Или же так поступает в таком любовном казусе парубок, как у Макаровского поступил Опанас Левенец, не имеющий никакой надобности для своего прозвища в смешном сочетании таких слов, как пуп, пузо, репать и тому подобных, очень понравившихся у Гоголя любителям живописи народных нравов.

Он, в качестве чумака, проезжал через село, в котором жила вдова с

дочкой красавицей. Пригнавши к сельскому водопою поить своих волов, он встретил Наталю, которая ранним утром возвращалась от речки с полными ведрами. Чумак тоже был поражен красотой девушки, как и Гоголев Голопупенко; но, как он был сын честных родителей-пахарей, а не был взят с толкучего рынка и наряжен, для повести, в украинскую свитку, то и не вскричал: „ай да девушка!” по-солдатски. Он попросил позволения напиться из ведра, и только после этого пристально взглянул на красавицу. Тут то совершилось обоюдное очарование выраженное выше в двух стихах. Но Опанас не сказал ни слова красавице. Все, что он сделал, по внушению украинской народной влюбчивости, было – осведомление в селе (и то, без сомнения, очень деликатно), кто такая эта красавица? Воротясь домой и услышав, что отец и мать, в беседе с приятелями, высказали готовность принять, в свой богатый дом, даже самую бедную девушку,

Аби добрая й сорому боялась
Да Панасові душею й серцем сподобалась, –

Он начал помышлять о сватовстве. Но для него мало забранных мимоходом справок: он посылает на розвідни родственника, человека бывалого и расторопного, и, между прочим, говорит ему:

Роспитайся: дівка, кажуть, доня удовиці...

Прошу обратить внимание на подозрительность украинского искателя невесты. Одно уже то, что в семье нет отца, главы и блюстителя нравов, наводит его на сомнение; ибо дочь отцовская, или по нашему отецька дитина, было бы более надежной женой, была бы наименее фальшивым товаром в этого рода приобретении. Но, так как украинец ни в чем не держится бессмысленно одной формы, то Опанас говорит своему послу далее:

Хай і так. Як-же у серці віру й Бога має
І худбі за собою славоньки не знає,
То я викину, да й швидко, молодецьку штуку:
Дам їй серденько за серце, рученьку за руку!

Прошу позволения остановиться на этих стихах. В чем тут заключается молодецкая штука? В том, что зажиточный парубок должен жениться на зажиточной девушке, если следовать обычаю слепо; ибо, как я уже объяснял, зажиточность и достоинство поведения каждой семьи, в простом пахарском быту, неразлучны. У меня могут спросить: почему же дочь вдовы предполагается незажиточной? Отвечаю: дочь вдовы-дворянки, дочь вдовы-мещанки, дочь вдовы-горожанки, вообще – не должна, во мнении парубка – предполагаться незажиточной потому только, что у ней нет отца. Но Опанас и автор смотрят на вещи практическим взглядом человека, очень близко знающего условия пахарской сельской жизни. Здесь капиталов и текущих без труда доходов нет. Здесь труд награждается самою природою, и притом на

столько, на сколько нужно для известного времени, можно сказать – для одного сезона. Когда хозяин обеспечит свое существование до весны и когда у него есть рогатый скот для весенней запашки, то он считает себя и слывет во мнении других богатым. Он до такой степени удовлетворяется тем, что для него необходимо, что никакая плата за новый, необычный для него труд – для него вовсе не соблазнительна. Ему не нужно ничего собирать и копить впрок. Он, по евангельским словам, не печется об утри, ибо утрий сам о нем печется. Он знает, что после зимы настанет лето со всей своей благодатью, и спокойно есть свой домашний кусок хлеба, не помышляя о более лакомом.

Само собою разумеется, что я говорю о большинстве; ибо между пахарями есть люди очень запасливые, равно как есть и такие, которые спустят на ярмарках весь осенний сбор и, по народной пословице, кладут зуби на полицю до нового урожая, а попросту – перебиваются кое-как. Вообразите же себе положение семьи пахаря, когда выбывает из нее мужчина, на котором лежала главная часть полевых работ и домашнего управления. Наймит-пахарь хорош только в глазах хозяина. Вдова не в состоянии держать его в страхе Божем и порядке. На ниве он заспит, а волы попадут в спаш, за который надобно отвечать пенею. Волон он не напасает всегда до сыта, не напоит во время, не предохранит от дождя, который делает под ярмом мучительные прогоины: от этого скот зимою худеет, хворает и мало по малу изводится. Естественно, что вдова, при всей твердости характера, должна наконец уступить силе вещей, должна лишиться собственного плуга волов, отдать землю в чужие руки и довольствоваться частью урожая, который весь принадлежит хозяину. Так и во всем другом. Вдову и сельская полиция обременяет излишним постоем; у вдовы и огород опустошается безнаказанно солдатами и всякими бродягами; у вдовы некому и плетня поддерживать; у вдовы скорее, нежели в ином дворе, и комора будет обокрадена, и проч., и проч. Подобные явления у сельского парубка-пахаря безпрестанно перед глазами. Поэтому он и не может с понятием о вдове соединять понятия о богатстве. И в народных песнях вдова всегда изображается небогатою; например:

Чи все тая вдова живе, що на ріжку хата?
Хорошую дочку має, сама небагата.

Упадок дома, из которого выбыл тот, кем все держится в порядке, очень хорошо изображен в думе о казацкой жизни, в которой постоянное отсутствие хозяина соответствует его смерти:

Знати, знати козацьку хату
Скрізь десяту:
Вона соломою не покрита,
Приспою не осипана,
Коло двора нечиста ма і кола,
На дровітні дров ні поліна, –
Сидить в ній козацька жінка – околіла.

Знати, знати козацьку жінку,
Що всю зиму боса ходить,
Горшком воду носить,
Полоником діти напуває.

Эти стихи сами собой наводят нас на другую сторону сомнения сельского парубка в том, чтобы дочь вдовы могла быть для него достойной женой и хозяйкой в доме; ибо, при разстройстве хозяйства, мало-по-малу ослабевают в хозяйке привычки, в которых следует ей воспитывать дочь свою. Предположив вдову женщиною самою твердою в нравах и обычаях, все таки надобно допустить, что хозяйство у ней не может быть так полно, как в доме, нелишенном главы своей; а при исчисленный мною неблагоприятных обстоятельствах, случающихся сплошь да рядом, она лишается не только волов, но часто коров и овец, для которых не в силах запастись на зиму корму. Чаще всего вдова с дочерью ограничиваются небольшим доходом с паханого поля и летним загоном у богатого землевладельца; остальное же время они проводят в домашних рукодельях: прядут, ткут, вышивают. Когда в песне поется:

Чи се тая дівчинонька живе
Що хороші шириночки шиє?

То это непременно говорится о дочери вдовы, ибо хозяйским дочерям бывает не до того, чтобы совершенствоваться в сельских изящных искусствах. Суровый взгляд главы семейства на жизнь и ее нужды все цапки называет пустошью, и в домах, полных, как говорится, всякой благо лати, мать с дочерьми занимаются только украдкой мережками, щитами рушниками, писанками перед Великоднем, или же заказывают все это одиноким вдовам и их дочерям, платя пшеничной мукой, горохом, а иногда и просто насущным хлебом. От этого выходит, что Вдовины дочки вырастают белоручками, развиваются, как уединенные лилии и вознаграждают недостаток богатства красотой, – неприневоливаемые к полевым и надворным работам, а, пожалуй, и поэтичностью души, которая не была подавлена непреклонною волею старшего в семействе и воспиталась в дружеских беседах и порадах с нежною, говорящею, но зато свободою, матерью. Эти преимущества привлекают к ним внимание парубков-богачей и, таким образом, уравниваются блага жизни в простом сельском быту, украшаемом в то же самое время поэзиею, рождающеюся из лишений и страданий.

Но парубок-богач есть более или менее представитель нравов, которыми весь его род дожил до его времени, но потеряв своего коренного характера. Есть ли у него родители, или же он сам дошел до того полного зросту, в котором уже не пошатнется на сторону и не спустит с рук батьковщины, все равно он – великий практик в своей сфере действий, при всей поэтичности своей души, влекущей его к тому, что нас очаровывает в женщине. Развитому гражданственности человеку дается особенное, вполне для него ясное, уразумение своего положения в жизни и своей будущности.

Неразвитому – дается, так сказать, инстинктивное понимание полезного и вредного для его быта, и это в такой степени, что влюбленный козак готов умолять свою возлюбленную, чтоб она напоила его травой забвения:

Ой дай мені таке зілля, щоб тебе забути!

Борьбою и колебанием между поэтическими симпатиями и практической необходимостью – поступать по внушению родителей и даже роду – наполнены народные самые изящные песни, – эта вечная, драгоценная книга жизни народной, в которую любившие и страдавшие сердца вписали неизгладимыми словами свою историю, в науку и в симпатичное наслаждение отдаленнейшим поколением людей, с поэтической всезнающею и всечувствующею душою.

Если бы Гоголь, при своем, истинно-творческом, даре, читал народные песни, как знаток простонародной Украины, – они одни повели бы его перо совсем в иную сторону, и тогда бы сияющие жизнью, хоть и слишком яркие, картины природы в Сорочинской Ярмарке, сочетавшись с верною живописью нравов, сразу поставили бы его высоко в глазах истинного ценителя искусства в избранном им роде. Но Гоголь, изображая простую сельскую жизнь украинцев, был, по словам Полевого, больше москаль и горожанин, нежели украинец, ознакомленный с бытом своего народа, хотя в то же время он был и поэт, да еще гениальный.

Смотрите однако ж, в какой зависимости находится природный гений от изучения предмета своей деятельности! Сибиряк, вышедший из лавочных сидельцев в литераторы, первый обличил гениального поэта в беззаконии его творчества.

По случаю появления украинских повестей Гоголя, нагромождена вавилонская башня суждений; но народ, без согласия и мимо ведома которого строилось это чуждое его жизни здание высших взглядов на жизнь и искусство, не сговариваясь между собой, протестовал против современных властелинов знания – или своим очень, очень медленно изменяющимся бытом, или своею единодушною поэтическою речью, или, наконец, устами своих вдохновенных литературных представителей, которых повести о нем „живы, как сама жизнь, прекрасны и верны, как сама правда”. Гоголь возвысился впоследствии до уразумения художественного самообразования. Он поднялся в этом выше всех своих критиков. В нем от природы такая заключена была сила истинного творчества, сила создавать изящное на долготлетнюю жизнь в потомстве, такой верный инстинкт гения, что он не был остановлен в саморазвитии, в стремлении выйти на собственный свой путь даже и неумеренными похвалами почти всей читающей России, – опаснейшим из нас всех препятствий, какие только существуют для развития великого таланта. Ибо строгая школа предназначена в жизни всякому истинному поэту, и величайшая требуется от него осторожность в наслаждениях благами, которые люди обыкновенные могут вкушать без оглядки. Гораздо спасительнее для поэта, если только он истинный поэт,

быть встреченным со стороны большинства ценителей так, как писал, по горькому опыту, Шевченко о своих первых произведениях:

Знаю вашу славу:
Поглузуют, покепкуют,
Да й кинуть під лаву!

Не бойтесь, его не сломят порицания, насмешки и даже советы великих авторитетов, часто очень опасные советы для поэта, явившегося не оттуда, откуда приходили другие поэты, и не с тою речью, какой они бывали одарены. Сильные аргументы приводят эти судьи, справедливо уполномоченные в своем кругу идей – судить об искусстве и изрекать праведные законы искусства. Но, как всякий народ живет по своему особенном, часто неписанном в книгу, законам, так и законы высокого дара – потрясать сердца людские – внушаются избранным людям не от прославленного уже ареопага. Поэты это знают, или, лучше сказать, чувствуют, и несмотря на то, что они иногда бывают не посвящены в тайны книжной науки, „огни, а не слова” излетают из их уст в ответ на императивные советы записных судей дела. Так, Шевченко, в следующих стихах, увековечивал современные толки о нем премудрых мира сего:

Од козацтва, од гетьманства
Високі могили,
Більш нічого не осталось,
Да й ті розривають,
А він хоче, щоб слухала,
Як старці співають!

Ему советовали писать общепринятым в российской империи языком. Ему советовали изображать жизнь, которая у всех в виду, т.е. у всех ценителей и судей искусства. Ему очень добродушно внушали, что он погребет свой талант в стихах, которых никто не понимает, и в изображении явлений, которым никто не сочувствует. Устами этих добродушных людей говорила сама истина, но только горизонт ее был видим с небольшой высоты. Поэт наш, озирая, с своего подъоблачного полета, несравненно обширнейшая, неведомая другим, пространства, отвечал этим господам языком демократа:

Правда, мудрі!
Спасибі за раду!
Теплий кожух, тільки шкода –
Не на мене шитий,
А розумне ваше слово
Брехнею підбите.

И потом, развернув, в дикой прелести родные свои степи с кровавыми и блистательными их воспоминаниями, и дав почувствовать своими слезами

неразрывную связь между необузданною энергиею старого времени и разумною энергиею современного гения, он восклицает:

Од-де моє добро, гроші,
Од-де моя слава!
А за раду спасибі вам –
За раду лукаву.

В этих стихах каждый, кто понимает дело собственным толком, увидит тяжкую борьбу таланта за свое существование, за свою будущность и, главное, за идею, которую он должен возвесить миру. Но Гоголь, борясь с посыпавшимися на него со всех сторон похвалами, совершил подвиг еще более высокий и назидательный. История его жизни, собрание его писем и при этом его сочинения – это такие книги, которым не много равных завещало человечество будущим поколениям для уразумения высоких психологических, критических и философских истин.

Но возвратимся к несчастнейшему из несчастнейших Голопуенкову сыну, которого уже одно имя делает смешным в глазах читателя, а непонимание, как взяться за сватовство, просто – срамит во мнении каждого мужика.

Мы видели, как зажиточные и, что все равно, порядочные парубки поступают в этом случае. Вот, например, Опанас Левенець: этот посылает своего дядька (но не дядьку) Хмару на розвидыни в то село, в котором он полюбил случайно встреченную девушку, и дядько Хмара тотчас дает читателю понять, что не напрасно выбран для такого поручения. Он рассуждает не по-гоголевски, а прямым толком своего народа, – тем толком, которого автор украинских повестей добился впоследствии, несмотря на весь угар от журнальных и нежурнальных славословий. Он говорит молодому человеку:

...Чи тобі ж то талану не знати. –
Незнакому сиротину за хазяйку брати!
Може, цяця та по селам бродить без свитини,
По коморі не ходила і коло скотини.
А краса – плевать на неї, як добра не має,
Коли плечі і грудницю рубьем покриває!

Дядько Хмара – большой прозаик; но его проза совпадает с народной поэзией. В песнях воспета жалкая участь невестки, взятой из такого дома, в котором она не привыкла вставать рано для надворной работы, нетерпящей отлагательства. Ее будит свекруха, жестоко упрекая в былой ее бедности, положившей на ней печать свою, нестерпимую для людей работающих:

Вставай, невістко, час до череди гнати!
Подій тій корові, що од батька нагнала,
Попрогонь овечки, що родина здарувала.

Вот каким взглядом на вещи вооружают старшие молодых людей, собирающихся жениться! Но часто молодость берет свое, и любящиеся приходят к такому заключению:

З великою худобою – серденьку досада,
А з любою дружиною – оченькам одрада.
З великою худобою – битись та сваритись,
А з любою дружиною – на світі нажитись,
З великою худобою – горе мені буде,
А з любою дружиною – не стидно й меж люди.

Это, однако ж, происходит в таком случае, когда они очень хорошо друг друга знают и когда зависят сами от себя. Но, не зная девушки, сельский парубок не бросится на одну красоту и не решится на сватовство, как у Гоголя. Дядько Хмара заехал, под благовидным предлогом, переночевать к матери Натали, а на другой день завернул в сельский шинок для проверки своих наблюдений и привез небожу самые удовлетворительные известия. Тогда только Опанас открылся в своих чувствах родителям и просил их благословения.

Не известно, были ли родители у Гоголева парубка. Он решился на сватовство скорее, нежели каждый из его земляков, невведенных в повесть, решился на покупку коня, и запил с будущим тестем, Солопием, могорыч в кабаке у Жидовки. В Украине эти вещи, может быть, слишком для когонибудь прозаические, делаются иначе. Украинский сельский парубок обращается к самым достойным из своего сословия людям с просьбою – быть посредниками между ним и домом невесты, и в этом виден не только народный, скрытый во всяком обычае, практический разум, но и тонкое чувство приличия. Если бы молодой человек обратился к родителям своей возлюбленной непосредственно, этим бы он поставил себя с ними как бы наравне, этим бы он всю ответственность за судьбу их дочери принимал на себя, этим бы он явился в их глазах собственным представителем и сам себя аттестовал бы достойным столь великой доверенности. Но, посылая вместо себя сватов, людей степенных, имеющих собственных детей, он этим самым свидетельствует перед родителями невесты, что недостойно заводить непосредственно с ними речи о таком важном предмете, в котором он, по молодости своей, не может еще быть судьей; в лице сватов он представляет им поручителей, на которых, яко имеющих собственных детей, могут они положиться относительно участи дочери; наконец – и это самое главное – рекомендация людей посторонних, известных трудолюбием и добрыми нравами, тоже гораздо больше должна значить в глазах родителей невесты, нежели все, что мог бы сказать им о себе жених, или внушить им своими поступками.

Поэтому то, в повести Квитки „Маруся”, молодой парубок, будучи долго вхожий в дом к Науму Брусу, будучи любим в этом доме как семьянин, не осмелился заикнуться, в простых и задушевных беседах, о сватовстве. Это оскорбило бы чувства хозяев: это показало бы, что он считает себя в их

глазах слишком важной особой, если смеет заговаривать с ними о таком предмете, о котором, по чувству народного украинского целомудрия, ни в каком случае не прилично говорить холостому человеку с отцом семейства. Это, кроме того, уронило бы его, во мнении хозяев, как парубка необычайного, то есть незнающего, как следует вести себя, выражаясь по-городски, с людьми порядочными. Ибо манера быть с людьми, тон разговора, деликатность в выборе слов, умение избегать в беседе щекотливых предметов, – все это внушается доброму украинскому парубку самою природою, а также правами и понятиями народа, среди которого он вырастает. Поэтому то, зная близко народ наш, не по его худшим, облакеемым, или обкулаченными, образцам, мы находим дикими в повестях Гоголя такие вещи, как вопрос Хиври: не сломили ли вы себе шеи? Да и сам парубок Квиткин смотрел на сватовство, как на религиозный обряд, и профанировал бы его в собственном чувстве, если бы, сидя запросто с отцом своей возлюбленной, сказал ему, как он парубок Солопию: „Ну, Наум, вот, как видишь, я и дочка твоя полюбили друг друга, так что хоть бы и на веки жить вместе”.

Не знаю, как делается у скитающихся цыган, под их „изданными шатрами”; но в украинской хате чувство приличия играет очень важную роль, что касается до деликатных сердечных струн, к которым грубое прикосновение так нестерпимо для человека, развитого общественностью. Посмотрите в повесть Квитки, в это совершеннейшее зеркало народных нравов: не только Василь, в беседах с стариками, не смел пикнуть о своем намерении, но даже Маруся ни единым словом не выразила перед матерью своих ожиданий. Этого мало: даже мать, желая от всего сердца видеть Василя своим зятем, никогда не проговорила об этом перед дочерью.

Обращу внимание читателя, в повести Квитки, на тот момент, когда Настя, мать Маруси, объявила, что идут старосты и когда старосты стучались под дверь. Читатель не предвидел отказа со стороны Наума Бруса; но, как для каждого из трех действующих лиц это событие было невыразимою тайною в ожиданиях, то в повести возбужден интерес необыкновенный, и вся церемония сватовства совершается в такой торжественности, как будто это какое то религиозное действие, исполненное таинственного значения. Видите, как величава самая простая природа вещей, если только писатель, в ее изображении, возьмет в совокупности „все мелочи, ничего не пропустивши!” Квитка не имел высших теоретических понятий об искусстве; он писал свою повесть в простоте сердца, из поэтической любви к изображаемому им быту; он рассказывал, со всею полнотою милой ему народной речи, о том, что узнал самою жизнью своею, а не научным наблюдением; и потому его творение выходит „живо, как сама жизнь, прекрасно и верно как сама правда”.

Взгляните еще, как торжественно действуют у Квитки сваты, как величава они держат себя. Они сознают, что не для забавы своей взялись за это дело и что дело это касается счастья отживающей и другой, будущей, семьи. Таковы действительно бывают сваты. Слушая их так называемые

законные речи, нельзя удержаться от улыбки; но это потому, что мы оставили этих людей с XVII века и воспитаны в иных нравах и обычаях. И при всем том видишь в них членов общества, которым нельзя отказать в уважении. Они делают честное дело; они делают дело честно. Будущему тестю давно известны личность и достаток жениха. Они не надувают ему в уши небылиц, подобно обычным московским свахам. Они пышными метафорами об охотящемся за куницею князе рекомендуют жениха молодцом, достойного того, чтобы такие почтенные люди, как они, пришли с „святым” хлебом в такой почтенный дом и произнесли, стоя, те законные речи, которые произносились их дедами, прадедами и далее – до отдаленнейшей старины.

Если бы Гоголь знал демократическую Украину, как знаем ее „мы, преемники Гоголя в самопознании”, то он не заставил бы конокрада цыгана быть посредником между Голопупенковым сыном и Солопием, он содрогнулся бы за своего парубка, когда этот бродяга сказал ему: „мы заставим Черевика отдать нам Параску!” его сердцу было бы больно, что свежая сельская красавица, убранная свежими, как она сама, цветами и лентами, будет отдана жениху руками, запятнанными воровством, а пожалуй и человекоубийством. Сам же он говорит: „Человек, взглянувший на него (на цыгана), уже готов был сознаться, что в этой чудной душе кипят достоинства великие, но которым одна только награда есть на земле – виселица”. Но парубок, взглянув на цыгана – не только не почувствовал к нему естественного, в его сельской простоте, отвращения, напротив, тотчас заключил с ним унижительную для себя сделку, оскорбляющую чувство читателя. Это не украинский парубок: это – петербургский мазурик в нашей честной украинской свите, точно так как Хивря – не украинская баба, а московская горожанка, и притом самая распутная, самая грубая, грубая до того, что не знает даже различия между ласковым и грубым словом, точно так как и хата с подмостками под потолком, на которых она спрятала поповича, – не украинская хата, а московская изба с московскими палатами. Надобно думать, что Гоголь видал только снаружи хаты украинских поселян, иначе – он знал бы, что доведенная до нельзя в нашем народе брезгливость к нечисто приготовленной пище заставляет его содержать свои хаты в необыкновенной чистоте, чему препятствовали бы в значительной степени полаты, так как в полатах заводятся неискореняемо тараканы и всякие не очень приятные насекомые. Украинская хата очень немногосложна, и потому очень чиста; все в ней на виду; нет в ней темных углов, в которых соседский или хозяйский глаз не замечает нечистоты. Скорее снаружи запустить хозяйка стены, в рабочее время, но внутри она не может сносить на стене никакого пятна. Вообразите, как бы ее мучил вид почернелых и закопченных полатей под потолком, который у нее содержится в такой же опрятности, как и стол! Она каждый день стелет на чистых подмостках у стены постель, и каждый день сворачивает ее и убирает к месту, оставляя подмостки, называемые полом, для сидения за работой и для детей. С полатей постель сволакивать трудно; лазить на полаты для приготовления постели еще

труднее. Она должна там оставаться нерушимо как в берлоге. Словом, вид полатей неприятно поражает украинца в великорусской избе, и не поразил только Гоголя, так как он был, по воспитанию, больше москаль и горожанин, а простонародный быт украинский изображал только по расспросам и по соображению, которого, как видим теперь и как увидим далее, у него часто не хватало на изображение самых простых и общеизвестных предметов.

Чтобы понять, как благоговеет простой поселянин наш перед сватовством, вспомните у Квитки сцену, наступившую после неожиданного отказа со стороны Науму Носа. Торжественность обычая уступила на время сильному волнению патетического момента. Но когда все приступили к Науму с просьбою – объяснить причину непостижимого ни для кого отказа, автор, хорошо знавший демократическую Украину, вдруг возстановил все достоинство сватанья следующим ответом отца семейства: Не той час: при такому важному деле, как сватанье, не можна всего говорить. Повторяю опять мое замечание: видите, как величава самая простая природа вещей, если только писатель, в ее изображении, возьмет в совокупности „все мелочи, ничего не пропустивши!” Гоголь знал за собой большие промахи в изображении того, над чем все смеялись и над чем сам он смеялся также безопасно, как и читатели, но он смеялся этак только до известной поры, после которой он, возвысаясь над самим собой, становился уже на точку зрения тех, которые по его словам, „приходили в недоумение решить: как могли человеку умному приходить в голову такие глупости!” Не даром написаны им эти слова в том самом сочинении, в котором он главнейшим условием „полного воплощения” своих действующих лиц считал полное ведение их сферы действий и соображение всего, от мала до велика, без всякого пропуска. В Сорочинской Ярмарке нет ни одного воплощенного лица, потому что Гоголь, не зная простонародной Украины, придал своим поселянам рыночные городские свойства и побуждения, и лишил их всей поэзии народного быта, которой полны повести непризнанного современною ему критикою Квитки, а этим самым лишил их поэзии правды, поэзии действительности. Теперь, когда настали иные требования, указанные самим же Гоголем в позднейших его произведениях, – над его украинскими повестями пыхают только такие люди, которые, познании Украины, не выше столичных типографских наборщиков, а защищает их от строгой этнографической критики один только г. Максимович.

Как ничтожна сцена между двумя кумовьями, которых освободил от уз Голопупенко, и между им самим и цыганом (словом – XI глава Сорочинской Ярмарки)! Не одно о составляет здесь ничтожество, что украинские нравы оцыганены, что малороссийские поселяне уничтожены. Автор мог найти между поселянами такие же относительно низкие личности, как его чиновники и помещики в первом томе Мертвых Душ, но надобно изображать и самый упадок нравов так, чтобы в этом изображении была поэзия действительности. У Квитки, в повести Мертвецкий Великдень, представлен пьянчужка, которого колотит жинка, который неисправим в своей беззаботности и пристрастия к пьянству. Этот тип очень распространен в

Украине и вошел даже в песенность:

Била жінка мужика, пішла позивати.

Национальное чувство наше ни мало не оскорбляется изображением Квитки; ибо это – мы, в нашем упадке; это порок наш; этот выставленный великим писателем на вечный позор украинец-дрянце – брат наш, недостойный член, но тем не менее член великого нашего семейства, и какое бы большинство нашего простонародья ни подходило под Квиткин унизительный для нашей гордости тип, мы от него не отречемся, – все равно как не отречемся от стиха Шевченка:

А наша правда п'яна спить!

Но от Гоголевых украинцев, влюбляющихся по-солдатски и сватающихся по-цыгански, от Гоголевых рыцарей-полковников, которые позволяют себя тузить бурсаку сыну „так, что хоть бы и не пробовать”, мы решительно отрекаемся. Может быть, и есть на свете такая нация, которая назовет их своими кровными типами, но мы, все те, кто в настоящее время имеет драгоценное право называть себя украинцем, объявляем всем вообще, кому о том ведать надлежит, что разобранные и упомянутые мною типы, что хотя в них кое-что и взято с природы или угадано великим талантом, но в главнейших своих чертах они чувствуют, судят и действуют не по-украински, и что поэтому, при всем уважении нашем к таланту Гоголя, мы признать их земляками не можем. Есть у Гоголя прекрасные страницы об Украине, возстановляющие значение нашей нации в глазах наших соплеменников. Есть у Гоголя художественные изображения человеческого ничтожества в образе украинцев, которые мы сами готовы выставлять „на всенародные очи”, да возмущается каждый тем, что унижает нас перед целым светом. Но того, что даже и могло бы льстить народному нашему самолюбию, но что взято не из нашей жизни, мы признать художественно верным действительности не можем.

Гоголю, в его повестях из простонародного быта, повредило именно незнание простонародной Украины, именно то, что он не понимал, как смотрит сам на себя народ, и разумел народ по-барски. Он не подозревал, что простолюдины, в своей отчужденной жизни, сохранили, в своих нравах, обычаях, преданиях и чувствах, те первообразы национального характера, которых напрасно он искал в фамильных дворянских воспоминаниях и даже в самых песнях народных, рассматриваемых с литературной и ученой точки зрения, без пособия народоведения. Он не подозревал, что мужик, занесенный пахарскою или чумацкою пылью, мужик, валяющийся под тинню, как наша пьяная правда в стихах Шевченка, мужик в одежде невежества и непонимания даже азбуки наших книжных знаний, есть не что иное, как старосветский клад, зачатый тем, кто положил его, на многие годы, чтобы не дался он в руки тому, кто не в состоянии сделать из него

должного употребления.

Всяк из нас более или менее знаком с глупыми бабьими запечными байками о кладах. Одни клады навалены камнями непомерной тяжести, и эти камни можно сдвинуть с места только двенадцатью черными волами от одной коровы. Другие скрыты в земле, под нашими ногами, но чтоб их увидеть, надобно провести в бдении Иванову ночь и не продремать того мгновения, в которое цветет папоротник. Третьи являются ослепленным гордынею нашим глазам в виде невзрачного, заслуженного и – извините – сопливого старичка, от которого все отворачиваются, не подозревая, что этот гадкий старикашка – ходячий клад. Но бывали примеры высокой поэтичности душевной, которая, высшим, святым взглядом на жизнь, уразумевала простую, очень простую истину: что этот отверженный всеми дряхлый старец – брат наш. Народ сохранил о таких примерах воспоминание, или лучше сказать – передал нам глубокое свое убеждение в возможности чистого, невинного добра на земле, – под видом кроткой сельской сиротки, которая, приблизясь без отвращения к старичку, утирала ему хусточкой нос, – и вдруг старичок рассыпался скарбом!

Смотрите, при каких трудных условиях, после каких тяжких усилий, при какой трезвости чувств и при какой святой любви к ближнему дается наконец клад, скрытый от людей в течении долгих лет, завещанный отдаленными предками отдаленным потомкам и недоступный ни силе, ни мудрости тех, которые не в надлежащее время захотели бы его открыть! Гоголь, при всей барскости своего детского воспитания, мог так же, как и другие, слышать глупые бабьи запечные байки о кладах. Гоголь, при всем отчуждении своем от народа, при всем удалении от непосредственного его изучения, мог быть и был наведен на мысль, что простой народ наш – какой то старосветский клад. Но Гоголь не прожил столько времени народною самобытною жизнью, чтобы дожидаться, на собственном хозяйстве, двадцати черных волов от одной коровы и сдвинуть с клада камень непомерной тяжести. Гоголь, описавший Иванову ночь по рассказам, лично не приносил жертв таинственному, поэтическому, убранному весенними цветами, божеству сельской молодежи, чтоб оно открыло ему бодрствующему среди всеобщего сна, то короткое мгновение, в которое вспыхивает и гаснет волшебный всеоткрывающий цвет папоротника. Гоголь, наконец, не бродил по селам в таком виде и с такой репутацией в народе, чтобы от него не скрывались робкие, гонимые и вместе презираемые, бессильные несчастливицы, и не сблизался с подобными ходячими скарбами до того, чтоб они рассыпались перед ним всеми своими душевными сокровищами.

Принадлежа однако ж, по своей природе, к тем избранным ведателям тайн бытия, которых наш поэт характеризовал стихом:

Тому, хто все знае, хто все чуе, –

Гоголь не мог остановить народ без допроса о его старосветских сокровищах, и в повестях своих не раз пробовал делать с предполагаемыми

ходячими скарбами то, что и она сельская сиротка, но он делал это не в простоте сердца, он делал это с висока, по-барски, а иной раз и так, как описано у Квитки в его повести: От тобі й Скарб!

Поэтическая шутка Основьяненка, как все истинно поэтическое, верное действительности, идет из род и имеет многообразные применения. Некий Хома Масляк слышал, подобно многим поэтам, что в народе являются ходячие скарбы, и выдумал обогатиться без всякой заслуги, без всякого на то права; но вместо обогащения попал только под ответственность перед обществом. Это случилось следующим образом:

„То просючи, то плачучи, протурила його жінка об Середохресті на заробітки, чи не добув би чого к святу, щоб було чим розговітись. Потяг Хома до слободи верстов за сім, і йде, і все своє думає: як би то на скарб наскочити, забрати його та тоді б і гадки не мати! Аж ось, дивиться – назустріч іде дідусь, старенький, маленький, горбатенький, та ще зігнувся од старості, так мов при самій землі. Пика його не вмита, волосся розкудочене, ніс не втертий, слина з рота так і б'є, аж запінився, по всій бороді.

Хома з радощів сам себе не тямить. Чув, що і як у такому ділі робити; зараз підбіг до дідуса, втер йому ніс, обітер йому рот, – нічого! Дідусь не розсипався, а тільки мужиче щось таке та веселенько усміхаючись, знай йому низесенько кланяється.

Хома думає собі: „Чому цей скарб та не розсипається?...Еге! знаю!” Та з цим словом хрянь дідуса по щоці! А той – бебехи об землю!... Еге, та й лежить цілісінький, і скиглить, і плаче, і стогне, і нічого не говорить. Хома думав, що ще трохи його потовкмачив, – прийнявся лежачого шкварити. Дідусь не розсипається, а Хома його бебехами годує...

– „А що ти, чоловіче, робиш? За що ти нашого німого старця б'єш?” обізвався до нього чоловік із надудісся, та й гукнув на товариство...”

Вот обрарик того, как люди, чуждые народа и его чувств, допрашивают народ о его старосветских скарбах. Достается от них иногда народу, как тому дидусю от Хоми Масляка, и должны они, рано или поздно, отвечать перед своим обществом, как и Хома Масляк перед своим.

Никакой талант не может заглазить погрешностей против коренных нравов и обычаев, сохраняющих из века в век известную национальность, и чем изобретательнее, чем живее воображение незнакомого с простонародьем писателя, тем в большие впадет он несообразности и противоречия действительности. Так Гоголь, выдумав, в Сорочинской Ярмарке, невозможную интригу, лишил народный быт лучших поэтических цветов его, оборвал эти цветы цыганскими руками, обратил седого отца невесты в театрального пажа или в ребенка, „забывающего про все дела свои” оттого только, что увидел дочку, танцующую с зеркалом в руке под собственную песенку. „Когда он услышал знакомые звуки песни, жилки в нем зашевелились; гордо подбоченившись, выступил он вперед и пустился вприсядку” наедине с дочерью! Такая сцена возможна на театральных подмостках; такая сцена возможна, может быть, в жизни городничего, размечтавшегося вслух о генеральстве; но в простом быту украинского

пахаря она не возможна, она дика до такой степени, что сама дочь, перед которой отец пустился бы выплясывать вприсядку, убежала бы от него, как от сумасшедшего. Этот вставочный случай сам по себе испортил бы весь характер Солопия, как бы он ни был веден натурально от самого начала повести. Но в Сорочинской Ярмарке испортить ничего невозможно: она вся от начала до конца представляет самый красноречивый аттестат, с каким жалким запасом знания простонародной Украины уехал Гоголь, в 1829 году, в Петербург, откуда приезжал к матери месяца на два, автором „Вечеров на Хуторе“, а потом еще раз, на короткое время, прославленным автором Миргорода.

Если бы этнография в то время, как ныне, входила в круг научных знаний, дающих право на имя просвещенного человека, то голос Полевого против „Вечеров на Хуторе“ не вопиял бы в пустыне: его бы поддержали другие критики. Если бы, в ту эпоху, Украина, в области ученых исследований и литературных бесед, играла ту роль, какую играет в наше время, то Вечера на Хуторе показались бы передовым умам детским опытом, и первенствующий поэт русский не обратил бы внимания на то, что над ними пыхают наборщики в типографии.

Если бы русское читающее общество было воспитано в духе родного ему славянства до такой степени, чтобы читать свободно Квитку и Шевченка, как ближайших ему всеславянских поэтов, то в этих совершеннейших зеркалах народных чувств, народных нравов и обычаев, оно увидело бы вопиющие погрешности повестей Гоголя, и пожалело бы только, что столько воображения потрачено на блестящие признаки из несуществующего в действительности мира. Но читающее общество, неохраемое и невразумляемое критикою, бывает легковерно и легко мысленно до чрезвычайности. Оно в литературе ищет забавы или, так называемого, легкого чтения, точно как будто великие таланты посылаются Богом ему на потеху, а не в науку, точно как будто жизнь, которую они изображают, какая то игрушка, точно как будто, неуразумев того вполне, что было и есть в этой жизни, можно сделать хоть маленький шаг вперед! Украинские повести Гоголя приняты были всеми на веру, потому что „в его время невозможно было знать Украины больше, нежели он знал; мало того: не возникло даже и задачи изучить ее с тех сторон, с каких мы, преемники Гоголя в самопознании, стремимся уяснить себе ее прошедшее и настоящее“. Голос Полевого заглушен был повсеместным хвалебным жужжаньем и журнальными толками. Вслед за Миргородом явился Квитка, под именем Основьяненко, с своими повестями, точно художник-обличитель, и заставил плакат ту самую Украину, которая по-детски хохотала, вместе с господствовавшими в ней журналами, над позором собственного простонародья. Вслед за Квиткою явился Шевченко уже из среды того простонародья, над которым потешался Гоголь, – и тяжело повернулись многие сердца от его демократической, вместе и суровой, и нежной, и саркастичной, и грозной речи. Но и тут Гоголь, под прикрытием лавров, пожатых на всероссийском чиновничьем и дворянском поле, остался, во

мнении публики, все тем же Гоголем, каким провозгласили его столичные первенствующие критики. Правда, круг читателей Квитки и Шевченка был очень мал, так как они повели речь о Гоголевой родине языком этой родины, известным в столицах больше всего по таким словам, как Довгочхун, Свербигуз, Перерепенко и тому подобным, которые Гоголь употреблял, в повестях своих, не стесняясь, но которые крестьянину стыдно произнести в своем обществе, понимающем смысл каждого произносимого в нем слова. Правда и то, что многие из украинцев оскорблялись не на шутку украинскими повестями Гоголя; но их назвали поклонники журнальной критики людьми отсталыми, и продолжали научать простонародную Украину по Гоголю.

Известно, что огромное большинство читающего общества в Украине составляли помещики, которые не могли возвыситься над гоголевскою точкою воззрения на предмет, а любя наслаждения изящные, увлекались картинностью его писаний природы и некоторых идеализированных личностей, до которых дойдет очередь в нашей критике. Естественно, что наука об Украине не могла двинуться таким повествователем, как Гоголь. Но, по своей поэтической натуре, он первый почувал, что в области его живописи кроются великие сокровища для поэта, и не раз подошел к ним очень близко. Оставалось только сбросить с глаз повязку, наложенную на него первоначальным воспитанием, незнанием народа и обществом, — сокровища были бы в его руках, и украинские повести Гоголя, в этнографическом отношении, стали бы наравне с другими его повестями. Тем не менее, однако ж, общество обратило глаза в ту сторону, в которую он так долго смотрел. Украина явилась в воображении великороссиян каким то блистательным призраком, с изумрудами, топазами, яхонтами эфирных насекомых, с сладострастным куполом неба, нагнувшимся над землею, с подоблачными дубами, по которым прыщит золото от ослепительных ударов солнца, с людьми веселыми, ленивыми и беззаботными до того, что даже выдача дочери замуж не в состоянии их озаботить, с комизмом или юмором, для которого нет никаких пределов, с нравами, для которых нет ничего останавливающего, с историею, в которой происходят великие события по случайной затее безумца, колотящего вокруг себя все и позволяющего колотить себя родным сыновьям, с воеводскими дочерьми, которые забавляются бурсаком, пробравшимся к ним в спальню через камин; с чертями, которые переносят кузнецов к императрице во дворец, с русалками на воде, переворачивающимися на спину перед галонирующим по воздуху на ведьме семинаристом, и со множеством истинно смешных и истинно поэтических сцен, которые обнаружили в авторе самое блестящее литературное дарование, какое только являлось до тех пор в российской словесности. Это дарование само ручалось за верность своей живописи, и никому не приходило в голову, что украинские повести Гоголя не более, как радужные грезы поэта о родине, что это только отвод нападавшего на него уныния, очень естественного на севере в уроженце Украины.

Уныние это обыкновенно называют в украинцах тоской по родине. Оно

больше всего губило Козаков, работавших Ладожский канал по воле Петра Первого, как это мы знаем из истории Ладожского канала, напечатанной в Русском Вестнике. Оно гнетет почти каждого из нас до сих пор на севере, вдали от нашей не столь пышной, как описано у Гоголя, но гораздо более пленительной, природы, вдали от нашего не столь комического, как у Гоголя, но гораздо более влекущего к себе народа. Оно заставляет нашего брата в Петербурге или работать за десятерых, или пустить в ход то, что называется малороссийским умишкой, или играть запоем в карты и спустить с рук всю батьковщину, а пожалуй и удесятерить ее. Гоголь, как уроженец Полтавской губернии, да еще и великий природный талант, не мог не чувствовать гнета этой особенной болезни. Он нашел отвод ее в своем богатом воображении и пустился писать „как попало, куда ни поведет перо”, по собственному его признанию в Авторской Исповеди, где читатель найдет следующие слова: „На меня находили припадки тоски, мне самому необъяснимой, которая происходила, может быть, от моего болезненного состояния. Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать. Выдумывал целиком смешные лица и характеры, поставляя их мысленно в самые смешные положения, вовсе не заботясь о том, зачем это, для чего и кому выйдет от этого какая польза”.

Само собою разумеется, что Гоголь старался развлекать себя не одним смешным: фантазии уносила его в родные степи, он живо писал впечатления детских лет, он олицетворял характеры, навеянные ему родными песнями; но смех, в его украинских повестях, преобладает над всеми иными чувствами и объясняет успех их больше, нежели что либо другое. Гоголь признавал это сам: „Я увидел”, говорит он в Авторской Исповеди, „что в сочинениях моих смеюсь даром, напрасно, сам не зная, зачем. Если смеяться, так уже лучше смеяться сильно – и над тем, что действительно достойно осмеянья всеобщего”.

Гоголь, как талант первоклассный, не мог не понимать, или лучше сказать – не чувствовал, что одно смешное надоест читателю, и поэтому он везде, где представлялся ему удобный случай, брал ноту грустную (напр., в окончании Сорочинской Ярмарки, или повести о миргородских помещиках), он вводил между смешного величавое или трогательное; но этим он, так сказать, только приправлял свою похлебку, как человек со вкусом. Всего лучше читатель это увидит из первоначального его намерения, касательно Мертвых Душ: „Я думал просто, что смешной проэкт, исполнением которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мне самом охота смеяться создаст сама собою множество смешных явлений, которые я намерен был перемешать с трогательными”.

Подобная пересыпка трогательного с смешным довершила очарование, произведенное на умы читателей украинскими повестями Гоголя; а когда он выпробовал свое перо на Украине, тем самым пером написал несколько вещей из петербургской жизни с беспощадною верностью натуре, которая у него была перед глазами, тогда исчезло и последнее сомнение, что Украина не совсем похожа на его повести.

Гоголь высказал однако ж столько любви к Украине, сколько может чувствовать поэт к тому, что представляется ему в поэтическом свете. Он первый открыл в украинской старине нечто величавое; он первый дал характеру древнего казака, широкие размеры; он первый заговорил о поэтической стороне исчезнувшего уже нашего прошедшего. Он и в настоящем быту поселян старался угадать изящные черты нравов и обычаев, пробивающиеся сквозь грубую кору повседневности. Но все, что он ни изобразил под влиянием оборотной стороны своего комического таланта, было помещено им в каких то неопределенных сферах, было представлено без связи с другими предшествовавшими и следовавшими явлениями, не имело вокруг себя этой мелочи, которая свидетельствует, что взятое лице или явление действительно существовало в таком виде и иначе существовать не могло. В его украинских повестях слышится тон песен, которые поэту, содержащему в своей единице нравственный образ всего своего народа, открывают никому неведомые тайны исчезнувшей жизни, но вообще читателю не расскажут ничего так, как рассказывает повесть: это уже дело вдохновенного песнями поэта. Он схватил чутким слухом только поэтический тон песен, избрал из них полные горсти очаровательных в своей дикости ароматных цветов. Он поставил между читающим обществом и Украиною радужную ткань своего воображения и заставил взглянуть на Украину иными глазами, заставил почувствовать в этой стране и в населяющем ее народе достоинства великие, дотоле неподозреваемые; но та же самая радужная ткань воображения поэта не дала обществу ничего рассмотреть в такой явности и полноте, в какой является у него многое, если не все, в Мертвых Душах.

Тем не менее, однако ж, как я уже сказал, общество обратило глаза на Украину, и после Гоголя началось многостороннее исследование и определение этой страны, которой он своими повестями не объяснил, и объяснить не мог. Он сам говорит, что „угадывать человека мог только тогда, когда ему представлялись самые мельчайшие подробности его внешности”. Каким же образом мог он угадать Тараса Бульбу, прочитав только Кониского да Боплана? Каким образом мог он угадать украинского простолюдина, зная украинский простонародный быт в такой степени, какую обнаружила перед нами Сорочинская Ярмарка? Сколько он ни собирал, через переписку по почте, народных песен, сколько он ни расспрашивал об Украине заезжих в Петербург земляков, он не мог достигнуть такого познания простонародной Украины, чтобы, творя в уме образ из старины, или из настоящего, не пропустить несколько подробностей; а творческий талант его, по собственному его определению, был такого свойства, что „стоило ему несколько подробностей пропустить, не принять в соображение – и ложь у него выступала ярче, нежели у кого другого”. Но она выступала только для такого изошренного критического зрения, какое он сам имел, когда говорил, что „чувствовал что то в роде отвращения к своему юмору, когда находил, что все у него выходило натянуто, насильственно, и даже то, над чем он смеялся, становилось печально”.

Мы сами, не знаящие еще ни Квитки, ни Шевченка, встретили с восторгом Вечера на Хуторе. Мы, будучи детьми, в эпоху появления в свет повестей Пасичника Рудого Панька, бросили для него все свои книги и даже Библиотеку для Чтения с ее первыми повестями. Мы выучили их наизусть и потешались Голопупенками и Перерепенками от всей души, а от фантастических и печальных сцен приходили в восторг и умиление. Но, когда попали нам в руки повести Квитки, мы так же выучили их наизусть; когда забрело в Украину московское издание украинских народных песен, мы и его приняли с восторгом и выучили наизусть; когда явились, наконец, объясняющие Украину со многих сторон стихи Шевченка, печатные и непечатные, мы также и стихи Шевченка, все, до последнего слова, выучили наизусть. Пока происходили эти и другие, второстепенной важности, литературные явления, каждый из нас сделался человеком взрослым и начал жить более или менее независимым умом. И если сам автор украинских повестей мог освободиться наконец от очарования своего неосмысленного юмора и своей неопределенной фантазии, до того что находил свои поэтические концепции, несвязанные тесно с действительностью, натянутыми и насильственными, а то, над чем он прежде смеялся, становилось для него печальным, – то что мудреного, если люди, содержащие в уме в тысячу раз больше против него памятников народной поэзии, люди, озаренные такими писателями, как Квитка и Шевченко, и при всем том взрослые среди своего народа, находят многие концепции украинских повестей Гоголя натянутыми, насильственными и грустно качают головою над тем, что прежде их смешило?

Я помню, с каким восторгом мы встретили Солопия в прелестной сцене размечтавшейся с зеркальцем в руках, Параски. Мы находили его театральный танец очень уместным и очень естественным. Но теперь, когда мы в состоянии, на место выставленной Гоголем куклы на пружинах, вообразить живую натуру, – нам танец Параски с седым отцом напоминает святочные столичные балаганы, где крещеный люд коверкает себя на все манеры, не справляясь с эстетическими и натуральными чувствами. Теперь для нас был бы естественен в танцующей девушке крик ужаса при виде впавшего в безумие отца, и неестественна пленительная сцена цветущей молодости, насильственно сгармонированной с старостью, у которой, не говоря уже о семейных отношениях, „другие хладные заботы, другие строгие мечты”.

Во времена оны, мы от души разделяли радость Параски, которой, в ярмарочной квартире, объявили, что пришел жених – вести ее к венцу. Но теперь ее радость для нас так же противна, как и движение мертвого тела под влиянием гальванизма. Для незнающих простонародной Украины, кажется очень простым делом взять за руку сельскую девушку и повести к венцу. Для знающих – это был бы вопиющий факт нарушения обычаев, перед которыми сельская невеста благоговеет, как язычник перед своим кумиром.

Я уже не говорю о старших; я уже не говорю о роде, который был бы оскорблен до глубины души подобным событием и не простил бы никогда

своего бесчестья обвенчавшейся таким образом женщине. Но сама невеста, при всей своей молодости, не согласилась бы на венчанье без почетного конвоя своих сверстниц – дружок и светилок, без того конвоя, впереди которого несут свадебный меч с пылающею на его острие свечкою, как эмблему свидетельствуемой перед целым миром верной, пылающей до гроба, любви. Сама невеста не пошла бы под венец без честного Коровая, который печется, накануне венчанья, с такими торжественными, полуязыческими, очень древними песнями и разными из рода в род неизменными обрядами. Сама невеста ужаснулась бы мысли – выдти в церковь не из отцовского дома, а из этой чужой хаты с московскими полатями, с которых накануне упал подобранный к ее мачихе попович.

У Гоголя все это представлено очень юмористически; и кто же, поднявшийся на высоту критического воззрения, не почувствует невольного отвращения к подобному юмору? Кому не покажется в этой сцене печальным то, над чем он прежде смеялся? Сама Хивря, кричащая: „Нет! Нет! Этого то не будет!” является обличительницею автора, „незнавшего простонародной Украины и изображавшего ее как барин, видящий в мужике одно смешное”. Пара цыган, держащих ее за руки, профанируют в ее, вовсе не народном, типе весь народ наш с его священнейшими обычаями. Я скажу гораздо более, если прибавлю, что подобным образом поступали у нас только некоторые помещики, которые, вовсе не зная и не желая знать простонародной Украине, иногда среди жнив брали с одной нивы парубка, а с другой девушку и заставляли их быть мужем и женою, по экономическим и домашним соображениям. Если бы Гоголь наполнил свои простонародные повести подобными фактами да озарил их своим талантом, тогда бы он объяснил Украину. Но, без этого, он сделал ими одно только истинно достойное дело: „дать новое, сильное побуждение к ее объяснению”, как сказано у меня в осмеянном Русскою Беседою эпилоге к Черной Раде.

Оканчивая свою повесть, Гоголь говорит: „Странное неизъяснимое чувство овладело бы зрителем, при виде, как от одного удара смычком музыканта в сермяжной свитке, с длинными, закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, к единству и перешло в согласие”.

Хорошо сказано, но только противно истине. На наших простонародных свадьбах нестройная, разговорившаяся и расшумевшаяся толпа действительно обращается к единству и переходит в согласие от одного удара смычка. Но музыка там повершает гармонию жизни со всеми ее вариациями; музыка обращает к единству разнородные чувства свадебной толпы, начиная от молодой четы, которая, взаимным влечением друг к другу, предъявила свои права на состоятельность, до старших в семействах, давших, после долгих обдумываний и совещаний, свое благословение на эту самостоятельность, и до последнего посетителя свадьбы, свидетельствующего перед миром ее законность.

Простонародные свадьбы наши никогда не совершаются в тихомолку. Об них возвещает всему селу хор дружек, которые, сбираясь на девич-вечер, ходят по всем улицам и воспевают в поэтических образах готовое

совершиться событие. Лишь только соберется народ, музыка водворяет гармонию между нестройными голосами и обращает чувства толпы к единству. На девич-вечере у бедных людей голоса дружек заменяют музыку, так как голоса коровайниц заменяли ее во время печенья Коровая. Она делает свое дело уже в день бракосочетания, и тогда то оживляются звуками музыки даже те, „на угрюмых лицах которых, кажется, век не проскальзывала улыбка”, и даже самые „старушки, на ветхих лицах которых веяло равнодушием могилы”.

Наблюдая это явление мимоходом или мимоездом, как наблюдают помещики, подобные автору Вечеров на Хуторе, можно подумать, что оно происходит „от одного удара смычка”. Но это все равно, как если бы думать, что душа католика трепещет и стремится к небесам от одного того, что органист ударил по клавишам органа. Пускай тот самый органист играет свою религиозную симфонию в мастерской у того, кто делает органы. Набожный католик, проходя мимо и зная, что это только проба органа, не содрогнется душою, не перестанет размышлять о своих делах и будет продолжать свой путь спокойно. Точно так свадьба, сыгранная внезапно, при содействии ярмарочных конокрадов вместо почетных старостов и прочих представителей сельского общества, если бы только была возможна такая свадьба, – не произвели бы на народ такого впечатления, как у Гоголя напев дочери на старика отца и удар смычка на толпу людей, „на угрюмых лицах которых повидимому век не проскальзывала улыбка и веяло равнодушием могилы.” Было бы совершенно напротив. Одни разве цыганы-конокрады участвовали бы в такой свадьбе и удостоили бы танцевать на ней. Честные же поселяне с ужасом отхлынули бы от сумасшедших, которые, отвергнув весь закон, затеяли свадьбу вдали от своего дома, точно жида на смитнику. Не понеслось бы все и не затанцевало бы, как у Гоголя. И те самые старушки, которые „подплясывали у него за веселящимся народом, даже без детской радости, без искры сочувствия, под влиянием одного хмеля, заставлявшего их делать что то подобное человеческому, как механик своего безжизненного автомата”, те самые старушки явились бы на такой свадьбе главными представительницами пораженного ужасом и оскорблением общества они бы вдруг ожили, точно вставшие из гробов покойницы, и предали бы всенародно проклятию безумного Солопия и безумную молодую чету. Их ветхие лица, на которых веяло равнодушие могилы, сделали бы страшное впечатление на „нового, смеющегося, живого человека”, между которым они бессмысленно толкаются у Гоголя. Долго новый, живой человек не забыл бы их замогильных воплей, и в грядущие поколения перешла бы какая нибудь волшебная легенда в память ужасного беззакония, совершившегося всенародно.

И вот вам впечатление, производимое на критика-этнографа тою самою молодою, смеющейся поэзией Сорочинской Ярмарки, которая во времена оны заткала радужною сеткою перед его глазами, действительность, и непреодолимою силою увлекала его воображение в свой фантастический причудливый мир, невозможный на нашей почве. „Не так ли и радость”,

скажем словами Гоголя, „прекрасная и непостоянная гостья, улетает от нас (с летами), и напрасно одинокий думает выразить веселье? В собственном эхе слышит уже он грусть и пустыню, и дико внемлет ему. Не так ли резвые дружки бурной и вольной юности, по одиночке, один за другим, теряются по свету и оставляют наконец одного, старинного брата их? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему!”

Да, нам жалко расстаться с теми восторгами, какие мы чувствовали во времена оны при чтении Вечеров на Хуторе – все равно, „как жалко исторгнуть из памяти первые игры невозвратной юности”. Но всякий возраст имеет свои преимущества и свою замену того, что было безразлично хорошо в прежнее время. Это должно сказать как об одном человеке, так и о целом обществе...

Основа. – 1861. – № 5 – С. 1-33.

П. Кулиш **Обзор украинской словесности**

Гоголь, как автор повестей из украинской жизни
Статья третья

На сочинения Гоголя, после критик Белинского, и в особенности после смерти самого Гоголя, начали смотреть с суеверным уважением. Что оно вполне заслужено, об этом нет и речи, но заслужено оно не повестями из украинской жизни, или, по крайней мере, не первыми повестями. Прежде нежели приступим к указанию недостатков в Гоголевых изображениях Украины, считаем не лишним заметить, что покойный Белинский, при всем критическом таланте своем, – относительно Гоголя, увлекался в грубые ошибки даже и там, где от критика не требовалось знания представленного у Гоголя народа со стороны этнографии. Он, как и все того времени люди, отдавался Гоголю на веру в том, чего сам не видел и не изучил. Не хорошо только, что, хваля Гоголя, он позволял себе говорить тоном знатока украинской жизни. Например, по случаю выхода, в 1842 году, Сочинений Гоголя, Белинский объявил читателям Отечественных Записок, что Тарас Бульба, от переделок автора, сделался „бесконечно прекраснее”, тогда как этими переделками Гоголь лишил свою псевдо-историческую повесть прелести молодого, неопытного вдохновения и, сняв с Тараса Бульбы казацкий кобеньяк, драпировал его плащом гомеровских героев. „Поэт (говорит Белинский) чувствовал, что в первом издании Тараса Бульбы на многое только намекнуто, и что многие струны исторической жизни Малороссии остались в нем нетронутыми. Как великий поэт и художник, верный однажды избранной идее, певец Бульбы (в том то и горе, что он съехал на гомерическую песнь, в рассказе часто ошибочном, но всегда полном образов, оригинальных, ни у кого не заимствованных) не прибавил к своей поэме ничего такого, что было бы чуждо ей (а он именно прибавил много чуждаго, вовсе негармонирующего даже с тем казачеством, до

которого мог додуматься Гоголь, опереживая всех своих современников), но только развил многие уже заключавшиеся в ее основной идее подробности. (Развил – и обнаружил больше прежнего незнания исторической и этнографической почвы, на которой подвизаются его герои). Он исчерпал в ней всю жизнь исторической Малороссии, и в дивном, художественном создании навсегда напечатлел ее духовный образ: так ваятель уловляет в мраморе черты человека и дает им бессмертную жизнь... (Вот оно, журнальное оракульство!) Особенно замечательны (продолжает Белинский, вовсе не подозревая, что впадает в грубейшую ошибку, в какую когда либо впадал талантливый критик) подробности битв Малороссиян с Поляками под городом Дубно (где, *notabene*, они вовсе не происходили) и эпизод любви Андрея к прекрасной Польке (эпизод, свидетельствующий об авторском незнании века, общества, нравов, понятий и об неумении его изображать любящих женщин вообще). Вся поэма приняла еще более возвышенный тон, проникнулась лиризмом (который – прибавим от себя – и затмил достоинства первого ее издания)».

Мы привели самое слабое место из статей Белинского о Гоголе, для того, чтобы раз навсегда отвергнуть его критический авторитет на суде современной критики, прилагаемой к изображениям украинской жизни. Белинский сделал много, для развития в обществе здравых понятий об искусстве, но это вовсе не значит, чтобы после него не осталось нам ничего делать. Напротив, есть целые области мыслей, или вовсе им нетронутые, или затуманенные условными, так сказать, городскими понятиями о человеческом обществе. К таким областям принадлежит этнография и история Украины, насколько она входит в критическую разработку литературных произведений.

Гоголь, по собственному его сознанию, смотрел на свои первые повести, как на легкую забаву воображения. Естественно, что в его время так смотрели на них и читатели; а поэтому самому и рецензенты его, от Сомова до Белинского, не могли смотреть на них иначе. Белинский, впрочем, искал в них художественности как насущной пищи развивающегося общества; но понятия о самой художественности этих повестей имели у Белинского не те основания, каких ищет в них – и не находит – современный нам читатель. Развернем, например, *Ночь накануне Ивана Купала*, и спросим друг друга: для чего нужна обществу эта повесть? Какое употребление может сделать из нее живой, деятельный ум, который никогда не тратит своего времени и внимания попусту? На этот вопрос безусловные почитатели Гоголя, нам кажется, скорее всего могут отвечать: что *Ночь накануне Ивана Купала* вносит в общественный капитал понятий о жизни живописные черты времени, исчезнувшего незаметно для общества, – характер местности, для него неизвестной, или известной мало, – картину нравов и обычаев, оставшихся до тех пор неизображенными, и, наконец, свежие наблюдения над сердцем человеческим, вечно поучительные для человека. Мы не допускаем мысли, чтобы читатель нашего времени делал из чтения пустую забаву и воображал таких людей, как Гоголь, посланными свыше – служить

ему по части сварения в желудке. Было такое время, да прошло, или быстро проходит. Поэтому, обращая свою речь к читателям, глядящим на дело литературы, как на совершение всех человеческих дел, как на самое верное и самое прочное достояние нашего потомства, мы станем рассматривать, как упомянутую, так и другие повести Гоголя из украинской жизни, по отношению их художественности ко времени, местности, нравам и обычаям, которые Гоголь взял на себя представить в осязательной ясности (как это и должно быть задачей каждого повествования), и наконец – по отношению к человеческой натуре, выражающейся во всех этих формулах.

Сперва нужно определить: к какому именно времени относится Вечер накануне Ивана Купала?

Гоголь начинает свой рассказ так:

„Лет более чем за сто (говорил покойник дед мой) – нашего села и не узнал никто”.

Выходит, что дело происходит во времена Анны Иоанновны, или в последние годы царствования Петра Первого. Как бы это было интересно, если бы Гоголь осветил своею повестью, хотя слегка, эту темную для нас область, этот страшный период времени, нового для Украины во многих отношениях, когда в ней начало заводиться между казаками дворянство, подражавшее изо всех сил пересозданному Петром великорусскому обществу, когда казаки начали терять свою солидарность, как самоправная корпорация, долго представлявшая собою народ украинский и сообщившая всему населению Украины известный характер, и когда крепосное право, так сказать, наклюнулось в яичках, которая положили петровские Немцы в навозные кучи, оставшиеся по всей Украине от польской шляхты, в виде ни на что живое негодных старшин казацких!

Мы, конечно, не имеем права требовать от автора, чтоб он, в своей повести, изобразил нам известное время так, а не иначе, да и вообще мы должны рассматривать только то, что автор нам дает, а не задавать ему задач, которых он, может быть, никогда не захочет выполнять. Но, говоря об авторе, сошедшем с поприща жизни, мы вправе обратить его недостатки в собственное назидание.

Писать в виде повести историю известного времени можно различными способами. Можно, вовсе не трогая исторических фактов и лиц, изобразить данную эпоху так, что повесть выйдет строго историческою. Можно прикасаться к известному веку слегка, мимоходом, так что только самый опытный читатель уловит осязательную точку соприкосновения свободного вымысла с историческою действительностью. Но, во всяком случае, от автора требуется, чтобы повесть была проникнута воздухом того времени, к которому относиться. Этого мы не видим, не чувствуем в Вечере накануне Ивана Купала. Повесть эта, отнесенная автором ко временам петровским или анненкинским, может безразлично быть отнесена к какой угодно эпохе, начиная с польского владычества до времен жизни самого автора. В ней всего захвачено понемножку, как это часто бывает у авторов, знающих историю своего народа только по нескольким случайно

прочитанным книгам. Вот, например, черта, отбрасывающая повесть Гоголя, Бог знает в какую старину, – пожалуй хоть во времена Наливайка:

„... нашего села и не узнал бы никто: хутор, самый бедный хутор! Избенка десять, необмазанных, неукрытых, торчало, то сям, то там посреди поля. Ни плетня, ни сарая порядочного, где бы поставить скотину, или воз. Это еще богачи так жили; а посмотрели бы на нашу братью, на голь: вырытая в земле яма – вот вам и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живет там человек божий. Вы спросите: отчего они жили так? Бедность, не бедность: тогда казаковал почти всякий и набирал в чужих землях не мало добра; а больше оттого, что не зачем было заводиться порядочною хатою. Какого народа тогда не шаталось по всем местам! Крымцы, Ляхи, Литвинство! Бывало то, что и свои наедут кучами и обдирают своих же. Всего бывало!”

Настроив таким образом воображение наше к созерцанию давно прошедшего, темного для нас времени, автор описывает, в общих чертах, лицо, которое не переносит нас ни в какую определенную эпоху и является каким то неопределенным, необъяснимым призраком. Можно бы прямо начать повесть с описания характера Басаврюка, вовсе не упоминая о Крымцах, Ляхах и Литвинстве, которые, держа Украину нашу в вечном ожидании опасности, выковывали таких пограничных феодалов, как Иеремия Вишневецкий, но вовсе не воплощенных чертей-соблазнительей, каким является у Гоголя Басаврюк. Личность эта, представленная в том свете, в каком являлась она суеверному воображению хуторских рассказчиков, могла бы быть изображена автором посреди какой угодно обстановки и в какое угодно время. Но лишь только он предпослал своему рассказу картину данного времени, – мы вправе ожидать от его рассказа живописи той, а не другой, эпохи.

Для нас не бесполезно заметить у Гоголя эту погрешность против искусства, потому что и наши, собственно так называемые украинские писатели впадают иногда в подобные ошибки. Приступая к повести, они не редко забывают, что всякая проведенная ими в начале черта должна иметь органическую связь с дальнейшим рассказом: иначе – в воображении читателя происходит хаос, который оставляет впечатление какого то насилия, сделанного автором благороднейшей части нашего ума. Например, Марко Вовчок, в Трех Долях, прежде всего описывает уединенные пещеры в меловой горе, которые какая то отшельница рыла в течении сорока лет. Это описание, сделанное с особенною, усиленною выразительностью, кладет в воображении читателя подмалевок повести и, при большей внимательности к предмету, имело бы для нее существенное значение. Но Марко Вовчок оставляет свою картину и остановившегося над нею читателя, во вред последовательности впечатлений, которые произведены им в нашем воображении, и уже под конец повести обращается опять к пещере в меловой горе, которая тут всего лучше и могла бы быть описана.

Гоголя нельзя упрекнуть в подобной небрежности. Он делал большие промахи в первых своих повестях, но все, что он писал впоследствии, было

обработаннее первых его опытов. Даже Ночь накануне Ивана Купала лучше Сорочинской Ярмарки тем, что в ней таких грубых ошибок против украинских нравов, какие указаны нами в разборе первой его повести.

Рассматривая вторую повесть Гоголя под условием раскрытия перед нами чего то нового для нас, под условием внесения в умственный капитал наш ясных понятий о том, чего мы до тех пор не понимали, мы в ней находим неверное изображение времени, к которому она отнесена автором, и даже в самом определении эпохи действия – грубую смесь разнородных моментов украинской жизни. Это производит такое впечатление, что автору не веришь далее ни в одном слове, видишь в нем молодого говоруна (каким он и был тогда в самом деле), но вовсе не художника, уважающего не эффект, а истинность в словесной живописи. В самом деле, Гоголь, вовсе не у места, побрякивает такими словами, как Запорожье, муки в плену у Турок, турецкая сабля, и проч. В его картине все это похоже на позолоту, употребляемую малярами там, где нужно бы было выразить красками блеск золота. Таков же почти и весь его рассказ о красоте и горе влюбленной четы. Повесть свою вкладывает он в уста балагура-дьячка. Силою таланта, который в детстве, очевидно, находил себе пищу в рассказах окружавшей его прислуги, гостей-говорунгов и, может быть, каких-нибудь стариков-пасичников, Гоголь часто возвышался до живой простоты речи, которая, в устах простолюдина, для своей убедительности, довольствуется практическим и, так сказать, эгоистическим прикосновением к жизни, и прибегает к украшениям поэтическим только в порывах страсти; но тут же рядом, без всякой надобности, рассыпает перед вами так называемые местные краски. Людям, видящим и любящим народ только на театральных подмостках, это нравилось во времена Гоголя и нравится в нем до сих пор; но на человека, который знает простолюдина не по книгам и спектаклям, это производит такое впечатление, как если бы поселяне являлись перед ним вечно в праздничных нарядах, с праздничным разгульем, играми, танцами, песнями.

Грустно как то, с нынешним нашим взглядом на простолюдина, читать рассказы Гоголя из простонародной жизни. Даже любовь его к поселянам теперь уже не может нравиться. Он обращается с ними в своих повестях – и конечно вовсе без умысла – так, как обращался во времена оны владетель душ, который, когда, бывало, заедешь к нему в качестве путешественника по Украине, велит одному-другому из рабочих оставить панщину, придется почище и позабавить гостя песнями или танцами. Положение гостя в этом случае самое тягостное. Не стать же читать любезному, обязательному хозяину проповедь о том, что такое человек; не броситься же ему на шею униженным братьям, прося прощения за человека одного с собою звания. Ни тот, ни другие не поняли бы его чувств. Остается молча наслаждаться заказными танцами и песнями. Так точно, лет десяток другой назад, дико показалось бы многим, если не всем, когда бы кто вздумал отвергнуть истинность в украинских поселянах Гоголя и оскорбился бы их изображениями во глубине души своей.

У Гоголя только и речи, что о полненьких щеках казачки, которые были свежи и ярки, как мак самого тонкого розового цвета, о ротике, который „кажись, на то и создан был, чтоб выводить соловьиные песни”, о поцелуях, которые молодежь неосторожно влепливает друг другу. Все это слишком сильно отзывается плохими театрами прежнего времени; это немного лучше белил, румян и заманчивых сценических случайностей; а где же самая жизнь? Где та возделываемая в поте лица почва, на которой только изредка вырастают цветы красоты ненаглядной и поэтической любви? Ее нет в рассказе Гоголя. У него все заготовлено только на праздник, на выставку. Позабавятся зрители, опустится занавес, а что и как делается потом, до этого не додумывался Гоголь, будучи автором украинских повестей. Додумался он до многого прозаически грубого только в тот период жизни, когда бросил мало известную ему сферу творчества и взялся за сферу, слишком хорошо ему известную. Тогда у него явилась и настоящая поэзия, поэзия жизни, хотя он чаще говорил о фризových шинелях, чем о полненьких щеках; а в украинских повестях из простонародного быта у него на каждом шагу встречаешь или эффектацию, или карикатуру. Жизнь и ее поэзия пробиваются у него здесь, сквозь театральность и искусственность, только как бы случайно, как будто мимо ведома самого автора.

Между тем, такова была сила изобразительности у Гоголя, что, создавая украинское простонародье по нескольким плохим и плохо ему известным образцам его, он придавал ему столько выразительности, столько движения, что на его картины, как на Рубенсовские уклонения от натуры, до сих пор невольно заглядываешься. Очень естественно было восхищаться им безусловно в то время, когда сам Пушкин должен был показывать вид, что литературой занимается только для забавы. Я хочу сказать, что в эпоху появления Вечеров на Хуторе от писателя требовалось только приятно и, если можно, изящно занять, увлечь общество, а как он это сделает относительно самого предмета повести и какое будет приобретение от чтения – вопрос об этом показался бы странным тогда огромному большинству читателей и самих критиков. Художественность или, что одно и то же, истинность изображений понимали, знали, видели и ценили у себя только сами поэты, делаясь строже и строже сами к себе, как это в особенности заметно из напечатанных Пушкиным сочинений и найденных у него, по его смерти, рукописей. Публика и ее критические представители видели иногда упадок в том, что было глубоко истинно, и потому просто, как в натуре.

Гоголь имел перед глазами великий образец самосовершенствования в Пушкине и воспользовался им, с гениальной восприимчивостью, в повестях из хорошо известного ему мира; но мир простонародный до конца был для него закрыт и нем. Поэзия простонародной жизни сказывалась ему только сквозь народную песню, да и песню изучил он далеко не вполне. От этого любовники-простолюдины почти всегда объясняются у него так, как будто поют, а иногда и просто-напросто – словами известных каждому песен. Например: „Ивасю мой милый, Ивасю мой любый! Беги к Петрусю, мое

золотое дитя, как стрела из лука; Расскажи ему все: любила б его карие очи, целовала бы его белое личико, да не велит судьба моя”, и т.д.

Тотчас видно, что автор не слышал собственными ушами, как говорит любящая поселянка-Украинка; он только слышал, как она поет.

Дивно поэтическим народом показались его современникам наши простолюдины, по нескольким сценам из их быта, которые он написал не по вдохновению глубокого уразумения своего предмета, а сочинил механически, обращая, как делают компиляторы, стихи народных песен украинских в великорусскую прозу. „Ворон черный прокрячет, вместо попа, надо мною (говорит у него влюбленный парубок), гладкое поле будет моя хата; сизая туча – моя крыша; орел выклюет мои карие очи; вымоют дожди казацкие косточки, и выхорь высушит их”.

На наш вкус, в рассказе дьячка, – это холодная, натянутая риторика, а не поэзия; для нашего чувства это – мертвые слова, произносимые автоматом, – диссонанс в общем тоне рассказа; но, во времена оны, многие, если не все, думали, что наши девчата и парубки именно такую декламациею выражают свои глубокие чувства, а говорливые дьячки, именно таким тоном и складом, ведут рассказ в кругу хуторских гостей пасичника.

Мы надеемся, что из этих указаний читатель увидит, что Гоголь, и относительно местных, национальных или народных сторон жизни, оказывается для нас повествователем, не только не вносящим в область наших понятий ничего прежде нам неизвестного, напротив – кажет нам народ украинский сквозь какое то розовое стекло.

Он не понимает народа, в его поэтической повседневности, и потому считает необходимым набелить, нарумянить его, нарядить по праздничному и вложить ему в уста перифразированную песню. Это отзывается тем временем, когда французские литераторы считали неприличным показать своей публике Шекспира таким, каков он есть, и очень усердно брили его, пудрили и надушали, в своих переводах и переделках. Ясно, что они не понимали его, как не понимал Гоголь украинского простолюдина, этого единственного родного, кровного чада поэтической истории Украины. Поэтому, кто бы захотел по Гоголю изучать Украину со стороны этнографической, тот, вместо приобретения от него новых понятий о великой области жизни человеческой, рискует нажить ошибочный взгляд на самую характеристическую, если не на самую лучшую часть русского мира, как это и действительно случилось со многими. Мне попадались очень умные люди, которые слышать не хотят об иной Украине, кроме Гоголевской, тогда как Гоголевская Украина в натуре не существует. Один господин, очень не глупый в том, что он изучал непосредственно, простер свою ревность к авторитету Гоголя до того, что сказал разгорячась, в присутствии многих слушателей: „Я, пожалуй, с вами соглашусь, что Украина не такова на самом деле, какую изобразил ее Гоголь; но он, как гениальный писатель, изобразил ее такою, какою она должна быть и, конечно, будет”. Так велика потребность истинности в литературных произведениях для каждого живого читателя! Так тяжело убедиться каждому, что любимый писатель не принес нам той

пользы, какую должно приносить нам всякое разумное дело, и всего больше – дело литературы!

Что касается до нравов и обычаев, изображенных в Вечере накануне Ивана Купала, то, после всего нами сказанного, нельзя и ожидать, чтобы они были изображены мастерски, т.е. с глубоким уразумением смысла каждого такого явления, как отеческий деспотизм, или злодейства, совмещающиеся в одной и той же душе с любовью, или какойнибудь таинственный, странный обряд и т.п. Все это представлено у Гоголя в виде какой то номенклатуры, бросается в глаза яркою пестротой, точно на ярмарке или в кукольной комедии; но когда вы остановитесь над какимнибудь поразившим вас предметом, вы никак не отыщете органической связи его с другими, и чем вы будете внимательнее к рассказчику, тем менее он вас удовлетворит. Для размышляющего читателя это всего интереснее замечать у Гоголя – у того Гоголя, который, впоследствии, начал так полно обнимать каждое явление жизни, так убедительно изображать нам его практическую сущность, посредством самой увлекательной живописи.

В повести Вечера накануне Ивана Купала, все лица написаны тою эскизною манерою, по которой знаток тотчас видит, что, если бы живописец захотел посидеть над своей картиной и, что называется, докончить ее, то он прибавил бы к ней только вялость рисунка и мутность колорита. Совсем иное впечатление производят наброски Пушкина, оставшиеся в его бумагах: каждая черта в них намекает на богатство знания или, лучше сказать, разумения художнического в том, о чем он хочет с нами беседовать, и, под цельными красками, под играющими неопределенно линиями рисунка, вы уж видите у него прочную органическую связь, видите талантливое построение пьесы, которое само по себе настраивает вашу душу поэтически.

У Гоголя, Корж, его дочь красавица, ее любовник и потом муж Петро, колдун и колдунья, – все эти лица представляются нам неясно, потому что намалеваны без строгого рисунка, хорошо обдуманного и проверенного на натуре. Они принадлежат к украинскому народонаселению только по своим нарядам и фразам, выхваченным то из украинской песни, то из украинской беседы, в виде чего то лучшенького, достойного внимания публики по своей оригинальности. Но, если бы их перерядить в другую одежду, да исключить из их речи такие слова, как хата, оселедец, рушник, кобза, то все мы призадумались бы, что это за народ: Испанцы, Греки, Молдоване, Сербы или Поляки? Нет, Гоголь, впоследствии, начал нам представлять народность, не со стороны одежды и поговорок, как дельвала вся честная братия наша, во времена Юрия Милославского: он отыскал в русском человеке такое, чего не имеет никто из всех его соседей, и выведенных им, в его повестях, русских людей угадал бы каждый даже в аду, где, как известно, будет нам не до условий общежития.

Не проникнув в характер времени, к которому повесть относиться, упустив из виду этнографию и все, что от нее зависит, не выразив индивидуальности действующих лиц, Гоголь по этому самому не мог добраться и до сердца человеческого. Лица, действующие у него, при каких

то неопределенных общественных обстоятельствах, посреди искусственной обстановки, напоминающей детский театр, лица, носящие свои имена только в виде кличек, но похожие на тысячи других людей с теми самыми или иными именами. Не говорят ничего нашей душе, живут, так сказать, жизнью кукол, которые движется перед нашими глазами и исполняют свои роли более или менее удачно, но когда закроется ящик, составляющий их тесный и убогий мир, между ними и нами остается одно воспоминание, что мы их видели; в душе нашей не прибавили они ничего и даже ничего не тронули. Поэтому повесть Вечер накануне Ивана Купала мы относим к бесполезным произведениям фантазии, без которых общество могло бы обойтись точно так же, как и без мыльных пузырей. Если она не позабыта нами совсем и не выброшена из наших библиотек, то единственно потому, что написана пером, которым написан Невский Проспект, Шинель и другие истинно художественные произведения Гоголя. Напечатанная в одном с ними собрании, она приносит нам пользу отрицательную, – именно ту, что на нее мы можем указывать, как на детское маранье неопытного в искусстве гения, для которого, в его великом деле, точно так необходима наука самосовершенствования, как и для людей обыкновенных – в их малых делах.

При жалком состоянии тогдашней исторической науки вообще и истории Украины в особенности, при совершенном отсутствии народоизучения, которое и в наше время находится в детском состоянии, наконец при ничтожестве эстетического образования в тогдашних учебных заведениях и в самом обществе, доступном Гоголю, он ни коим образом не мог начать литературную свою деятельность с чего-нибудь более ценного, как Сорочинская Ярмарка и Вечер накануне Ивана Купала; но посмотрите, как он идет вперед почти с каждою новою повестью и прокладывает себе верную дорогу, посреди всех препятствий, каковы: слепая критика, тупое понимание его таланта, со стороны большинства читателей, и, что всего опаснее, неумеренные похвалы его друзей и почитателей. Вот почему, стоит не только иметь у себя на полке, но и читать первые повести Гоголя, и в особенности молодым писателям, озаренным уже новыми понятиями об искусстве, наученным искусству самим же Гоголем, то есть его последними, зрелыми произведениями. Талант в этих повестях виден повсюду (и именно – во всем, что Гоголь знал, на что он смотрел собственными глазами), но этот талант бродит в потемках, и потому возбуждает в знатоке участие, подобное тому, с каким человек сформировавшийся следить за жизнью молодого человека, возбуждающего великие ожидания. Гоголь эти ожидания оправдал, и оправдал блистательно.

Основа. – 1861. – № 9 – С. 56-68.

П. Кулиш
Обзор украинской словесности

Гоголь, как автор повестей из украинской жизни
Статья четвертая

В повести Майская Ночь или Утопленница, Гоголь является попеременно то великим живописцем того, что он видел, или мог живо себе представить, то фальшивым рассказчиком о том, чего никак не возможно вообразить без предварительного изучения. Блистательны у него описания природы украинской, хороши небольшие сцены, которых свидетелем не трудно быть в Украине; но все, что относится к чувствам, обыкновенно таимым в душе каждого, к чертам характера внутренним, а также к нравам и обычаям народным, – все это так слабо, сбивчиво и даже вовсе неверно, как всегда бывает у писателей, более воображающих действительность жизни, чем ее знающих. Пройдем по всей повести, с начала до конца.

Вторая и третья строки ее обнаруживают, что Гоголю были известны ночные забавы сельской молодежи только по наслышке. Он говорит, что „утомленные дневными трудами и заботами парубки и девушки собирались в кружок, в блеске чистого вечера.” Если бы он умолчал хоть о дневных трудах, то можно было бы еще подумать, что дело происходит в праздничный день. В будни же „блеском чистого вечера” пользуются наши поселяне, чтобы окончить заботы о домашнем скоте и приготовить вечер для трудившейся целый день семьи. Последний отсвет дня на небе служит им вместо лампы за вечерою, как изображено и в одном из стихотворений Шевченка:

Сім'я вечера коло хати,
Вечіря зіронька встає.

Уличные песни начинаются только тогда уж, как все старое и малое, все степенное и удержанное дома заботами о детях, уляжется спать. Вот почему у Шевченка, в том же стихотворении, говорится:

Затихло все, – тільки дівчата
Та соловейко не затих.

У Гоголя, напротив, читаем: „Уже и сумерки, а песни все не утихали”. Да они едва начинаются в сумерки! Серенада же в сумерки, перед дверью хаты, в которой живет кохана дивчина, как представлено у Гоголя, не возможна, потому что родители вообще с неудовольствием смотрят на уличные ночные забавы дочерей, а тут вызов дочери на тайное свидание был бы слишком для них явен. Как бы ни были они сами по себе поблажливы, да побоялись бы за добрую славу дочери-невесты со стороны соседей. Поэтому-то, в народной песне, о влюбленном парубке поется так:

До віконця припадає,
Стиха промовляє:
„Вийди, вийди, дівчинонько,
З рубленої хати:
Тепер нічка темненькая –

Не знатиме мати.”

Гоголь построил свою любовную сцену в песне:

Сонце низенько,
Вечір близенько,
Вийди до мене,
Моє серденько,

которую и вложил в уста парубка-бандуриста; но, не зная, как именно это делается у поселян, он не понял, что здесь говорится о близости вечера в том смысле, что, когда вечер погаснет, можно будет любящейся чете повидаться без свидетелей (в чем и состоит прелесть свидания). Странно было бы вообразить в виду всех поселян такую сцену, о какой мечтает влюбленный парубок, нетерпеливо следящий за сидящимся ниже и ниже солнцем:

Ой вийди, вийди,
Не бійсь морозу:
Я твої ніженьки
В шапочку вложу, и пр.

Упоминание о морозе должно было бы перенести воображение Гоголя в ту пору года, которая особенно благоприятствует ночным свиданиям – и потому, что конечны полевые работы, и потому, что ночи тогда очень длинные; но у него молодежь тешится уличными забавами в майскую ночь, а влюбленные толкуют в эту пору года о близкой свадьбе, которая возможна для поселян только осенью, зимою и раннею весною, но никак не в косовицю. В это время и один потерянный день много значит в простом сельском хозяйстве, где каждый член семьи должен работать изо всех сил. Но положим, что молодежь, из любви к ночным удовольствиям, обходится самым кратковременным сном, что в самом деле случается; только, не зная, как именно распоряжается поселянин летним временем, Гоголь заставляет волостного голову беседовать у себя в хате с винокурором, спустя долгое время после ужина, без всякой экстренной надобности: это – осень, а не май, когда ужинают обыкновенно при „блеске чистого вечера,” вне хаты, и ни в одном окне на селе не увидите ночью огня. Впечатление осеннего времени неумышленно усиливает автор, упомянув, что свояченица головы в это время сидела на лежанке, поджавши под себя ноги. Еще большая выходит несообразность, когда пьяный Каленик, попав к голове в хату, воображает свою жинку лежащею на печи. Поселяне летом редко спят и в хате, не только на печи. Но это мелочи, а вот черта нравов, обнаруживающая в Гоголе решительное непонимание простонародных украинских нравов.

У него голова представлен отъявленным волокитою. Положим, что старик, у которого есть взрослые дети, был „похотлив”, как поют о нем в своей песне парубки; но так ли он выразит этот порок, как какой-нибудь отставной капитан или просто помещик, отец взрослых детей? Мы

пропустим без внимания, что Гоголев голова заглядывается на всякое смазливенькое личико, и даже то, что он „шатается под окнами молодых девушек”; но вот что по-истине странно. В майский вечер, после того, как его сын вызвал серенадою любящую его девушку, наговорился и нацеловался с нею досыта, голова вызывает на тайное свидание ту же самую девушку, и между ними повторяется разговор о сватовстве, который составлял цель свидания молодых людей. Ганна говорила сыну, между прочим, вот что:

„Я тебя люблю, чернобровый казак! За то люблю, что у тебя карие очи, и как поглядишь ты ими – у меня как-будто на душе усмежается: и весело и хорошо ей; что приветливо моргаешь ты черным усом своим; что ты идешь по улице, поешь и играешь на бандуре, и любо слушать тебя!”

Потом она допрашивает его: говорил ли он с отцом об условленной между ними женидьбе?

В тот же вечер та же самая девушка говорит отцу, в темноте, под деревьями:

„Ты лжешь, ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не поверю, чтобы ты меня любил”.

Ни единым словом не предуведомил Гоголь своего читателя, что его красавица, исполненная детской мечтательности и простодушной поэзии, способна играть роль самой лукавой гризетки. Но голова в роли Ловеласа еще у него интереснее. Видите ли, старику захотелось жениться на возлюбленной своего сына, как Филиппу Второму на невесте Дон-Карлоса, и он добивается этого счастья самым удобным для него способом. Недоставало ему еще одного: спеть под бандуру в сумерки:

Сонце низенько,
Вечір близенько,
Вийди до мене,
Моє серденько!

Московский „День” нашел по себе критика для обороны украинских повестей Гоголя от моих указаний на его погрешности против народописания. Может быть, глядя глазами Москвичей на нашу сельскую жизнь, г. Максимович оборонит и эту, как он, без сомнения, скажет, „поэтическую, высоко художественную сцену”; но нам, не разорвавшим живой связи с нашим народом, жаль, что повести Гоголя пустили о нем в русское читающее общество столько превратных понятий. Почтенному, уважаемому уже за одну его власть поселянину могло придти в голову – отбить у сына невесту, как и королю Филиппу Второму; но для этого он и обратился бы к своим преимуществам перед сыном, а вовсе не к тому, в чем ему мудрено соперничать с молодым любовником. В одной только московской газете подобные соображения не имеют места и вызывают оборону Гоголя от здравого смысла людей, которые, указывая на погрешности молодого таланта, высоко ценят этот талант в его дальнейшем развитии.

Но посмотрите, какую игрушкой представлялись Гоголю поселяне, как он поверхностно на них смотрел, как мало похожи они на людей! Влюбленный парубок, попав на сцену тайного свидания своей нежной голубки с отцом, и не помыслел о ревности, которая, сколько мы понимаем свойства души человеческой вообще и характер наших сельских любовников в особенности, должна бы быть у него господствующим чувством на ту пору. „Невольное покачивание головою и легкий сквозь зубы свист одни только выразили его изумление,“ – вот первое впечатление, произведенное на молодую душу возмутительною сценою женского лукавства.

„Ай да батько!“ говорил Левко, очнувшись от своего изумления (продолжает Гоголь) и глядя вслед уходившему с ругательством голове. „Вот какая за тобою водятся проказы! Славно! Постой же, старый хрен, ты у меня будешь знать, как шататься под окнами молодых девушек! Будешь знать, как отбивать чужих невест! Гей, хлопцы! Сюда! Сюда! Кричал он, махая рукою парубкам, которые снова собирались в кучу: ступайте сюда! Я увещевал вас идти спать, но теперь раздумал и готов, хоть целую ночь, сам гулять с вами. Согласны ли вы побесить хорошенько сегодня голову? Что он в самом деле задумал? Он управляет у нас, как-будто гетьман какой. Мало того, что помыкает, как своими холопьями, еще подъезжает к девчатам нашим. Ведь, я думаю, на всем селе нет смазливой девки, за которою бы не волочился голова“.

Эта выписка поражает нас двойною неестественностью: отсутствием в любовнике хотя бы малейшего чувства неудовольствия к возлюбленной и полным забвением с его стороны, что голова все-таки отец его. Левко во всем разговоре с товарищами даже не назвал голову отцом. Хоть бы он сказал, что не признает его больше за отца. Нет, он просто относится к нему, как „вольный казак“ к голове и говорит о старческих его проказах таким тоном, как-будто в них для сына нет ничего особенно поразительного. Какое! Он тут же сложил про отца водевильную песенку.

„А у меня, как нарочно, сложилась в уме славная песня про голову. Пойдемте, я вас выучу, продолжал Левко, ударив рукою по струнам бандуры.“

У писателя, более близкого к украинскому народу, невольно явилась бы мысль, что дело идет об отце, и пусть уж Левко – самый безпутный из парубков (тогда как у Гоголя, напротив, он опозитизирован насколько это было для автора возможно); но ведь у тех, к кому он обращался, были тоже отцы. Неужели же ни в одной душе не явился упрек товарищу: „Левко, а все-таки он тебе отец!“ Ни тени чего-нибудь подобного не явилось в уме живописца украинских нравов, обороняемого г. Максимовичем. Его парубки с восторгом приняли предложение Левка и хором распевали следующий во всех отношениях безобразный пасквиль, сложенный сыном на родного отца:

Хлопцы, слышали ли вы?
Наши ль головы не крепки!
У кривого головы

Вдруг рассыпались все клепки.
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами!
Вспрысни, бондарь, голову
Батогами, батогами!
Голова наш сед и крив,
Стар, как бес, а что за дурень!
Прихотлив и похотлив:
Жметя к девкам... Дурень, дурень!
И тебе лезть к парубкам!
Тебя б нужно в домовину,
По усам да по шеям!
За чуприну, за чуприну!

Когда перечитываешь теперь первые сочинения Гоголя, и находишь в них местами такое поразительное отсутствие ума, чувства и вкуса, становится отчасти понятною излишняя строгость к нему таких критиков, как Полевой. Но, точно так, как порицатели Гоголя, из-за его погрешностей против природы человеческой, не видели достоинств молодой, слишком неопытной его фантазии, почитатели его, ради свежих, оригинальных красот нового таланта, не хотели видеть поразительных для нас его недостатков. Таков почти всегда бывает суд современников над первыми произведениями литературного гения. Горячий спор за него оканчивается обыкновенно взаимными уступками. Только умы неподвижные, неспособные развиваться ходом науки и самой жизни, остаются до конца верны первоначальным убеждениям.

Чтобы не возмутиться поступком Гоголевой героини Ганны и находить натуральным спокойствие ее любовника, заставшего ее на тайном свидании с „неожиданным соперником”, надобно быть или очень, очень юным, или очень ветхим. Пропев хором свой пасквиль под окном родной хаты и пустив в отцовское окно увесистым камнем (не известно, впрочем, своеручно ли), Левко долго дразнит еще отца переодеваниями, наконец успокоивается и засыпает в сладких мечтах о возлюбленной, а после развязки повести видит ее спящею под отворенным окном, говорит ей сонной чувствительной нежности, крестит и радуется, что будет мужем той девушки, которая в одну и ту же ночь выходила из хаты на тайное свидание с сыном и отцом. „Какая незлобная, какая простосердечная натура украинская!” могут заключить из всего этого изучающие наш народ по повестям Гоголя. „В этом народе автору Отелло нечего было бы делать.” А между тем, песни этого народа часто говорят об отравках и убийствах из ревности, да и уголовные преступления в украинском простонародьи едва ли не чаще всего совершаются в безумии ревности. Но какое дело обороняющим Гоголя критикам до подобных фактов? Они решились оборонять Гоголя героически...

Таким образом, мы находим противоестественным отношения любящего парубка к его возлюбленной и сына к отцу, а на этих-то отношениях и основана вся повесть. В предыдущей статье мы говорили о

натянутости у Гоголя разговоров между влюбленными. В Майской Ночи – то же самое, как это видно из приведенной выше риторической тирады, в виде речи влюбленной сельской девушки. Гоголю, повидимому, так же трудно было придумывать речи в описании любовного свидания, как и его Ивану Федоровичу Шпоньке. Тот заговорил с барышнею о мухах; у Гоголя сельская красавица от сомнений в возможности счастья, от задушевной беседы с милым парубком, переходит по-детски к счету звезд.

„...Да тебе только стоит, Левко, слово сказать – и все будет по-твоему. Я знаю это по себе: иной раз не послушала бы тебя, а скажешь слово – и невольно делаю, что тебе хочется. Посмотри, посмотри! Продолжала она, ... Посмотри: вон, вон далеко мелькнули звездочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая...” и начинается действительно детский разговор, что дескать ни один дуб не достанет до неба, что Бог спускает с неба лестницу перед светлым воскресеньем... До того ли им в их затруднительном положении? Все это похоже у Гоголя на то, что говорится в пословице: Чув, що дзвонять, та не знав, у якій церкві. Вся эта сцена не создана, а слеплена из того, что сохранилось в памяти автора от бесед с няньками-украинками. Может быть, даже и самый счет звезд взят Гоголем из известной песни:

Ой ти в хаті, я на дворі;
Вийди, серце, злічим зорі.

Но в таком случае, он упустил из виду следующий за этим стих, определяющий смысл песни:

Не лічила і не буду...

Слияние чудесного с действительностью в Майской Ночи сделано Гоголем по образцу Гофмановых повестей, но без Гофмановского искусства. Каким образом очутилась в руке уснувшего парубка записка комиссара? На этот вопрос можно отвечать только: так было угодно автору. Но и самая записка, независимо от чудесности ее получения, исполнена невероятности, которую можно объяснить только молодостью автора и его незнанием, как стоят вещи украинской сельской жизни. Гоголь представляет комиссара неограниченным деспотом, которого прихоть принимается, как абсолютный закон, волостным головою в таком чисто семейном, неподлежащем полицейскому ведению деле, как женитьба сына. Стоит нам прочесть эту записку, чтобы судить, до какой степени читатели и критики Гоголя верили ему во всем, что бы он ни сказал о своей родине.

„Приказ голове, Евтуху Макогоненку. Дошло до нас, что ты, старый дурак, вместо того, чтобы собрать прежние недоимки и вести на селе порядок, одурел и строишь пакости; а вследствие того, приказываю тебе сей же час женить твоего сына, Левка Макогоненка, на козачке из вашего же села, Ганне Петрыченковой, а также починить мосты на столбовой дороге и не давать обывательских лошадей без моего ведома судовым панычам, хотя

бы они ехали прямо из казенной палаты. Если же, по приезде моем, найду оное приказание мое неприведенным в исполнение, то тебя одного потребую к ответу. Комиссар, отставной поручик Козьма Деркач-Дришпановский”.

Смешно, но не сообразно с действительностью. Гоголь, вероятно, знал, что в каком-нибудь тридесятм царстве приближенные к деспоту люди не только готовы исполнить всякую прихоть своего владыки, но даже стараются предупредительно угадать ее. Иначе делаются дела в сельском мире относительно нелепого вмешательства полицейского чиновника в дела семейные, о которых он пишет на-ряду с починкою мостов и выдачею обывательских лошадей. Где Украина, изображенная Гоголем, обороняемым от нас московским „Днем”, мы не знаем. У нас, по обеим сторонам Днепра, такой Украины нет, разве отыщет ее, собственно для московской газеты, г. Максимович...

Незнание нравов и обычаев украинских, неуважение к человеческой личности украинского простолюдина так и разит на каждом шагу в первых повестях Гоголя. Волостной голова, которому влетел в окно увесистый камень, который был осрамлен пасквилом и при этом влюблен в молодую девушку, – по записке комиссара тотчас женить на этой девушке своего сына, буяна и соперника!

„Ну, да для именитого гостя... завтра вас поп и обвенчает. Черт с вами! Пусть комиссар увидит, что значит исправность!”

Если бы животные имели дар слова, может быть, они в подобных случаях так и говорили бы; не люди, да еще украинцы, да еще казаки, в лице почетнейшего между ними, могут говорить этак только на страницах украинских повестей, написанных для таких читателей и судей, каким являются, спустя тридцать лет, г. Максимович. Черт с вами! Это напутственное благословение отца, сказанное сыну, в присутствии писаря и других членов сельской громады! Подавленный, деморализованный рабством индийский парий, и тот иначе выражается в подобных случаях. Волостной голова в Украине слишком далек от Гоголева типа, в какой бы зависимости ни находился от полицейского своего начальника.

И какой легковверный этот голова! Вечером, в потемках, столкнулся, в роле Дон-Жуана, с сыном, а через час, много через два (судя по ходу повести), верит словам сына, что будто бы он „отлучался вчера вечера еще в город и встретил комиссара”. Но таких несообразностей, обнаруживающих авторскую небрежность к сущности искусства, много у Гоголя в первых его повестях. Ему, например, нужно, чтобы голова и двое спутников его столкнулись в потемках лбами с писарем и двумя его провожатыми, но тут же он говорит, что писарь был в жилете цвета винных дрожжей. Ему нужно женить Левка через несколько часов по получении комиссарской записки, – свадьба к услугам читателя. Не говоря уж о том, что дело происходило в мае, когда женятся только паны, живущие готовым хлебом; не говоря о пренебрежении к обряду сватовства, девич-вечера, приготовления Коровая, без которого сельская свадьба немыслима, хоть бы о том подумал автор, что и в самом богатом доме необходимы разные приготовления к приему

свадебных гостей. Все это соображение ненужные для живописца украинских поселян, по мнению устаревшей, ветхой, отупелой критики. Невольно вспомним карикатуру Квитки: „Ему кажешь: блакитна, а він товче: сіня-ста. Ему кажешь: не годиться, а він чухається та каже: Пічаво-ста: для Хохлов и такой Бог бряде”.

Но у Гоголя нелепости в изображении нравов, обычаев и характеров украинских выкупаются по крайней мере прекрасными описаниями природы и комической стороною явлений жизни, представленных у него более или менее в карикатурном виде. Чем же выкупить себя оборона его украинских повестей от критики, которая ищет в них истинности изображений, вдохновения от глубоко-почувствованной жизни и наконец пользы, какая необходимо должна для нас проистекать от уразумения известной сферы явлений при посредстве поэтического ясновидения?

Основа. – 1861. – № 11-12. – С. 1-11.

М. Максимович **Оборона украинских повестей Гоголя**

Много было писано и говорено разными лицами в осуждение нашего гениального Українця Гоголя и его бессмертных призведений; но никогда еще не ополчалась на его Украинские повести такая шумная и грозная критика, какая начата г. Кулишом, в 4 и 5 книжках „Основы”. Две довольно больших статьи посвящены разбору одной „Сорочинской ярмарки”, первой повести Гоголя, написанной в год переезда его из Украины в Петербург, т. е. в 1829 году. При этом „этнографо-критическом разборе” так ясно уже сказано и обо всех повестях Гоголя, что задача этой новой критики очевидна: доказать, что Гоголь – не знал простонародной Украины, смотрел на нее как барин, видющий в мужике одно смешное, и не понимал, как Малороссийский народ смотрит сам на себя. Задача мудреная, и от г. Кулиша, как сочинителя двух биографий Гоголя, вовсе неожиданная. Впрочем, такое невыгодное мнение о Гоголе было высказано г. Кулишом еще в 1857 году, в его Эпilogе к Черной Раде, напечатанной в Русской Беседе, и во Взгляде по случаю повестей Марка Вовчка, напечатанной в Русском Вестнике. Вслед за тем, в начале 1858 года, я поместил в Русской же Беседе мою статью о Черной Раде и ее Эпilogе, в которой я сказал несколько слов и в защиту Гоголя. Главное, что сказано мною, состоит в следующих словах: „что Гоголь очень достаточно знал историю Малороссии, язык и песни ее народа, и всю народную жизнь ее, и понимал их глубже и вернее многих новейших писателей Малороссийских, – то известно мне положительно и достоверно, как по прежним его занятиям, особенно 1834 и 1835 г., так и по его беседам со мною 1849 и 1850 г. Но свойство его поэтического гения было уже такого, что действительную жизнь он своевольно пересоздавал и преображал в новое бытие, художественно-образцовое; и в этом отношении наш другой великий художник, Пушкин, по свойству своего гения, в поэме „Полтава”, был покорене исторической действительности, чем Гоголь в своем „Тарасе Бульбе”. Тут высказано мое

давнее мнение о Гоголе, известное тем университетским слушателям моим, с которыми в 1835 году я разбираю критически „Тараса Бульбу”; оно известно было и Гоголю, приезжавшему ко мне того же года в Киев.

Критическая статья моя о „Черной Раде”, как видно тепер, сильно взволновала и ожесточила г. Кулиша, и онъ того же 1859 года написал свою новую критику, помещенную нене в „Основе”. Он объявляет, что именно моя статья о Черной Раде побудила его „взяться вновь за критическую работу над повестями Гоголя”. Этим объявлением он поставляет меня в обязанность новой защиты Украинских повестей; да и несправедливо было бы мне оставаться безответным на все, что сказал и еще скажет о Гоголе в своей критике г. Кулиш, со свойственною ему чрезмерностью. Грустно видеть, как неоглядно и самопроизвольно, в последние годы, он судит и рядит о Малороссийских писателях и всей Малороссийской словесности; будучи в тоже время самым ревностным поборником этой словесности...

Г. Кулиш мог себе переменить прежний, восторженный вид свой на Гоголевы Украинские повести; он мог запечалиться, по подобию Гоголя, над тем, что прежде смешило его; но это не значит еще, что и по всей просвещенной части Малороссийского народа произошла та же перемена. Он говорит: „Тепер, корда настали иные требования, указанные самим Гоголем в позднейших его произведениях, над его Украинскими повестями пырхают только такие люди, которые в познании Украины не выше столичных типографских наборщиков, а защищает их от строгой этнографической критики один только г. Максимович”. Если бы и в самом деле одному только мне пришлось защищать Украинские повести Гоголя от такой этнографической критики, с какой выступил г. Кулиш, и тогда я не отказался бы от этого дела. Я и на старости люблю по прежнему, как Украинскую весну, веселость первых повестей Гоголя которыми он заставил смеяться весь читающий Руський мир, от типографских наборщиков до Крылова и Пушкина и до комического актера, Щепкина та близко знавшего тогдашнюю жизнь Украины, простонародной и панской. Смех, возбужденный 20-летним Гоголем, был всеобщий, независимый от знания или незнания Украины читателями, не приходящий и до ныне. Ибо теперь многие земляки мои знающие Украину с этнографической стороны не менее г. Кулиша, не могут читать повестей Гоголя без смеха, без слез и без восторга.

Постановка и таких читателей на одну доску с типографскими столичными наборщиками – также забавна, как и та постановка Квитки и Шевченка в один ряд с Шекспиром и Вальтером-Скоттом, какую сделал г. Кулиш в „переднем слове до громады” (в Хате, 1860 г.). Иное дело когда оратор под конец того же переднего слова, возглашает к своей громаде так: „Позыраючи на своего Кобзаря, и всякий правдивый Украинський писатель повинен выдержавати пробу, на свою щербату долю не нарикаючи. Выдержуйте, небожата, и идите до самого конца, не лукавнующи родным словом, вмовчана правда краща од голосной брехни, хоть бы нехай хто выигравав брехню на золотых гусях!” Вот об этом охотно можна сказать:

гаразд говорить! Как было некогда сказано козацкими старшинами на переднее слово до громады Гадяцкой.

Обращая на голову Гоголя его собственное суровое самоосуждение и выхваляясь своим нынешним знанием Украины, г. Кулишъ говорит „Что мудрено, если люди, содержащие в уме в тысячу раз больше против него памятников народной поэзии, люди, озаренные такими писателями, как Квитка и Шевченко, и при всем том взрослые среди своего народа, находят многие концепции Украинских повестей Гоголя натянутыми, насильственными, и грустно качают головою над тем, что прежде их смешило”. Но такие люди, которые содержали в уме своем народных песен, сказок ли, или пословиц, в тысячу раз больше Гоголя – не люди, а небылицы в лицах. Если бы всех Украинских певцов прошедшего и нынешнего столетия сложить в одного человека, и тот не знал бы даже во сто раз больше Гоголя народных Украинских песен. Как бывший собиратель их с 1827 года, я обращаюсь ко всем другим собирателям: слышал-ли, записал ли кто-нибудь из них 25 тысяч Украинских песен? Да если бы и собрал кто такое богатство – оно было бы только вдесятеро больше того, какое было под рукою Гоголя в 1834 году, перед сочинением „Тараса Бульбы”. Зачем же тысяча вместо пятка или десятка? К чему такая демонстрация в строгой этнографической критике?...Что же касается до озарения такими писателями, как Квитка и Шевченко, то оно должно быть очень сильно в г. Кулише, ибо он называет их – „великими духами, которые уже вселились в нас и ведут нас наземнованною от самого Бога дорогою.” Так он называет Квитку и Шевченка в предисловии к повестям Марка Вовчка, 1858 г. Этнографическому критику до того опротивел веселый юмор повестей Гоголя, что, по поводу одной смешной сцены (Хиври с поповичем) он выражается о Гоголе так, как-будто говорит о Брамбеусе (Сенковском). Он говорит: „Комическое поясничание теперь уже ничего не значит в литературе. Теперь от писателя сцен из народного быта требуется той внутренней связи автора с народом, которая на каждом шагу в произведениях Квитки и Шевченко.” На каждом шагу!...Но почему бы тут кстати не назвать уже и произведений Марка Вовчка? Говорил же г.Кулишъ, в своем „Взгляде”, что „такою живою, не отвлеченною, не мечтательною любовью к народу не загорался у нас еще ни один писатель!”

Впрочем, он говорит о писателях – как вздумается, не зная меры ни в похвалах, ни в осуждениях. Так у него, еще и в Эпилоге, было сказано, что Гоголь своими Украинскими повестями „с одной стороны – показал своему родному племени, что у него есть и было прекрасного, и с другой стороны – открыл для Великороссиян своеобразный и поэтический народ, известный им дотоле в литературе только по карикатурам.” В новой критике своей г. Кулишъ рассуждает уже так: „Если теперь еще чувствуется недостаток в пособиях для народоизучения, то что же сказать об эпохе тридцать лет назад? Что могли доставить тогдашние книги Гоголю, желавшему знать Украину, но не знавшему ее в такой степени, чтобы своими повестями не профанировать своего народа и собственного великого таланта?”

В эпилоге он назвал язык Шевченковых стихов – „совершеннейшим органом Малороссийского ума, чувства и вкуса”, и сказал: „Здесь чувствуется прелесть, в которой не можешь дать себе отчета, но которая не имеет ничего себе подобного ни в одной Славянской литературе!” Если бы в этой гиперболе о „совершеннейшем органе” была действительная правда, то г. Кулиш не сказал бы в конце того же Эпилога, что, решаясь написать Черную Радугу на Малороссийском языке, он – „сделал поворот на дорогу едва проложенную и для такого произведения, как исторический роман, представляющую множество ужасающих трудностей”...А вслед за тем, того же 1857 года, во Взгляде, по случаю повестей Вовчковых, он говорит вот что: „Прелесть языка в этих рассказах дивная! Казалось, после Шевченка, нечего было требовать больше от Малороссийского языка; но Марко Вовчок рассыпал в своих рассказах такое богатство родного слова, что, я уверен, сам Шевченко придет в изумление!” При таком объявлении, перед выходом в свет повестей Вовчковых, можно было подумать что там –

Алмазна сыплется гора...

Но оказалось, что те богатства, изумительные даже для словесного богача Шевченка, тоже гипербола! Щеголеватое убранство языка несколькими новоборанными словами, вместо общеупотребительных, не означает еще великих богатств. Прелесть языка Вовчковой прозы заключается в искусном выборе слов и оборотов из простонародной речи, и в художественно-стройном отчетливом их сочетании. Этою отборностью и законченностью в отделке благоустроенная проза Вовчка резко отличается от размашистой прозы многоглаголивого Квитки. „От поспешности не перечисляю ничего и не забочусь об округлении мысли, дую с плеча...художественности у меня не найдете и я не умею, не могу ею заняться” – писал ко мне в 1840 году достопамятный повествователь Слободско-Украинский.

Но пусть бы г. Кулиш свои литературные мнения выдавал только от своего лица: на это каждый из нас имеет неотъемлемое право. А он – свои личные мнения и парадоксы выдает иногда за мнение всей Малороссии, от лица всех Украинцев, и таким решительным тоном, как-будто он и в самом деле наш уполномоченный избранник и представитель. Так, в Эпилоге своем, он говорит о Квитке: „Но Малороссия не позабыла первых повестей его, и, не смотря на малоизвестность его в России, ставит его на ряду с величайшими живописцами нравов и страстей человеческих, каковы Вальтер-Скотт, Диккенс и наш Гоголь. Он уступает им в разнообразии предметов творчества, но за то в своем роде, который составляет самую трудную задачу для современного писателя, далеко превосходит каждого”. Нет, это мнение только одного г. Кулиша, исключительная особенность его личного вкуса, и не господствующее мнение читателей Малороссии! Она доходила до такого безобразного величания Квитки даже и в тридцатые годы, когда он был на вершине своей литературной славы. Постановка его не только на ряду с Вальтер-Скоттом, Диккенсом и нашим Гоголем, но еще и далеко выше – знаменует большое невежество критики и скудоту поэтического разума; а

Малороссия, слава Богу, не была еще в таком упадке своего эстетического чувства и смысла. В настоящее время она дорожит повестями Квитки потому более, что они были первые на Малороссийском языке и оставались почти единственными в продолжении двадцати лет; до появления Марка Вовчка, который возвысил Малороссийскую повесть на новую степень художественного совершенства.

С таким же самопроизвольным представительством, в новой критике своей г. Кулиш отрекается решительно от Гоголевых Украинцев и, по подобию старых универсалов, возглашает: „Мы, все те, кто в настоящее время имеет Драгоценное право называть себя Украинцем объявляем всем, кому о том ведать надлежит, что разобранные и упомянутые мною типы Гоголевых повестей – не наши народные типы, что хотя в них кое-что и взято с натуры и угадано великим талантом, но в главнейших своих чертах они чувствуют, судят и действуют не по Украински, и что по этому, при всем уважении нашем к таланту Гоголя, мы признать их земляками не можем”. Такое универсальное отречение и объявление от лица всех Украинцев, должно показаться для них очень странным – уже потому, что г. Кулиш не настоящий Украинец, а Северянин, из того конца Малороссии, жители которой издавна зовутся на Украине, хотя неправильно, Литвинами Литвою.

Но он, для отречения от Гоголевых Украинцев, не довольствуется современным поколением Украины. Вдаваясь в прорицание о будущем, он говорит, что и Украинцы XIX столетия не назовут Гоголевых Украинцев своими предками! К этому прорицанию он прибавляет такую оговорку о себе: „Или уже пишуший эти строки и все, чем он их оправдывает, есть грубая ошибка”. Я полагаю, что все это есть грубая ошибка, именно грубая!

Собравшись бросить свой этнографо-критический взгляд на завязку и развязку Сорочинской ярмарки, г. Кулиш говорит: „Тут мы укажем на слишком крупный недостаток относительно знания простонародной Украины, изображенной Гоголем в этой, как и в нескольких других повестях”. А под конец разбора он пишет такой приговор: „В Сорочинской ярмарке испортить нечего невозможно: она вся от начала до конца представляет самый красноречивый аттестат с каким жалким запасом простонародной Украины уехал Гоголь в 1829 году, в Петербург, откуда приезжал к матери, месяца на два, автором Вечеров на Хуторе, а потом еще раз, на некоторое время, прославленным автором Миргорода”.

Слишком крупный недостаток...жалкий запас знания... Много ответственности взял на себя этнографический критик за такие показания о Гоголе. Но посмотрим, чем и как он их оправдывает? Приглашаю посмотреть на это всех, кому дорога память и слава нашего достопамятного Украинца Гоголя.

День. – 1861. – № 3. – С. 15-16.

М. Максимович
Оборона украинских повестей Гоголя

О предисловии к Вечерам на Хуторе

Начну с начала, с первого Предисловия к Вечерам на Хуторе. Тут у Гоголя набросана небольшая картина Украинских вечерниц, таких именно, какие издавна и до ныне ведутся по хуторам: за тем следует другая, не важная для этнографии, но живописная картина вечеров, собравшихся у Пасичника Рудаго Панька, о которых продолжается речь и в предисловии ко второй части Вечеров на Хуторе. Послушайте, как отзывается об этих предисловиях г. Кулиш, когда бывает он в добром расположении к Гоголю.

„Надобно быть жителем Малороссии или, лучше сказать, Малороссийских захолустий лет тридцать назад, чтобы постигнуть, до какой степени общий тон этих картин верен действительности. Читая эти предисловия, не только чуешь знакомый склад речей, слышишь родную интонацию разговоров, но видишь лица собеседников и обвиняешь напитанную запахом пирогов со сметаною или благоуханием сотов атмосферу, в которой жили эти прототипы Гоголевой фантазии”.

Эти слова приводятся целиком и в обеих биографиях Гоголя, и в новой статье о Гоголе, напечатанной в книге „Лицей князя Безбородько” 1859 г., следственно, они утверждены троекратным сознанием г. Кулиша. Посмотрите же, как он отзывается об этих прототипах в новой критике своей, будучи в дурном расположении к Гоголю.

В первой статье сказано так: „У нас на Украине до сих пор в ходу веселье и говорливые вечера, которые желал, искренно желал изобразит Гоголь, да к несчастью краски были приготовлены для него в книгах и в его обществе совсем не местные; потому он и характеризовал Великорусскою балалайкою Украинские вечерницы, а к Пасичнику Рудому Паньку назвал в гости карикатур. Впрочем может быть, в те времена, где нибудь на хуторе, близком к барской кухне, в самом деле водились вечерницы с балалайкою; а к такому Пасичнику, который пишет Российские городские повести из сельской жизни, езжали гости дававшие друг другу дулю (кукишь)...”

Тут – пропали уже и „родная интонация разговоров”, и „общий тон этих картин, до такой степени верный действительности” – и Паньковы гости стали карикатурами!...За что же такая обида знаменитому Фоме Григорьевичу, который намеривался дать дулю, да не успел дать, по случаю горячего кнisha с маслом, поставленного на стол догадливою хазяйкою?...Да если бы и дал он дулю тому гороховому паничу, Марку Назарьевичу, который так незносно завирался и важничал в их обществе, разве это было бы не по-Малороссийски? Неужели этнографический критик Гоголя не знает как в одной Украинской песне:

„На свидание за чуб смычуть,
А на обед дули тычут,
На полудень кулаки
Засовають за боки...” и т.д.?

Как в другой песне, бойкая девчина:

„На парубка моргнула,
Ему дулю сгорнула”?

А в третьей песне:

„Дала дулю, дала дви:
Ты поганый, а я не!”

Довольно, кажется, этих трех примеров для показания, что дуля есть краска, приготовленная не в книгах, а в обществе простонародной Украины. Подобно тому и балалайки на вечерницах – есть краска совершенно местная, без которой такому живописцу, как Гоголь, нельзя было и обойтись в картине хуторских Украинских вечерниц, писанной в тридцатых годах нынешнего столетия. Да и теперь еще, идет ли Украинский парубок на вечерницы (досветки), или на летние сборища сельской молодежи, которые называются улицею – он берет под полу своей свитки балалайку, которая более полувека уже, сменила собою на Украине старокозацкую кобзу или бандуру. Неужели это повесть и невидальщина для г. Кулиша? Повторяю же, что на Украинских вечерницах, не только хуторских, но и сельских, балалайка – первое дело! А чтобы убедить его в давнем употреблении на Украине этого музыкального орудия, я приведу авторитет для него важный – парубка Опанаса Левенца из Натали, поэмы старика Макаровского:

„Не вживав вон и кабаки,
И не пив горилки;
З нуду грав на балалайку,
Брався до сопилки.”

Но всего удивительнее то, что г. Кулиш так сильно увлекся желанием обличить Гоголя и здесь в незнании простонародной Украины, что даже не рассмотрел хорошего его Предисловия, не разобрал того, что в этом Предисловии хуторские вечерницы и вечера Паньковы – два собрания совершенно различные и несовместимые; и он, к несчастью, смешал их в одно сборище, да потом и толкует своим читателям, как важную новость: что такое Вечерницы Украинские. Во второй статье он говорит: „Может быть, не один из моих читателей слышал рассказы о вечерницах – не о тех, которые совершаются под балалайку и которые автор Вечеров на Хуторе мог видеть на барской кухне, а о настоящих Украинских хуторских Вечерницах. Это сходки молодых людей обох полов у одной из соседок, вовче не в доме зажиточного пасичника, к котрому ездят в гости горожа не, а непременно у какой-нибудь одинокой вдовы, у которой нет детей и в хате простороно...”

Отнеся к барской кухне вечерницы, изображенные Гоголем, г. Кулиш помещает свои вечерницы непременно у бездетной вдовы с просторою хатою... От чого же: непременно? А если нет на всем хуторе такой вдовы,

или хоть и есть, да не согласна она попустить своей хаты под гулливую заводню? То и другое случается нередко, и вечерницы (досветки) частехонько собираются у женатых людей (разумеется, не из лучшего десятка), особенно же в хате молодожонов. Но в хате таких почтенных старичков, как пасичник Рудый Панько и его гостеприимная супруга, там – только по великой ошибке г. Кулиша могли бать предположены вечерницы! Там собирались такие гости, каких на вечерницах не бывает и между которыми не было бы места для молодежи вечерничной. Там вечера собирались под праздник, корда на вечерницы (досветки) не ходять; ибо в суботник и под-праздничные дни нельзя прясть, по понятию и обучаю Украинского простолюдия, а на вечерницы (досветки) девчата ходять именно на-попрядки, что и замечено Гоголем. На Паньковых вечерах, конечно, была бы неуместна балалайка; там скорее всего звенят гусли...

Вспомним теперь, как изображены Вечерницы Гоголем от имени хуторянина Рудого Панька. „У нас мои, любезные читатели, не во гневе будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что Пасичник говорит вам запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму) у нас, на хуторах, водится издавна: как только окончатся работы в поле, мужик залезет отдыхать на всю зиму на печь, и наш брат припрячет своих пчел в темный погреб, когда ни журавлей на небе, ни груш на дереве не увидите более, тогда только наверно где-нибудь в конце улицы брежжет огонек, смех и песни слышатся издалеча, бренчит балалайка, а подчас и скрипка, говорит, шум... Это у нас вечерницы! Они, извольте видеть, они похожи на ваши балы, только нельзя сказать, чтобы совсем. На балы, если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку; а у нас, соберется в одну хату толпа девушек, совсем не для балу, с веретеном, с гребнями; и сначала, будто и делом займутся: веретена шумят, льются песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрянут парубки с скрипачем – подымется крик, затеется шаль, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя”.

Ясное дело, что у Гоголя хуторские вечерницы означены не одною балалайкою, а подчас и скрыпкою, и скрыпачем, к которому есть и девическая досветчаная песенка:

„Ой грай, коли граеш,
Коли добрый смычок маеш...”

У Гоголя потому сказано: „бренчит балалайка, а подчас и скрыпка”, что на Украинских хуторах парубки не всегда могут доставить скрыпача и тогда вечерницы „совершаются под балалайку”, а в последние годы он начинают совершаться и под так-называемую гармонию, распространенную по Украине торгашами Суздальскими.

Г. Кулиш продолжает свое изображение вечерниц такими словами: „Собираются на вечерницы как будто для работы, а в самом деле для того, чтобы вдали от надзора женатых, наговорится и послушаться речей, которые

не приходят на язык среди степенного люду, озабоченного детьми и хозяйством. Тут-то душа у каждой девушки на-распашку, тут-то льются поэтические песни; тут-то ее богатства сияют в живых речах, нестесненных предрержащую домашнюю властью; тут-то обнаруживается вся та природная грация, весь тот художественный склад мыслей, вся та доведенная до-нельзя утонченность в области чувства...” Но довольно! Здесь этнографическая критика г. Кулиша идилично представляет своим читателям одну только светлую сторону вечерниц, и – ни слова о темной стороне их, хотя она в действительной жизни берет решительный перевес над первой. Как же можно, порицая и отрицая Гоголево изображение вечерниц, такое удовлетворительное и верное, давать в замен его такое сбивчивое и одностороннее полупонятие!... „Тут-то льются поэтические песни...” говорит г. Кулиш: это правда (у Гоголя также сказано: „веретена шумят, льются песни”); но справедливость требует сказать, что там же льются и самые непристойные песни, что их без стыда поют парубки и девчата, соревнуя друг другу в сквернословии, что там ведется самое соблазнительное обхождение парубков и девчат, доходящее до совершенного разврата. Гоголь не даром сказал: „И заведутся такие шутки, что и рассказать нельзя!” Не даром и в Славянской Мифологии г. Костомарова, 1847 года, сказано: „И теперь особенно в Малороссии, на подобных игрищах в селах совершаются такие остатки языческого стыда, которые вовсе уничтожают те похвалы чистой нравственности поселян, какие нередко читаем в наших книгах”.

Как иначе, если не суесловием, назвать такие речи г. Кулиша о Гоголе, как например, следующие: „Гоголю, в его повестях из простонародного быта, повредило именно незнание простонародной Украины, именно то, что он не понимал, как смотрит сам на себя народ, и разумел народ по-барски. Он не подозревал, что простолюдины, в своей отчужденной жизни, сохранили в своих правах, обычаях, преданиях и чувствах, те первообразы национального характера, которых напрасно он искал в фамильных дворянских воспоминаниях и даже в самых песнях народных, рассматриваемых с литературной и научной точки зрения, без пособия народоведения”. Или: „Если бы Гоголь, при своем истинно-творческом даре, читал народные песни, как знаток простонародной Украины, они одни навели бы его перо совсем на иную сторону, и тогда бы сияющие жизнью, хоть и слишком яркие картины природы в Сорочинской ярмарке, сочетавшись с верною живописью нравов, сразу поставили бы его высоко в глазах истинного ценителя искусства в избранном им роде”.

Что же? Украинские народные песни, которые так любил Гоголь, и показали ему вовсе яснее, как смотрит Украинский народ сам на себя, в минуты своего поэтического одушевления и творчества, они-то и не дали нашему поэту-Украинцу смотреть на простонародную Украину – как на луну, которая видна на земле всегда только с одной стороны своей... И разве первые повести Гоголя не поставили его сразу так высоко во мнении всех истинных ценителей искусства, начиная с творца Полтавы и Онегина?... Известно письмо Пушкина, по прочтении Вечеров на Хуторе: „Они изумили

меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без чопорности. А местами какая поэзия, какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе необразумился...” и т. д. Приводя это письмо, в Опыте биографии Гоголя, г. Кулишь говорил: „Посмотрите, как верно оценил великий поэт своего еще неопытного в творчестве собрата по первым его произведениям!” А в новой критике он говорит уже не то. В первой статье, он говорит, что Гоголь в Вечерах на Хуторе был – „новичек в искусстве, снисходительно похваленный Пушкиным, тоже не знавшим Украины”. А во второй статье он говорит вот что: „Если бы в ту эпоху Украина, в области ученых исследований и литературных бесед, играла ту роль, какую играет в наше время, то Вечера на Хуторе показали бы передовым умам детским опытом, первенствующий поэт Русский не обратил бы внимания на то, что над ними пырхают наборщики в типографии”.

Считаю не лишним заметить, что Опыт биографии Гоголя сочинен г. Кулишем не прежде, как 1854 года, т.е. на пятнадцатом году его писательства.

День. – 1861. – № 5. – С. 15-16.

П. Кулиш

Несколько слов об обороне Гоголя и нападении его земляков

В уверенности, что редакция „Дня” уважает правило: *audiatur et altera pars*, посылаю ей свое рукописание. Заглавие статей г. Максимовича: оболтрона Гоголя, может ввести читателей „Дня” в ошибочное мнение о моей критике Украинских повестей Гоголя, чего, без сомнения, „День” не желает. Как бы ни много читателей имела „Основа”, в которой печатается моя критика, но, по самому составу своему, она не может быть читана везде, где читается „День”. По этому жители Костромской или какой-нибудь другой, чисто Великорусской губернии, судя о моей критике по обороне г. Максимовича, неизбежно должны остаться в убеждении, что я – какой-то фанатический преследователь Гоголя, а г. Максимович – его великодушный защитник. Неужели от подобного убеждения выиграет истина, которой без сомнения, желает служить „День”?

Я не буду покаместь опровергать г. Максимовича. Я только прошу тех, кто читал его оборону, прочесть мою критику в Основе и потом вывести свое заключение, по каким побуждениям и для какой цели писано то и другое. Я утверждаю в своей критике, что Гоголь не знал простонародной Украины настолько, чтобы не впасть в самые грубые ошибки против Украинских нравов и обычаев, и потом указываю, как благородный инстинкт великого таланта мало-по-малу выводил его из области жизни воображаемой в область жизни, хорошо ему известной, где наконец гений Гоголя и проявился во всем своем величии. Какое же место тут обороны? От чего тут оборонять Гоголя? Можно указывать погрешности критика; но выступить против него под знаменем обороны значит объявить его врагом Гоголя.

Покаместь, я разобрал только две первые повести Гоголя, и хотя этому разбору посвящено довольно много листов, но я все еще стою при начале своего труда. Сам за себя мой труд говорит еще не может; но одни его размеры показывают, сколько должно быть употреблено времени на приведение его к окончанию. Положим, что авторство мое именно таково, каким представил его г. Максимович; но все же я занимался Украиною специально, я видал Украинскую жизнь не на одних только столбовых дорогах. Неужели же во всем том, что я говорю и что могу сказать еще о Гоголе, нельзя предположить пользы для людей, незнакомых с Украиною или знающих ее мало? А между тем оборона Гоголя, по своему заглавию и по тону, должна отвратить читателей „Дня” от чтения моих критических статей о Гоголе. Что ж это выходит? Ни дать, ни взять – рыночная сцена из повести Гоголя, где торговки отзываются одна о другой так: „не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверна!” и пр. и пр. Помещая на своих страницах оборону г. Максимовича, „День” выражает этим конечно только уважение к свободе мнения, потому что странно было бы приписывать и самому „Дню” оборону Гоголя от критика, который высказал между прочим о Гоголе следующее.

„Упреки, сделанные мною искусству Гоголя-Украинца, были бы слишком тяжки и унижительно для всякого иного писателя с его недостатками; но Гоголю следовало сделать эти упреки, в славу торжества его над самим собою. Какая поразительная у него разница между изображением местных нравов и обычаев в Вечерах на Хуторе и в Мертвых Душах!.. Гений произведший Мертвые Души, был тот же самый, который произвел и Вечера на Хуторе; но между ними та разница, что между зрением, образованным и необразованным. Сила зрения одна и та же, но понимание и воспроизведение природы в картине – совершенно иные... Гений, невооруженный наукою, знанием своего дела, опытностью – дело иное, и гений, созревший и выразивший себя вполне – опять дело совершенно иное. Поэтому если уже отстаивать неприкосновенность достоинств Гоголева таланта, то следует разуметь под этими словами не непогрешительность Гоголя в искусстве, а гениальную работу его над искусством, освободившую его мало-по малу от прежних, слишком важных недостатков”.

В то самое время, как г. Максимович обороняет от критики Украинские повести Гоголя, в № 5 „Дня” напечатана статья против Украинско словесности (Голос из Угорской Руси) и подтверждена выпискою из моего эпилога к „Черной Раде”. Автор этой статьи, г. Раковский, приведя несколько моих слов, оторванных от общего смысла эпилога (как делает и г. Максимович), дает моим убеждениям противоположный характер. Выходит по его выписке, так, как будто я обижаюсь предположением во мне желания образовать отдельную словесность, тогда как по смыслу всего эпилога, я обижаюсь, или обиделся бы, если бы кто вообразил, что я желаю „образовать отдельную словесность в ущерб словесности общерусской”. Весь эпилог мой для того только написан, чтобы выразить мое убеждение, что от образования отдельной словесности (которого я никак не принимаю –

как можно заключить из выписки – на одного себя) ни коим образом не может произойти ущерба для словесности общерусской. „Русская Беседа”, в которой напечатан этот эпилог, имела мало подписчиков сравнительно с „Днем”, да притом прошло уже четыре года со времени напечатания в ней эпилога. Читая теперь выписку из него, приведенную в доказательство невозможности отдельной словесности Украинской, многие могут подумать, что я тоже так думаю, как угодно думать г. Раковскому. Спрашиваю опять у редакции „Дня”, что выиграет истина от того, что его читатели останутся в таком убеждении на счет одного из ревностнейших деятелей отвергаемой г. Раковским отдельной словесности? Эпилог к „Черной Раде”, довольно выразительно говорит, чего желаю, во что верую я вместе с другими Украинцами; но не мешает заметить, что он целый год не мог быть напечатан и появился в печати с сокращениями. Больше об этом говорить мудро покамест; но следует ли оставлять без внимания факт, случайно остающийся в тени? Г. Раковский, живя в Венгрии, может многого не знать; но ссылаться Москвичам на его статью, в споре, который возник уже и между самими Великорусами pro и contra отдельности Украинской словесности, – более нежели странно!

День. – 1861. – № 7. – С. 17-18.

М. Максимович

Оборона украинских повестей Гоголя

О смешных прозваниях

Перехожу к этнографической критике Сорочинской ярмарки. С самого начала не показав еще ничего в этой повести, а только назвав имя парубка – Голопупенко, г. Кулиш уже возглашает: „Не угодно ли заглянуть в повести Квитки (Основьяненка); там увидите не ту простонародную Украину, которая, мимо ведома Гоголя, высовывается вовсе не по Украински в Украинских повестях его”. Тут, кажется, сам критик почувствовал всю неуместность своей выходки; ибо он прибавляет: „Но мы увлеклись мелочью!” В самом деле, слишком увлекся он мелочью, если не воздержался вкинуть такое предупредительное словцо обо всех Украинских повестях Гоголя – из-за одного смешного имени, и при том такого, которое не самим Гоголем и выдуманно, а взято им из множества подобных прозваний, существующих в Украинском простонароде. В предисловии Рудого Панька сказано: „Как дадут кому люди какое прозвище, так и во веки веков останется оно!” Мы заглянем и в Квиткины повести, по приглашению г. Кулиша, но прежде взглянем на его замечание о смешных именах, написанное во второй статье его критики.

„Вслед за Миргородом явился Квитка, под именем Основьяненка, с своими повестями, точно художник-обличитель, и заставил плакать ту самую Украину, которая по-детски хохотала, вместе с господствующими в ней журналами, над позором собственного простонародья. Вслед за Квиткою

явился Шевченко уже из среды того простонародья, над которым потешался Гоголь, и тяжело повернулись многие сердца от его демократической, вместе и суровой, и нежной, и саркастичной, и грозной речи. Но и тут Гоголь, под прикрытием лавров, пожатых на Всероссийском чиновничьем и дворянском поле, остался во мнении публики все тем же Гоголем, каким провозгласили его столичные первенствующие критики. Правда, круг читателей Квитки и Шевченка был очень мал, так как они повели речь о Гоголевой родине языком этой родины, известным в столицах больше всего по таким словам, как Довгочхуне, Свербигуз, Перерепенко и тому подобных, которые Гоголь употреблял в своих повестях не стесняясь, но которые крестьянину стыдно произнести в своем обществе, понимающем смысл каждого произносимого им слова”.

Сколько ошибок всякого рода в этой тираде г. Кулиша!...

Начать с того, что Миргород (с Тарасом Бульбою, Старосветскими помещеками и Виєм) вышел в свет 1835 года, а Квитка с первыми и главными своими Малороссийскими повестями явился 1833 и 1834 г., стало быть – не вслед за „Миргородом”, а перед ним. Прежде, чем он извлек обильные слезы своею „Марусею”, напечатанною в 1834 г., он посмешил публику Солдатским Патретом, напечатанным 1833 года. Но еще за десять лет, в знаменитом „Вестнике Европы”, Квитка поместил свои „Малороссийские анекдоты”. Помню живо, с самого студентства моего, какой всеобщий смех над Малороссийским простонародьем произвела эта литературная шутиха, пущенная в публику художником-обличителем. Таков был первый шаг его в изображении сцен из народного Малороссийского быта; таковы же были и последнее его шаги на этом поприще в смехотворных побрехеньках, каковы Пархомове сніданне и Подбрехач, который впрочем начинается и кончается назидательными словами: „Дуже недобре дело брехати!” Не понимаю почему г. Кулиш не поместил Подбрехача в своем издании Квиткиных повестей, если уже поместил Пархомове сніданне?... Что же касается до круга читателей, то он у Квитки был также велик, как и у Гоголя, даже больше: ибо Малороссийские повести его печатались вдвойне – на Малороссийском языке и на Русском, и на этом последнем – распространялись они по России летучими листами, журнальными и альманашными.

Относительно известности Малороссийского языка в столицах, будто бы в Квиткино и Шевченково время знали его там всего больше по смешным именам из повестей Гоголя – сущее суесловие! Задолго еще до Шевченка, и до Квитки, и до Гоголя, знали в столицах Малороссийский язык по самым изящным его выражениям, каких не всегда он достигал и в новой Малороссийской словесности, – по народным Украинским песням! Еще в прошлом столетии печатали их и достопамятный Великороссиянин Новиков, в своем „Собрании Российских песен”, и позабытый Украинец Василий Федорович Трушковский, в своем издании Русских песен с голосами. С тех пор наши Украинские песни были в постоянном ходу в столицах. Я живой свидетель, как во все продолжение двадцатых годов в Москве распевались

они, под музыку нашего земляка, Гаврилы Андреевича Рачинского и других композиторов, и слышалось на театральной сцене прекрасное произношение Украинской речи из уст Щепкина. Знали тогда многие Великороссияне „Энеиду” Котляревского, даже его Оду князю Куракину. Знали тогда ученые Великороссияне Малороссийский язык – и по его грамматике, изданной в Петербурге 1818 г. Алексеем Павловичем Павловским, и по драгоценному изданию весьма народных Украинских дум князя Николая Андреевича Цертелева, 1819 года. В собственно литературном кругу – один уже переводчик Илиады, Гнедыч, назвучал во слух многих своею громкопевучею декламацией Украинского языка, звуки которого любит он сравнивать с звуками Итальянскими. Барон Дельви́г любил наши народные песни и пробовал перелagать их в Русские стихи. В 1829 году, когда Пушкин воротился в Москву из своего Закавказского странствия, я застал его в одно утро за письменным столом; перед ним были развернуты Малороссийские песни моего издания 1827 года.

„А я это обкрадываю ваши песни!” – сказал он и взяв со стола прерванное моим приходом письмо, прочел из него выразительно:

Мне с жинкою не возиться;
А тютюн да люлька
Козаку в дорози
Знадобиться!

Может быть уцелело еще где-нибудь это памятное для меня письмо... „А я привез нам только что полученную мною из Украины народную песню о Мазепе” – сказал я. Еще в детстве моем я слышал эту песню от слепой старухи, в хуторе Самусевке (Хорольского уезда); а тут довелось мне услышать ее из уст творца Полтавы, который прочел ее дважды по моему списку, а потом повторял уже наизусть следующий куплет:

У Киева на Подоли
Порубаны груши;
Погубив же пес Мазепа
Невинные души...

В те поры, еще неведомой для света Гоголь работал в Петербурге над „Сорочинской ярмаркою”. Он потешался в своих Украинских повестях над лицами всех сословий. К чему же эти односторонние нападки г. Кулиша на Гоголя за одно только простонародье Украинское? Эти нападки также несправедливы, как и то недовольство на гоголя, какое выражали сперва некоторые Малороссийские помещики за его смешные сцены из быта дворянского. Были же потом и такие Великороссийские господа, даже Русские Немцы, которые говорили, что Гоголь Ревизоре и Мертвых Душах – „оскорбляет нашу матушку Россию!”

Нечего бы удивляться тому, что Гоголь, при Квитке и Шевченке, остался во мнении публики все тем же Гоголем, каким провозгласили его

столичные первенствующие критики. От лавров, стяжанных им после 1835 года, не увяли те первоначальные лавры, которые стяжал он своими произведениями из Украинского мира. Тем менее могла померкнуть его слава, как поэта-Украинца, с появлением Квитки и Шевченка; при них еще выше и прекраснее становится их предшественник Гоголь, которому равного не было еще между писателями-Малороссиянами. Не сам ли г. Кулиш, так недавно еще, в 1854 году, в опыте биографии Гоголя, восхищался его Украинскими повестями и превозносил их так, как никто еще не превозносил их?... Он говорил, например: „Самые легкие черты старинной Малороссии, – не говорю уже в Тарасе Бульбе, но и в мелких рассказах и отрывках, – дышат именно такою истиною, как будто он „залез в прадедовскую душу” и видел сквозь нее собственными глазами своего предка, Остапа Гоголя. Или: „Он до тех пор строил и перестраивал свою Историю Малороссии, пока из мертвого хлама летописных сказаний поднялся живой буйно-энергический образ Тараса Бульбы. Эта размашистая фигура высказала яснее всевозможных томов – какова была старинная жизнь Малороссии и как понимал ее Гоголь.” Там же замечал он, что Гоголь, написав Тараса Бульбу, был „под влиянием восторженного сознания своего успеха” что „вероятно такие судьи, как Пушкин, Жуковский, князь Вяземский и Плетнев, не замедлили увенчать чело поэта – свежими, вполне заслуженными лаврами”. Но прошло два года, после опыта биографии, – и г. Кулиш в своем Эпигоне сказал, что Украинские повести Гоголя „мало заключают в себе этнографической и исторической истины; Тараса Бульбу назвал он „мало объясняющим народную жизнь, далеко неудовлетворяющим исторической и художественной истины”; а в новой критике своей, он ожесточенно уже срывает с Гоголя те „свежие, вполне заслуженные лавры”, которыми не замедлили увенчать чело нашего поэта первенствующие столичные критики! И г. Кулиш даже не упоминает ни о своем недавнем восторге от Украинских повестей Гоголя, ни о своем свежем отпадении от собственных хвалебных воскурений, которыми он, как Малороссиянин, известный давно на литературном поприще, и как биограф Гоголя, весьма мог заново утвердить многих читателей в господствующем мнении публики, что Украинские повести Гоголя составляют „верное отражение Украинской жизни, прошедшей и настоящей.” Г. Кулиш вспоминает не об этих недавних своих восторгах, а о тех, какие были еще во дни его гимназического отрочества. „Мы сами – говорит он – не знавшие еще ни Квитки, ни Шевченка, встретили с восторгом Вечера на Хуторе. Мы будучи детьми, в эпоху появления в свет повестей Пасичника Рудого Панька, бросали для него все свои книги и даже Библиотеку для Чтения с ее первыми повестями. Мы выучили их наизусть и потешались Голопупенками и Перерепенками от всей души, а от фантастических и печальных сцен приходили в восторг и умиление”.

Но ведь он в 1854 году знал даже лучше других читателей все сочинения Квитки и Шевченка, и не смотря на то, он так восторженно превозносил Украинские повести Гоголя, называл их верными действительности, дышащими историческою истиною и т. д. Ясное дело, что

самое близкое знание Квитки и Шевченка не мешает воздавать должную похвалу повестям Гоголя и восхищаться ими. За чем же в нынешней критике своей г. Кулиш нападает не на себя за свое прежнее, недавнее мнение о Гоголе, а на читающее Русское общество? За чем он говорит: „Если бы Русское читающее общество было воспитано в духе родного ему Славянства до такой степени, чтобы читать свободно Квитку и Шевченка, как ближайших ему Всеславянских поэтов, то в этих совершеннейших зеркалах народных чувств, народных нравов и обычаев, оно увидело бы вопиющие погрешности повестей Гоголя и пожалело бы только, что столько соображения потрачено на блестящие призраки из несуществующего в действительности мира. Но читающее общество, не охраняемое и не вразумляемое критикою, бывает легковерно и легкомысленно до чрезвычайности...”

Не лучше ли было бы г. Кулишу (если уж он называет себя „преемником Гоголя в самопознании”) упрекнуть в чрезвычайном легкомыслии себя самого, нежели читающее Русское общество?...

В начале критики своей, перечисляя свои заслуги относительно Гоголя, г. Кулиш говорит, что он в двух биографиях „из опасения бросить какую либо тень на память высоко ценимого им поэта, пересветлил местами его нравственный образы подвергся за то справедливому порицанию со стороны других биографов”. Он подвергся теперь еще более справедливому порицанию за свое неопасливое впадение в противоположную крайность... Впрочем, он только здесь назвал справедливыми порицания других биографов за пересветление, а вслед за тем, в статье о Гоголе, напечатанной в книге „Лицей князя Безбородько” он говорит уже следующее: „Многие, а в том числе и г. Анненков, которого труды я очень уважаю, обвиняют меня в том, что я был пристрастен к Гоголю и старался в своей книге истолковать в хорошую сторону каждый его поступок. Но обвинение это преждевременно, а потому и несправедливо”.

Еще г. Кулиш говорит, в начале своей критики, что он в биографиях Гоголя „не подвергал его сочинений критическому разбору во исполнение завещания его, чтобы – не смешить ни похвалой, ни осуждением его произведений.” Но он не исполнил завещания Гоголя в биографии – воздавал чрезмерную похвалу его Украинским повестям; и потом – поспешил чрезмерным их осуждением.

Обратимся наконец, к смешным прозваниям. Г. Кулиш сказал сущую неправду, будто бы такие имена, как Голопупенко, Свербигуз, Довгочхун, Перерепенко, – „Украинскому крестьянину стыдно произнести в своем обществе!” Это показывает, что он составил себе неверное понятие о стыдливости и учтивости крестьянского общества, придав ему утонченную чопорность общества дамского. Гоголь лучше его понимал простодушную беззастенчивость народной речи и народной поэзии, будучи и сам таков же, по своей художественной натуре. Конечно, такие имена, как Свербигуз, Довгочхун, Голопупенко – не совсем опрятны; но если они смешны, то уже достигли своего назначения, ибо смешное было главною задачею

художественного творчества в первых повестях Гоголя. „Публика не шестнадцатилетняя девушка”, говаривал Пушкин. К тому же имена Голопупенко и проч. Взяты из числа действительно существующих простонародных Украинских прозваний, между которыми встречаются еще хуже; но их не только произносят в простонародье, да и в ревизиях пишут без всякого зазрения. Кроме того, слово Свербигуз известно в Малороссийском и Великорусском языке, как имя растения, и оно произносится в народе и пишется в словарях также зазорно, как в „книге Большого Чертежа” названия некоторых речек. Можно привести множество подобных слов из названий могил и других местностей растений и проч. Ведь г. Кулишу известно, как называют Украинцы по-просту кушанье холодец; известно также имя, которым Малороссияне зовут гриб дождевик и проч. К чему же давать ложный толк о стыдливости простонародной!

Уже где бы соблюдался всего больше учтивости и стыдливости крестьянского и козацкого общества, как не на свадебной вечере в дому молодой? Но послушайте тех застольных песенок, которыми доводят сорома дружки – светилку и свах, а свахи – бояр и дружек. Вот села за стол светилка, носящая – по выражению г. Кулиша – „свадебный меч с пылающею о его острие свечкою (т. е. не на острие, а на рукояти), как эмблему свидетельствуемой перед целым миром верной, пылающей до гроба любви”. Дружки поют ей:

Светилочко пани,
Вечеряй из нами;
Не будь така пышна,
Як у саду вишня.
Не велела мати
Рота роззявляти,
Що велики зубы,
Висят через губы.

На это светилка отвечает:

Ой коли-б пани,
Не села-б я з вами;
Села-б я з панами,
Не з вами свинями.

Дружки досаждают светилке многими песнями, в том числе и такою:

Багата светилка, багата,
А в ней сорочка чохлата,
А за тыми чохлицами
Сидят воши копицами

Из множества песен, которыми светилка и свахи состязаются с дружками, приведу следующую:

Засвети, мати, скабочку,
Погляди да под лавочку,
Чи стоят калюжки,
П...ся дружки,
Под старшую дружку
Дайте черепушку,
Под меньшую дружку
Поставте кадушку.

И все эти застольные песенки, доходящие, к сожалению, до гораздо больших непристойностей, достигают своей цели – посмешить свадебное общество старых и молодых людей. Не говорю о тех песнях, которые поются приданками у дверей брачной коморы. Там женская грация, которая по словам г. Кулиша, „стыдлива и до сих пор в Украинском простонародье”, превращаются в самую неистовую и бесстыдную вакханку.

День. – 1861. – № 7. – С. 18-20.

М. Максимович **Оборона украинских повестей Гоголя**

О свадьбе Грицька Голопупенка

„Но возвратимся к несчастнейшему из несчастнейших Голопупенкову сыну, которого уже одно имя делает смешным в глазах читателя, а непонимание, как взяться за сватовство, просто – срамить во мнении каждого мужика” – говорит г. Кулиш, после некоторого отступления.

Бедный Грицько!... как достается тебе, а за тебя и Гоголю, в критике г. Кулиша! Но читателям Сорочинской ярмарки хорошо известно, что у Гоголева парубка только прозвание смешное, а удача у него молодецкая; что он – краса и цвет парубков Сорочинских. И красавица не могла не заметить его загоревшего, но исполненного приятности лица и огненных очей, казалось, стремившихся видеть ее насквозь... Несчастлив он был на ярмарке только несколько часов, когда самовластием грозной жены и злой мачехи, Хавроньи Никифоровны, чуть было не рушилось его сердечное дело, сладившееся в ее отсутствие. Удачное начало этого дела, слаженное смелым парубком с будущим тестем его, гулливым Черевиком, и его чернобровую дочкою, Параскою, показывает в нем большую смышленость и верное понимание, как взяться за сватовство. А когда его предприятие увенчалось успехом, когда, вырванная из когтей злой мачехи, красавица очутилась на его руках, и обрадованный Черевик, складывая им руки, произнес: „Боже, благослови! Пусть их живут, как венки вьют!” – тогда Грицько был одним из счастливейших парубков; тогда его сватовство может срамить его, только во мнении г. Кулиша, а не „каждого мужика.” В простонародном обществе, напротив, оно отозвалось бы одобрением и таким же единодушием, какое, под конец повести, оказалось в ярмаркующем народе, при ударе смычка,

возвестившего начло Грицьковой свадьбы... Но г. Кулиш не доволен и началом этой свадьбы. Вот, что говорит он под конец своей этнографической критики.

„Во время они, мы от души разделяли радость Параски, которой, в ярмачной квартире, объявили, что пришел жених вести ее к венцу. Но теперь ее радость для нас также противна, как и движения мертвого тела, под влиянием гальванизма. Для незнающих простонародной Украины, кажется очень простым делом взять за руку сельскую девушку и повести к венцу. Для знающих – это было бы вопиющий факт нарушения обычаев, перед которыми сельская невеста благовеет, как язычник перед своим кумиром. Я уже говорю о старших; я уже говорю о роде, который был-бы оскорблен до глубины души подобным событием и не простил бы иногда своего бесчестья обвенчавшейся таким образом женщине. Но сама невеста, при всей своей молодости, не согласилась бы на венчание без почетного конвоя своих сверстниц – дружек и светилок, без того конвоя, впереди которого несут свадебный меч с пылающею на его острие свечкою, как эмблема свидетельствуемой перед целым миром верной пылающей до гроба любви. Сама невеста не пошла бы под венец без честного Коровая, который печется накануне венчания, с такими торжественными, полуязыческими, очень древними песнями и разными из рода в род неизменными обрядами. Сама невеста ужаснулась бы мысли – выдти в церковь не из отцовского дома, а из это чужой хаты с Московскими палатами, с которых накануне упал подобранный к ее мачехе попович. У Гоголя все это представлено очень юмористически, и кто же, поднявшийся на высоту критического воззрения, не почувствует невольного отвращения к подобному юмору? Кому не покажется в этой сцене печальным то, над чем он прежде смеялся? Сама Хивря, кричащая: „Нет, Нет, этого не будет!“ является обличительницею автора, не знавшего простонародной Украины и изображавшего ее как барин, видящий в мужике одно смешное”.

Из-за чего вся эта горячая выходка против Гоголя, обличающая не в нем, а в самом г. Кулише „крупный недостаток относительно знания простонародной Украины?...” Кто знает Украину хоть немного ближе, чем г. Кулиш, тому известно, как самое обыкновенное дело, что в ней, на обеих сторонах Днепра, весьма не редко бывают свадьбы, в которых церковный чин венчания и домашний, своенародный обряд так называемого веселья, совершаются отдельно друг от друга: обвенчаются, например, в воскресенье, а на свадебный или весельный обряд собираются к следующему воскресенью, с которого начинается и сожитие молодой четы. Такими свадьбами особенно богат нынешний 1861 год, в котором крестьяне поспешили к рабочей летней поре воспользоваться правами, данными им благотворными Положениями. При таких свадьбах на Украине, жених и невеста идут в церковь на венчанье без почетного конвоя „дружек, светилок” и прочих лиц свадебного причета; их сопровождают за просто – двое старост, служащих свидетелями бракосочетания, да один боярин у жениха и одна дружка у невесты, чтобы держать венцы. Накануне такого венчанья не пекут Коровая – коровайницы,

не собираются дружки – вить гильцо, не бывает девич-вечера: все это совершается уже после венчанья. Такая свадьба сочинилась и у Гоголя, в Сорочинской ярмарке, когда развеселившийся отец Параски, в отсутствии грозной жены своей, сказал: „да что думать: годится или негодится так – сегодня свадьбу, да и концы в воду!” А Параска радехонька была исполнить эту отцовскую волю, ради прекрасного жениха, и поскорее избавиться от неугомонной мачехи. Она хорошо знала, что и дружки и светилки, и Коровай, и весь свадебный обряд – не уйдут от нее; что на ее весельи – весело погуляет весь роде, не вменяя себе в безчестье этого скоропоспешного брака и не видя в нем ни какого нарушения своенародных обычаев. Это только г. Кулишу вообразилось, что „честные поселяне с ужасом отхлынули бы от сумасшедших, которые, отвергнув весь закон, затеяли свадьбу, вдали от своего дома, точно жида на сметнину!” Свадьба эта затеялась в доме Черевикова кума Цыбули, который, без сомнения, будет за старосту; а докончится она, по обычаю, в доме Грицьковым. Редкая свадьба на Украине обходится без смешных приключений и промахов. К Грицьковой свадьбе принадлежит тот промах этнографической критики г. Кулиша, что в ней свадебная свечка запылала на остри меча... Какой хохот произвела бы в сельском народе такая невиданная штука в руках светилки!

Не смотря на свое довольно ограниченное знание Украинской простонародной свадьбы, г. Кулиш чрезмерно жесток, и не воздержан в своих осуждениях Гоголя. Вот второй приговор его автору Сорочинской ярмарки. „Но Гоголь, при сочинении первой повести Вечеров на Хуторе, не знал поселянина близко. Он видел его только с помещичьего крыльца, или из коляски. Он не сиживал с ним рядом; он не был его обычным гостем он не носил на его свадьбах какого-нибудь почетного звания; он даже не умел различить свадебного термина дружко от дружка”...

Ну, есть ли хотя малейшее вероятие, чтобы Гоголь, достигший 20-летнего возраста на Украине, не умел различить даже слов дружко и дружка – таких обыкновенных слов, которые известны на Украине каждому слопцу во всяком сословии, которые сами собою даются каждому Малороссиянину, вместе с познанием родного языка, и не требуют никакой особенной наблюдательности!... И на чем основано такое утверждение о Гоголе? У него в повести, гулливый Черевик, увидав, что Грицько обнял его дочку, произнес: „Эге, Ге, Ге, земляк! Да ты мастер, как вижу, обниматься! Черт меня возьми, если я не на четвертый только день после свадьбы выучился обнимать покойную Феську, да и то спасибо куму – бывши дружкою уже надоумил!” Г. Кулиш делает к этому пояснение: „т. е. дружком; дружка у нас – девушка!” Но Гоголь писал свою повесть не на Малороссийском, а на Великорусском языке; а тот свадебный распорядитель, который по Малороссийски зовется дружком, по Великоруски зовется дружкою:

Сватушка! Я дружка с подружьем
Приехал к тебе на широкий двор,
Широки двory осматривал...

Вот почему у Гоголя поставлено: будучи дружкой; а если бы он поставил: будучи дружкой – по-Русски вышло бы не то, что хотел он сказать (дружок не то, что Украинский дружок). Этот случай мог быть поводом к рассуждению об употреблении Малороссийских слов в литературном Русском языке; но выводит отсюда такое заключение, будто Гоголь „не умел даже различить свадебного термина дружок от дружка” – можно только в таком настроении мыслей, в каком писана этнографическая критика г. Кулиша.

Выражая свое совершенное неудовольствие на Гоголя за всю Сорочинскую ярмарку, г. Кулиш негодует на него, между прочем, и за то, что в Грицькову свадьбу замешаны цыгане. Он говорит: „Если бы Гоголь знал демократическую Украину, как знаем ее мы, преемники Гоголя в самопознании, то он не заставил бы конокрада цыгана быть посредником между Голопупенковым сыном и Солопием; он содрогнулся бы за своего парубка, когда этот бродяга сказал ему: „мы заставим Черевика отдать нам Параску”; его сердцу было бы больно, что свежая сельская красавица, убранная свежими, как она сама, цветами и лентами, будет отдана жениху руками, запятнанными воровством, а пожалуй и человекоубийством”.

На что же вызывает автора Сорочинской ярмарки к содроганию и сердолюбию неуместному? Гоголь (да почиет прах его в мире!) наперед знал, что в его повести цыганские руки и не коснутся чернобровой Параски, что она будет отдана жениху – руками отца своего; а цыганские руки предназначены в его повести – для злой Хиври, чтобы ее придержать в решительную минуту. Г. Кулиш говорит: „Пара цыган, держащих ее за руки, профанируют в ее вовсе не народном типе весь народ с его священнейшими обычаями”. Напротив, этой фуриозной фигуре цыганские руки очень кстати, на потеху добрым людям, по народной же пословице: „Катузе по заслуге!” Появление двух цыган в толпе ярмаркового народа – для удержания злой Хиври, в самом начале Грицьковой свадьбы, не представляет ничего противнародного, ничего профанирующего весь Украинский народ, не только с его священнейшими, но и с самыми обыкновенными повседневными обычаями. Не ужели г. Кулиш не встречал никогда Украинской простонародной свадьбы, на которой один цыган режет на скрипке, а другой бьет в бубен, – и на долю этой музыки достается, по обычаю, подошва честного Коровая, также точно, как достается она музыке своенародной? Неужели не встречал он на Украине ни одной цыганской свадьбы – с боярами из парубков Украинских?... А если бы он взглянул (например, в Домонтове) на свадьбу цыгана с Малороссиянкою, или (например, в Войтовцах под Переясловом) – на свадьбу Малороссиянина с цыганкою!...

У него в критике сказано: „Но парубок (Грицько), взглянув на цыгана, не только не почувствовал к нему естественного, в его сельской простоте, отвращения, напротив, тотчас заключил с ним унижительную для себя сделку, оскорбляющую чувство читателя. Это не Украинский парубок: это –

Петербургский мазурик в нашей честной свите”.

Не сказал бы этого г. Кулиш, если бы он знал и понимал простонародную Украину на столько, сколько знал и понимал ее за тридцать лет – двадцатилетний Гоголь! Цыгане, живущие по Малороссии, вовсе не возбуждают к себе в простолюдинах того отвращения, какого требует от Сорочинского парубка г. Кулиш, во имя не совсем понятой им сельской простоты.

У поселян Украинских нет этой и Кулишовской нетерпимости к цыганам – таким же, как и они, православным христьянам, таким же прихожанам наших церквей. Потому-то и при святом крещении Украинские поселяне нередко бывают кумовьями у цыган, а иногда и их зовут в воспитанники своим детям. Такова обычная терпимость этих пришельцев Украинской земли в действительном быту здешнего коренного простонародья.

Что касается до парубка Грицька в Гоголевой повести, то ему, как видно, был и прежде известен этот высокий цыган-барышник, которого фигура так мастерски означена в Сорочинской ярмарке. Он приступал уже, как видно, торговать пару волов, приведенных парубком Грицьком на ярмарку. Но вот он опять подошел к нему с предложением своей услуги – в такую минуту, когда влюбленный парубок, для успехов в своем сердечном деле, готов был воспользоваться хоть самым чертом, как поступил, например, знаменитый кузнец-маляр Вакула... Подобных случаев много найдется в народных Украинских сказках. И если Гоголь, любивший вводить сказку в свои Украинские повести, присоединил этого лукавого цыгана к басне о чертовой красной свитке, то в этом нет ничего противоречащего народной фантазии и поэзии. Украинская молодежь, в своих сердечных приключениях, готова и теперь прибегать к содействию ворожек, а на этом деле и стоят цыганки. Так в народной песне:

Цыганочка да Волошечка
Шатер будовала;
Девчиночка до Цыганочки
Дорожку топтала.
Цыганочко да Волошечко!
Воли мою волю:
Ой зроби так да козаченьку,
Щоб ходив за мною... и т.д.

Удивительно как можно было, в строгой этнографической критике, написать такой приговор, что „Гоголь выдумав в Сорочинской ярмарке невозможную интригу, лишил народный быт лучших поэтических цветов его, оборвал эти цветы цыганскими руками” – что у Гоголя – „Украинские нравы оцыганены. Малороссийские поселяне уничтожены”. А Украинские поселяне сами так охотно разыгрывают роль цыган, под конец своей драматической свадьбы. Двое из членов весельной беседы, нарядясь цыганом и цыганкою, отправляются по соседним дворам цыганить, т.е. выпрашивать

денег, сала и прочего; и в дворах и тех хозяев, которые участвуют в свадьбе, позволительно на этот случай и похитить поросенка, или курицу – что попадается (для большого смеху, берут и щенка); всю эту добычу приносят в хату весельного батька, на поживу и потеху гулящей беседы.

Ни в каком отношении вмешательство цыган в Сорочинской ярмарке не разногласит с бытом и правами простонародной Украины. Не смотря на своевольное обхождение с действительностью в Украинских повестях Гоголя, – везде в них является живое и полное разумение Украинского человека с его нравами и обычаями, с его чувствами и фантазиями. Как великий поэт, Гоголь является и глубоким душеведцем. В каждом действующем лице у него – от Грицьки Голопупенка до Тараса Бульбы – угадан и прочувствован ширый Украинец, и представлен так, как представляла своих действующих лиц народно-Украинская муза, о которой он вправе был сказать, как Пушкин о своей музе:

В младенчестве моем она меня любила...

День. – 1861. – № 9. – С. 15-16.

М. Максимович

Оборона украинских повестей Гоголя

О времени и месте сватовства Грицькова...

Чем больше силится г. Кулиш доказать Гоголево незнание протонародной Украины, тем меньше в том успехов. Всего больше занимается он нападением на Грицького сватовство, как на основание всей повести; но оно остается неопровергнутым, не смотря на все выходки и возгласы этнографического критика. Вот он нападает сперва со стороны времени и места: зачем Грицько присватался к Параске в самую рабочую пору и на ярмарке, и решает дело так: „Сватовство среди ярмарки для Украинскоо парубка решительно невозможно; сватовство у пахарей в такое время, когда идет уборка хлеба и вообще горячая пора – просто небылица; сватовство в Спасов пост (ибо к такому времени пригнал Гоголь свою повесть) – черт знает что такое!”

И это у г. Кулиша – этнографическая истина, во имя которой он так часто возглашает, что „Гоголь не знал простонародно Украины!”

Начать с того, что не Гоголь, а сам г. Кулиш, не розглядев сгоряча его повести, пригнал ее к Спасову посту, да я говорит: „черт знает, что такое!” (Не к Спасову бы посту прилагать эти слова из Заколдованного места). В начале Сорочинской ярмарке сказано: „Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа”. Это еще не значит, чтобы Гоголь разумел непременно первую половину Августа, Спасов пост. Он разумел тут именно вторую половину Августа, которая бывает иногда жарче первой; – и это для всякого читателя, для самого г. Кулиша, должно быть ясно видно из того, что под

конец повести Черевик говорит: „Сегодня свадьбу, да и концы в воду!” Уж если свадьба, так не Спасов пост: действие происходит после Пречистой, в такое время, когда и начинаются осенние сватовства на Украине.

Тут г. Кулиш крепко ошибся, а между тем он предлагает с важностью учителя вот какую поправку для Гоголевой повести: „Если бы Гоголь знал простонародную Украину, то от в язвительную речь Хиври вложил бы факты, выражающие быт народный... Но Хивря смотрела на дело по Гоголевски, точно будто и в Украинском простонародьи существуют унижительная для достойных родителей ловля женихов. Хивря отвечает своему Солопию языком Московской купчихи: „Вот как раз до того теперь, чтобы женихов отыскивать!... Ты подумал бы лучше, как пшеницу с рук сбить” и проч. Если бы Солопий выразился у Гоголя пред женой в духе народного быта, то есть: „Ну, жинко, находится жених нашей дочери!” то и тогда язвительный язык супруги-Украинки залепетал бы иные речи. Она сказала бы: „Хорош должен быть жених, который не чрез старостов, а сам лезет в глаза, да еще среди ярмарки! Думаю, оборваннейший из всех голодранцев: отцовские сыновья думают теперь об уборке хлеба! Отцовские дети теперь чумакуют! Добрые люди ожидают Святой Покровы для сватовства! А это видно какойнибудь пьяница и бродяга, который, по твоей милости, срамит нас ярмарочным сватовством своим!” Вот мотивы, которые должен был иметь в виду Гоголь, изображая озлившуюся Украинскую бабу! У него же одна, сколько ни употребляет Украинских побранок, в перемешку с таким анти-украинскими бранными терминами, как сорванец, но никак не может выбиться из типа театральной Великорусской мещанки”.

Забавное учительство! Как будто Гоголь хотел писать этнографию в лицах, чтобы и языком озлившейся бабы передавать факты, любопытные для Снегирева, Терещенка и других исследователей народного быта... Гоголь, как и сам он сказал – никогда не писал портрета в смысле строгой копии; он создавал портрет. Народный быт служил ему только материалом для его художественных типов, только краскою для его живописи. Но как он был поэт-Украинец, и своенародный быт знал достаточно, оттого и действующие лица его повестей, в том числе – Солопий и Хивря, и будущий зять Грицько Голопупенко говорят и поступают в духе народно-Украинского быта и сообразно своему особному (индивидуальному) характеру. Хивря сказала своему гулливому мужу то именно, что следовало сказать ей в данную минуту, о женихе – как злой мачехе, о пшенице – как заботливой хозяйке; а если и кажется, что она говорит языком Московской купчихи, то разве потому, что Гоголь писал свои повести не на Малороссийском языке, а на Русском. На этот счет – существуют разные мнения. Г. Кулиш, в своем эпилоге, называет это обстоятельство – „одною из счастливейших случайностей”; а г. Костомаров, в своем Обзоре, говорил так: „Гоголь в своих высоких созданиях много выразил из Малороссийского быта на прекрасном Русском языке: но надобно сознаться: знатоки говорят, что многое, тоже самое, будь оно на природном языке, было бы лучше.” Но те факты и мотивы, которые г. Кулиш влагает в уста Гоголевой Хиври, обличают

тупость его критика и недостаточное знакомство с простонародным Украинским бытом.

Каждая Украинская баба, во время Гоголево, знала хорошо, что осенние сватовства на Украине бывают преимущественно в те шесть недель, которые идут от Пречистой до Покровы. Об этом говорит и народная Украинская пословица: „Приходит Пречиста – розносит старостов мати нечиста”. Тут выражено сельско-хозяйское недовольство на поспешность старостов; но они делают свое дело, не ожидая святой Покровы. Таков старинный обычай народа! Известен и на Украине общерусский срок свадеб – Октября 1-го; говорят и на Украине про своих девчат, что они так молятся о замужестве: „Святая Покровенько, покрой мою головоньку – дол листочком, а мою голову платочком!” Но об тех невестах, которые к этому сроку остались незасватанными, велась такая пословица: „Пройшла уже Покрова – заревела девка як корова.” Последний срок осеннего сватовства в старину был на Дмитрия (26 Октября), и к этому есть разные присмешки: „До Дмитра девка хитра”, и пр.

Что касается до самой рабочей или горячей поры, то у нас на Украине она начинается перед Петром и кончается около Спаса. Остающееся после того уборка хлеба не составляет помехи и для формального сватовства со старостами. Но если бы Украинский парубок вздумал, подобно Гоголеву Грицьку, объяснить в самую горячую летнюю пору – это не было бы нарушением народных нравов и обычаев. Жнива, гребовица – сближают парубков с девчатами, и нередко между снопов на Пеле, или среди сенных покосов на лугу, решается участь новой четы. Об этом свидетельствуют и народные песни. Но для г. Кулиша я приведу самоуважнейший его авторитет – Квиткину повесть Марусю, где, по его словам: „Всяке слово и дело вон изобразив так: як воно именно есть, и як инше й бути ему не можна”. В той повести – парубок Василь идет со старостами сватать Марусю – на самого Полупетра (30 Июня), т. е. в самый разгар летней горячей поры. После этого, как же можно было г. Кулишу говорить такую этнографическую неправду, будто „сватовство у пахарей в такое время, когда идет уборка хлеба – просто небылица!” будто в рабочую пору „у пахарей – нет и помину о сватовстве!” Для Украинского парубка, сватовство есть такое важное дело в жизни, что о нем он может подумать во всякое время.

Чомусь мене молодому
Козаку не спиться,
Периночка пуховая
В головах вертиться...

А г. Кулиш предлагает, в качестве факта, выражающего народный быт, чтобы Украинская баба – про молодого парубка, во второй половине Августа, говорила: теперь отцовские дети думают не о сватовстве, а об уборке хлеба. Как могла сказать Хивря, которая сама за несколько минут перед тем, подготовила себе ночное свидание с молодым поповичем, не

смотря на лета свои, ни на супружество...

И так, нападение г. Кулиша на Грицькове сватовство со стороны времени – вовсе не основательно и не действительно. Таково же его нападение со стороны места. С чего он взял, будто сватовство среди ярмарки для Украинского парубка – решительно невозможно. Если бы Гоголев Грицько явился на ярмарочную площадь к отцу Параски со старостами, то это, конечно, была бы выходка противная народному обычаю; ибо для сватанья парубок идет со старостами – в хату. Но объясниться и сделать предложение самому – Украинский парубок может безукоризненно – на всяком месте, где только представится благоприятным случай. Гоголеву парубку пришлось это сделать на ярмарке, среди толпы, занятой и развлеченной всячески, где так удобно заговорит каждому с кем угодно; а пришлось так по тому, что он поражен был красотой девушки, ехавшей на ярмарку. Подобное сватовство, как особенный случай жизни, весьма может статься на всяком месте; а такие особенные исключительные случаи жизни, выходящие из обыкновенного ее уровня, мы видим не редко и в действительном быту народа, и в поэтических его вымыслах. Припомню, для примера, Украинскую песню о превращении брата и сестры в цветок, названный их именем – Иван-да-Мария:

У Киеве на рынку
Пьют козаки горилку...

Вот где совершилось сватовство этой поэтической четы, достойной метаморфозов Овидиевых! В том, что Гоголева фантазия сосватала удалого парубка Грицька красавицею Параскою на ярмарке, во второй половине Августа – нет никакой погрешности этнографической.

День. – 1862. – № 13. – С. 15-16.

Н. Герсеванов

Гоголь пред судом обличительной литературы

Книжка эта изумит каждого, кто не лишен здравого смысла и человеческих понятий о нравственности. Если бы что-нибудь подобное появилось при жизни поэта, можно бы подумать, что это пасквиль одного из тех грамотеев, которые, в своей мнимой образованности, похожи на варваров, находящих дикое удовольствие в том, чтоб обезображивать высокие произведения скульптуры. Но прошло десять лет со смерти Гоголя – и нашелся человек, вдохновенный такою нелепою злобою к Гоголю-человеку и писателю, как будто душа Булгарина воплотилась в новое тело, – это факт очень печальный. Это показывает, до какой степени злоупотребляются у нас преимущества школьного учения и мысли, дрессированной дурными наставниками. Это показывает также, что значительная часть нашего читающего люду до сих пор поддерживает то воззрение на нравственность, которое проповедовали Булгарины и Сенковские под именем христианства,

общественного благоустройства, просвещения и проч. Прежде чем г. Герсеванов написал свою книгу, он, без сомнения, выражал свои понятия о Гоголе не одному человеку и находил людей, слушавших его без смеха и негодования. Осмелившись ее напечатать, он, без сомнения, уверен, что существуют сотни, а пожалуй и тысячи людей, которые с ним согласятся. Это горькая обида не только для каждого, кто дорожит возвышенными явлениями русского духа и русского чувства, но и для тех, кто вообще уважает благородство природы человеческой. Мы далеки от того, чтобы не признавать в характере Гоголя никаких грехов, а в его сочинениях – важных недостатков. Гоголь – чадо своего времени и своего общества. Немного, вероятно, создало это общество людей более честных, более готовых на бескорыстное ему служение, но не могли его создания не носить в себе следов своего происхождения. На этом основании и в жизни Гоголя можно указать на многое, чего в наше время не имел бы уже в себе человек его натуры. Но забрасывать его грязью по-Герсевановски никто из нас не имеет права. Оскорблять таким образом память великого писателя значит оскорблять достоинство русского человека вообще и наносить ничем неискупимую обиду лицам, которые любили Гоголя, как дорогую для них личность. Если бы русское общество оставалось равнодушным к подобным явлениям, это значило бы, что в нем нет еще общественной нравственности, нет того для всех общего и для всех дорогого, что дает каждому великому и малому соединению людей морально-законодательную силу. Мы уверены, что, как ни ничтожна книжка г. Герсеванова в литературном отношении, но ее издание не останется поступком безнаказанным. Это одно из тех недостойных явлений извращенного ума и чувства, которые заслуживают всеобщего протеста. Пусть за г. Герсеванова станут одни, а против него другие; тогда мы будем знать, кто у нас поддерживает тьму, с таким трудом рассеваемую писателями, подобными Гоголю. Примирения здесь быть не может. Мы уж и так довольно долго сидели в сумерках понятий о достойном и недостойном в общественной жизни. Что касается до пишущего эти строки, то он считает долгом своим заявить свое разномыслие с г. Герсевановым, как собиратель материалов для биографии Гоголя, которым г. Герсеванов дает превратный смысл, выдергивая из них клочки, которые ему кажется возможным перетолковать в противную сторону и затемняя факты, свидетельствующие о благородстве природы Гоголя. Первый листок его нелепой книжки есть уже наглая ложь, какая когда-либо появлялась в печати. На этом листке напечатано: Посвящается русской женщине, оклеветанной Гоголем. Вся книжка наполнена доказательствами, что Гоголь был лакей, в низком смысле этого слова, что он всех надувал, что он беспрестанно оскорблял родную мать, – ту мать, которая до сих пор живет нежным благоговением к его памяти! В одном месте г. Герсеванов заставляет Гоголя заискивать покровительства и у самого Булгарина через г. Максимовича. Это значит, что в письме к г. Максимовичу одно имя означено буквою Б. Пробегая это произведение невежественной злобы, мы удивились ожесточению, с каким автор выискивал в жизни Гоголя все, во что можно

было бы ему вцепиться, чтоб потерзать хоть полу одежды великого писателя. И все это так извращено у него, во всем так мало уважения к истине, так мало даже простого приличия, как будто он пишет для людей самых темных, самых беспутных, – для людей, наперед уж готовых осудить Гоголя как писателя, на беславии, а как человека – на позорную известность. Мы думали, что со смертью Булгарина перевелись люди, угождающие вкусу и понятиям ни на что негодного отребья русского общества; но, видно, лживость и предательство гораздо долговечнее, чем обыкновенно воображают. Эти свойства испорченной природы человеческой не лишены своей энергии, и без бою не уступают своего места правдивости и благородству.

Крайне неприятно входить в подробности сплетен, наполняющих книгу г. Гресеванова, но если наше общество производит подобных авторов, то должно терпеть и удушливый смрад их писаний. На стр. 8, мы читаем: „Чем же был Гоголь? Спросят многочисленные его обожатели. Он был нищий, лакей, ненавистник русской женщины, клеветник ее, клеветник России”.

Мы знаем, что Гоголь часто и почти постоянно терпел нужду в деньгах, т. е. по выражению г. Гресеванова, был нищий. Если в глазах, может быть, богатого автора быть убогим – преступление, то почему же оно не оправдано в его мнении благородным отречением Гоголя от наследства, в пользу сестер? Человек, нуждающийся в деньгах до нищенства и отдающий деревню душ в триста сестрам – явление поразительное для каждого, только не для автора, который называет Гоголя лакеем, воображая, что быть лакеем есть крайняя степень унижения. По нашему, лучше быть честным лакеем, чем писать книги, в которых оставлен без внимания благороднейший поступок рассматриваемой личности и вменяется ему в преступление все – и даже чистота юности. В самом деле (этому трудно поверить) г. Гресеванов вовсе не обратил внимания на отречение Гоголя от имени, которого он, по закону, был единственным наследником, и воспользовался этим фактом только для самой грубой клеветы: „отказался от своей части имени, помогал родным – с условием, чтобы называли его гением и благовестили о том повсюду”. Добродетельный автор никак не мог разминуться еще с одним фактом: что Гоголь взял на себя труд отвезти в Петербург двоих сестер и поместить их в институт. Конечно, Гоголь нашего времени в институт не поместил бы сестер, но в 30-х годах это было дело несомненно прекрасное. Автору ненавистен и этот поступок. Не находя, как обвинить в нем Гоголя, он приписывает это доброе дело тщеславию, а на стр. 34 говорит: „Кажется, что на сестер он имел своекорыстные виды”. Чем же он это доказывает? Следующею выпискою из письма Гоголя к матери: „Они, покамест, будут переводить и работать для будущего Погодинского журнала и для меня. Я хочу их совершенно приучить к трудолюбивой и деятельной жизни”. Это говорит человек, о котором, по его еще детским письмам, автор делает такое заключение: „Но уже в эти лета высказывается характер его – холодный, черствый, совершенное отсутствие всякого чувства, лицемерие и деспотизм”.

Мать, отпустив сына в столицу из патриархального родственного круга, опасается за его чистоту. Гоголь отвечает ей: „Как вы могли, маменька, подумать, что я – добыча разврата, что нахожусь на последней степени унижения человечества!.. Я готов дать ответ пред лицом Бога, если я учинил один развратный подвиг, и нравственность моя здесь была несравненно чище, нежели в бытность мою в заведении и дома. Что же касается до пьянства, то я никогда не имел этой привычки”. Г. Гресеванов дает себе право по этим наивным строкам сделать такой приговор Гоголю „Он явно сознает в душевной неспособности любить”. Если б мы не видели в труде г. Гресеванова нравственного уродства, мы бы спросили у него: неужели иметь способность любви значит быть таким, каким опасалась мать, чтоб не сделался Гоголь вне ее кроткого надзора? Мы знаем, что в прежние времена юношескую нравственность основывали почти исключительно на воздержании. Мы можем упрекнуть старую методику воспитания в односторонности, но не знаем, какое здоровое человеческое общество не признает, что юношеская чистота служит основаниям всего великого в нашей дальнейшей деятельности. Только при дурном устройстве домашнего и общественного быта, при стеснении молодой деятельности множеством препятствий, при господстве предрассудков над здравыми понятиями о жизни, воспитание, основанное на материальной чистоте, оказывается недействительным и часто ведет к результатам противоположным. Если что-нибудь есть общего между этими последними словами и жизнью Гоголя, то и в таком случае надобно осторожно прикасаться к его таинственной личности, уважая в ней благородство природы, которым не способно было вполне воспользоваться наше общество. Г. Гресеванов не щадит Гоголя в своих догадках и предположениях, выдавая их за несомненную истину. Но у него все низость, все преступление в поступках Гоголя. Четырнадцатилетний мальчик пишет, в 1825 году, ответ матери на ее известие о смерти отца и выражается языком, господствовавшим во время оно всюду. Строгий его судья говорит: „Тут есть все, кроме того, что всякий думает найти – сыновней горести о потере доброго отца”. Мы верим, что тоска по отце свела в могилу сорокалетнего Константина Аксакова, а он не верит, что четырнадцатилетний Гоголь, скрывавший от товарищей свою святыню – сыновние слезы, мог дойти до отчаянной мысли о самоубийстве. „Лицемерие, ложь!” восклицает он, судя, вероятно, о Гоголе по другим школьникам и воображая, что всякая натура стачана, как сапоги, на один и тот же копыл.

Критика писем Гоголя к матери и сестрам у г. Гресеванова чудовищная. Лишь только Гоголь скажет: „не предавайтесь мнительности,” или что-нибудь подобное, это грубость и дерзость! Лишь только даст совет, это деспотизм! Один только раз похвалил он Гоголя, да и то как бы с сожалением. Гоголь послал на свадьбу сестре 500 р. Из первой выручки за Вечера на Хуторе. „Черта хорошая, замечает наш непостижимый автор, хотя нет тут ничего особенного”.

Нападая на Гоголя за его нравственность, г. Гресеванов уклонился от

известного механического учения о нравственности, которое часто пробивает в его книге. Уничтожая совет Гоголя, чтобы молодая девица занималась музыкой и танцами, так как танцы укрепляют члены, – он говорит: „Как будто музыка, танцы, укрепление членов составляют главную цель воспитания благородной девицы; как будто не нужно прежде думать о нравственном, умственном и религиозном воспитании”. Дикая неприязнь к Гоголю до того ослепила его, что он забыл, что на предыдущей странице сам же сделал выписку из письма Гоголя в которой сказано: „внушите ей правила религии: это фундамент всего”. Ведь это согласно с понятиями автора, а между тем он, делая выписку, говорит о Гоголе: „Наставления его до того пошлые, что не понятно, зачем все это напечатано”. Словом, недобросовестные этой книги мы еще ничего не читали. „Льстя постоянно людям нужным (говорит автор о Гоголе, на стр. 45), вознаграждал себя родными, изливая на них желчь, переполнявшую его душу, где не было места ни одному доброму чувству”.

Читатели извинят нас, если мы бросим на этом приговоре перо и не станем дальше перелистывать этого жалкого изделия бурсацкой грамотности.

Г. Гресеванов от жизни Гоголя переходит к критике его сочинений, но эта критика ниже всякого о ней отзыва. Порицая лучшее, что есть в сочинениях Гоголя, он вдался в крайность, противоположную крайности г. Максимовича, который не позволяет находить недостатков даже и в первых литературных опытах великого писателя.

Н.Гресеванова. Гоголь пред судом обличительной литературы // Основа. – 1862. – № 1. – С. 52-56.

П. Кулиш Гоголь и Ворона

Пливе Гоголь по Славуту,
В воду поринає.
На гіллі сидить Ворона,
Важенько здихає:

„Ой мій друже білокрилий!
Горенько з тобою!
Поринаєш, – не дай, Боже,
Залесья водою!”

Пливе Гоголь по Славуту,
З хмари дощик ллється.
У Ворони-жалібниці
З жалю серце рветься:

„Ой з‘явся, ясне сонце,
Висуши нам крила,
Що обом нам з мокрим пір‘ям

Лігати не сила!”

„Ой Вороно-жалібнице!
Чого марно кричиш?
Я купаюсь – очищаюсь,
А ти з дуру плачеш.

На що мені на Славути
Твоя осторога?
Сушилась би собі мовчки,
Ротата небого!

На що мені од дощику
Твоя оборона?
Сиділа б собі мовчки,
Химерна Вороно!”

Прошу редакцію приложити к Основе басню: Гоголь и Ворона, в виде извещения о приготавливаемом к изданию сборнике моих стихотворений. Украинское слово, по моему глубокому убеждению, способно проявить себя со временем во всех родах и видах стихов и прозы. Надеюсь, что читатели увидят это отчасти и в моем сборнике, из которого заимствована предлагаемая басня. Само дело убедить в этом, – и может быть, скоро – наших антиподов, которых День для нас Ночь, которые пророчески решают вопросы жизни и смело утверждают, что наше слово способно к тому-то, и не способно к тому-то. Надеюсь также, что другие писатели украинские поддержат мою мысль новыми произведениями; что явятся новые поэты с новыми силами и новыми, еще несуществующими для нас средствами языка, так мало покаместь разработанного.

Основа. – 1861. – № 10. – С. 44-45.

Зміст

Пантелеймон Куліш

Михайло Максимович

Наукове видання

**МИХАЙЛО МАКСИМОВИЧ І
ПАНТЕЛЕЙМОН КУЛІШ:**

до історії взаємин

